

АШОТ БЕГЛАРЯН

РОМАН

АПЕЛЬСИН ПОТЕРЯННОГО СОЛНЦА

Срываю апельсины солнца в полдень,
тяжёлые и сочные плоды.
Но есть их буду, когда хлынут волны,
ночной безмолвной темноты.
Чтобы и в ней вращался, как планета,
оранжевый и тёплый сгусток света...

Эрнест Бегларян
(перевод В. Портного)

Часть первая

Между реальностью и воображением

Глава 1

Сидя на ступеньке деревянного крылечка, Эрик наблюдал, как сочный апельсин солнца, потихоньку теряя свою яркость, опускается всё ниже к полю, чтобы затем исчезнуть, словно уйти в землю, напоследок разлившись на небосводе разноцветьем зари. С исчезновением солнца и постепенным наступлением сумерек сгущалась и тоска в глазах мальчика... Уже которые сутки отец не возвращался с поля...

Не по-деревенски статный, с высоким, выдающим недюжинный ум, лбом, отец появлялся из вечерней полумглы, ведя под уздцы коня. Весь пропитанный ароматом полей, наклонялся он с широкой улыбкой и целовал сына в золотое темя, доставал из кармана сочную грушу, дикое яблоко или спелую, покрытую восковым налётом алычу и протягивал ему со словами: «Ну что, сынок, соскучился? Это тебе, попробуй, какая вкусная...» И Эрика охватывало чувство тёплой радости, уюта и защищённости.

Но вот уже который день, сидя на потёртой ступеньке крыльца небольшого симпатичного домика с железным красным петушком на крыше, мальчик вглядывался в гаснущие дали летнего вечера, не переставая надеяться, что отец вот-вот вернётся с поля с неизменной сияющей улыбкой, неся за пазухой светящиеся в лёгких сумерках фрукты, налившиеся за день солнцем...

Однако отец не приходил – его, как и почти всех мужчин маленькой деревни Аци, забрали на далёкий фронт для борьбы с фашистами. Теперь мать, обычно сдержанная и даже сухая, скупая на ласки, то и дело целовала в темечко сына, словно стараясь компенсировать нежность отсутствующего главы семейства. Эрик не замечал предательски скользящих по впалой щеке матери слёз – после поцелуя она тут же отворачивала от сына своё лицо.

Прощаясь с Арутюном на перроне у товарного вагона, в котором отвозили бойцов на фронт, она, прильнув мокрым лицом к его широкой, трепещущей под грубым солдатским кителем груди, тихо прошептала:

– Ты уйдёшь, а мы останемся в вечных муках и переживаниях...

По-отечески, как дочку (она была на десять лет моложе его), Арутюн поцеловал жену в напряжённый лоб и, несмотря на волнение, произнёс обычным, почти бытовым тоном, словно ехал по делам в районный центр:

– Как доеду, отправлю восточку... Береги детей!

Однако Кнар так и не получила письма от мужа. Впрочем, фронтовые треуголки редко и с большим опозданием приходили в далёкую, затерянную среди гор деревушку. Вот и известие о том, что Арутюн пропал в боях за Керчь, пришло спустя почти полгода после случившегося. Зато в самой деревне злая весть о без вести пропавшем разлетелась вмиг. Не застав Кнар дома, она полетела чёрной птицей на колхозное поле, где жена Арутюна трудилась от зари до зари, чтобы прокормить двоих малолеток: Алека и Эрика. Малышку Гоар Кнар не сберегла – дочка появилась на свет после того, как Арутюна забрали на фронт, а через четыре месяца заболела корью и покинула этот свет, едва появившись. Большие невинные глаза, широко и, казалось, удивлённо глядевшие на незнакомый мир, преследовали Кнар днём и ночью. А отец так и не узнал о её рождении и смерти. Во всяком случае, тут, на земле...

Кнар была маленькой, жилистой женщиной с узловатыми натруженными руками. Помимо исключительного трудолюбия, природа наделила её живым умом и смекалкой. Окончив четыре класса, Кнар, наряду с работой на колхозных полях, учила грамоте

односельчан в вечерней школе. Она знала много стихов, притч, сказок и умела так занимательно рассказывать детям, что персонажи – герои и злодеи, красавицы и чародеи, – кажется, обретали плоть и кровь и поселялись где-то рядом. Алек и Эрик слушали маму затаив дыхание. Нередко Кнар импровизировала, добавляла что-то своё, из реальной жизни. И это вполне органично вписывалось в сказки, ибо легенда и быль словно смешались в жизни далёкого от фронта, но постепенно засасываемого войной края. К примеру, реальная история отправки на фронт коня Тапала – так прозвали его за большую белую отметину на лбу.

После того как мобилизовали Арутюна, подоспел черёд и его коня. Красивый был конь: редкой, вороной масти, с огромными агатовыми глазами, роскошной гривой. Вместе с тем кроткий и умный, словно мысли хозяина читал, чувствовал настроение. Арутюн, будучи бригадиром в колхозе и агрономом сразу на три деревни, не мог без него обойтись. Ранним утром они выходили со двора, а возвращались в сумерках. Арутюн жалел Тапала, бóльшую часть пути он шёл пешком рядом со своим неразлучным другом и всё разговаривал с ним как с человеком...

Сухонькое лицо Кнар становилось жалким, когда она рассказывала надтреснутым голосом о сцене прощания с конём – вслед за Арутюном уходила на фронт и живая память о нём, животное, бесконечно преданное своему хозяину.

Дополнительную боль причиняла одна подробность: в отличие от своих сородичей, Тапал не ржал и не брыкался – не протестовал и не выражал недовольство понукающим его. Конь лишь поглядел на хозяйку краешком больших умных, полных человеческой грусти глаз и послушно впрыгнул в товарняк...

Кнар, конечно же, понимала, что видит Тапала в последний раз и незаметно вытирала слёзы. Внезапно сердце пронзила другая боль – до неё вдруг дошло, что и мужа она больше не увидит... А спустя год пришла чёрная весть.

Сразу померк яркий солнечный день в глазах Кнар, словно мрачная туча вмиг заволокла ясное небо над безбрежным полем. Сжалось в комок сердце, дрогнули колени, и силы разом покинули её маленькое тело... Когда Кнар привели в чувство, она, окончательно осознав, что происходящее не сон, отчаянно, словно защищаясь от чего-то невидимого, закрыла ладонями лицо и зашлась в беззвучных рыданиях.

Ощущение безысходности свинцовой тяжестью легло на душу одинокой женщины. Как среди бела дня может пропасть, бесследно исчезнуть человек, большой взрослый мужчина? Разве рядом или поблизости никого не было? Неужели никто не заметил?.. Множество вопросов и предположений о постигшей мужа трагедии терзало Кнар. Больное воображение рисовало самые страшные картины. Но где-то в уголке души теплилась надежда: а может, он ранен и лечится где-нибудь в госпитале или же попал в плен и жив ещё...

Жизнь Кнар и сыновей превратилась в сплошное ожидание с неопределённым, бесконечно растянутым во времени финалом. В воздухе постоянно висел мучительный немой вопрос: где вы, отеческий взор, отцово дыхание, улыбка, поцелуй?..

Чтобы отвлечь детей, да и себя тоже, от тяжёлых переживаний, она придумывала разные истории, похожие на сказки со счастливым концом, водила сыновей на возвышенность, откуда была видна вся деревня, и они смотрели вниз на дорогу, не идёт ли отец... Но, увы, после того, как всех мужчин и совершеннолетних юношей призвали на фронт, посёлок был непривычно пустынен. И лишь изредка на пыльной дороге появлялись женщина или подросток с кувшином или ведром родниковой воды.

Непреходящая саднящая боль неизвестности, периодически обостряющаяся, словно от удара кинжалом, изматывала маленькую женщину. Кнар старалась не смотреть в зеркало, боясь увидеть на своём лице выражение неземного страдания... Но разве могла она сдаться, опустить руки? На неё глядели четыре пары невинных глаз, а ещё – вездесущие ангельские очи Гоар...

Глава 2

Эрику снилось, что он бежит вверх по склону горы, обняв большой сочный апельсин, удивительно похожий на солнышко, ослепительно сияющее высоко в голубом небе. Лицо мальчика светилось блаженством, он широко улыбался с закрытыми глазами – ведь с вершины горы, ещё не замечая его, спускался отец, ведя под уздцы коня. Мальчик спешил, чтобы передать солнечный апельсин папе. Нет, Эрик, конечно, и сам бы с удовольствием съел вожаделенный плод, неведомо откуда оказавшийся у него в руках. Но он очень хотел доставить радость отцу – в благодарность за то, что тот ни разу не забывал приносить ему с полей и лесов сладкие фрукты и ягоды...

Но что это? Откуда-то внезапно появляется густой, тяжёлый туман и покрывает всё вокруг непроницаемой завесой, проглотив и отца с конём, и его самого вместе с солнышком в руках. Эрик кричит, зовёт папу, но в ответ – мёртвая тишина. От страха и растерянности мальчик невольно разжимает объятия, апельсин падает и, прыгая, как мячик, скатывается к краю ущелья. Эрик пытается догнать его, но, увы – блеснув на прощание, солнечный плод исчезает в чернильной тьме пропасти. Мальчик сам едва не проваливается в бездну, с трудом удержавшись на краю...

Кнар поспешила обнять очнувшегося с криком сына. Он был весь в холодном поту. Покрывая, словно защитной пеленой, материнскими поцелуями побледневшее личико Эрика, она сама казалась совершенно беспомощной и незащитной.

От крика брата проснулся и Алек, который спросонья попытался понять, что происходит. Он инстинктивно потянулся к матери и обнял её. Тут Кнар не выдержала, и все трое, словно по команде, разразились горьким плачем...

Взяв себя в руки, Кнар, пытаясь успокоить детей, легла между ними, полуобняв каждого, и стала рассказывать придуманную ею же притчу: «Во время сева одно из зёрен упало под большой камень. И камню казалось, что семя, лишившись света и солнечного тепла, умрёт, так и не пустив ростка. Но камень не знал, что земля, как мать, бережно обняла зерно и стала лелеять его...»

Вскоре Алек и Эрик заснули от убаюкивающего голоса и тепла материнского тела. А Кнар всё продолжала тихо петь свою колыбельную, рассказывая не слышащим её сыновьям, что в сыром окопе на далёком берегу отец их не спит ночами, чтобы ничто не смущало радужный детский сон...

Глава 3

Кнар разбудила детей рано утром и взяла их с собой в поле.

Кристалльный воздух, наполненный заливистой трелью птиц, деловое жужжание пчёл и праздный стрёкот кузнечиков в зелёной травке, по которой можно прогуляться босиком (с особым удовольствием – по утренней росе), плодовые деревья и кусты, ягоды и грибы на каждом шагу... В общем, обычная классическая деревня со своими прелестями – просто живи и наслаждайся. Но не тут-то было: зловещая тень от тучи, казалось бы, далёкой войны легла на величавые горы и глубокие живописные ущелья, заползла ядовитой змеей в человеческие души. И периодически доносящийся откуда-то с поля полный трагических нот рёв осла, подхватываемый чутким горным эхом, словно возвещал миру о том, как непросто людям и тут, в тылу, далеко от фронта. Этот вселенский крик бессловесного животного казался протестом против существующего положения вещей...

Развалившись под большим деревом, малыши молча и с некоторым удивлением наблюдали, как их мать с пёстрой косынкой на голове, передвигаясь на коленях, энергично выдёргивает узловатыми и сильными, как клещи, пальцами сорняки на свекольной плантации. Кнар вместе с другими колхозницами добросовестно отработывала свой трудодень¹. Трудодни записывались в книжки колхозниц, и в обмен на них последние получали продовольственные и другие товары. С началом войны и

мобилизацией мужчин на полях стало остро не хватать рабочих рук, и женщины вынуждены были трудиться как за себя, так и «за того парня».

Кнар то и дело оглядывалась на детей – всё ли у них в порядке. Вскоре мать отдалилась настолько, что превратилась в маленькую точку. В середине поля она встала, вытянулась во весь рост и, приложив к потному лбу сложенную козырьком руку, посмотрела в сторону ребят, помахала им и вновь опустила на колени, чтобы продолжить свою довольно тяжёлую и скучную работу.

Не замечая её, Алек и Эрик беседовали.

– Вот вырасту, возьму папино ружьё и пойду на войну, буду стрелять в этих фрицев, поубиваю всех, – Алек с презрением произносил запомнившееся ему из разговора взрослых слово «фриц». – Фрицы захотят убить меня, но я их укокошу, вернусь домой и буду всем рассказывать об этом...

– А папа будет там?

Алек не сразу ответил братишке.

– Нет, папа будет далеко, – задумчиво произнёс он.

– Где далеко?

– В горах...

– А папа когда вернётся и расскажет нам, как он убивал плохих солдат? – не унимался Эрик.

В отличие от него, шестилетний Алек уже осознавал, что произошло. Он вдруг произнёс с мальчишеской прямоотой:

– Теперь у нас нет папы...

Затем добавил с рассудительностью взрослого:

– И наш дом мы должны содержать сами.

Эрик, конечно, не совсем понял слова брата, но по серьёзному тону голоса Алека и тревожному выражению его лица он почувствовал, что произошло нечто страшное, и расплакался...

Хотя южное утро давно разогрелось, Кнар охватывал странный озноб. Вдруг в глазах ярко замерцало, и вместо залитой солнцем плантации женщина оказалась на каком-то другом поле, с далёкого конца которого надвигался огненный вал, пожирая всё на своём пути. Отчаянные людские крики перекрывали гул и рокот пожара...

Ожесточённые бои за каждый метр разгорались с новой яростью. Кругом всё содрогалось от грохота, лязга и скрежета бесчувственного металла, пронзительного человеческого крика и стога. Душил густой запах пороха и гари.

Массированными атаками танковых и мотострелковых частей противник стремился любой ценой захватить Керчь. Наступление поддерживалось интенсивным артиллерийским обстрелом. Советские «Катюши» отчаянно изрыгали ответный огонь, а гаубицы, подобно загнанному зверю, люто били прямой наводкой по бронетехнике противника. Оставляя за собой чёрные ленты дыма, с предсмертным воем падали на землю сбитые вражеские самолёты.

На помощь дрогнувшим было фашистским частям подоспела новая стая бомбардировщиков. Железные стервятники злоеце нависли над советскими позициями. Несколько краснокрылых истребителей были бессильны остановить хищников, заслонивших собой весь небосвод...

Смерть рубила людей, как коса колосья. Треть роты автоматчика Арутюна уже погибла, и было очевидно, что удержать позиции отныне невозможно. Устрашающе лязгая гусеницами, к наспех вырытому окопу приближался немецкий танк, за ним – пехота. Бойцы схватили последние гранаты...

– Кнар, с тобой всё в порядке? – неожиданно близкий голос вернул женщину в реальность.

Тщедушный старик-бригадир с болезненно сморщенным лицом удивлённо смотрел на неё с расстояния в полтора метра.

– Да, – растерянно произнесла Кнар, ещё не до конца придя в себя.

– А чего стоишь? Почему не работаешь? – с нескрываемым недоумением спросил бригадир, нервно сжав губы.

Кнар обнаружила себя стоящей посреди поля с крепко сжатым, словно связку гранат для броска по вражескому танку, кустом вырванного сорняка в правой руке. Согнутые, мокрые от пота спины колхозниц были уже далеко впереди. Окинув всевидящим материнским взглядом детей, превратившихся в едва различимые на горизонте точки, она принялась за прополку с удвоенной энергией и вскоре догнала своих подруг...

Глава 4

Шёл второй год войны. Второй год Эрик и Алек не видели своего отца и росли без него...

Как и по всей стране, жизнь нашей деревушки, ставшей ещё меньше из-за отсутствия мужской части населения, была поставлена под лозунг Коммунистической партии «Всё для фронта! Всё для победы!». В редкие свободные от работы минуты женщины, старики и подростки собирались у сельсовета, чтобы, затаив дыхание, слушать по репродуктору сводки о боевых схватках на фронтах войны. С лиц людей, казалось, навсегда исчезла улыбка, её сменило выражение тревоги. У всех на войне были родные люди: отец, муж, брат. Особенно тяжело было для тех, у кого мобилизовался на фронт единственный кормилец.

Ценой невероятных усилий Рабоче-крестьянской Красной армии² удалось остановить продвижение немецких войск и кое-как стабилизировать фронт. Более того, на разных направлениях советские части и соединения перешли в контрнаступление. Всем не терпелось услышать, наконец, радостную весть о том, что красноармейцы не только остановили врага, но и начали громить его, освобождая оккупированные земли. Однако, несмотря на большие потери, фашистские полчища отчаянно сопротивлялись, а на отдельных фронтах вновь брали инициативу в свои руки...

Алек с Эриком часто ходили на опушку леса собирать хворост для печки, которая была настоящим спасением в лихую военную годину: она не только обогревала дом, но и позволяла готовить на своей горячей железной спине еду, кипятить чайник или нагревать воду для купания. В один из дней, когда братья направлялись за сухими ветками лещины, на другом конце тропинки неожиданно появился солдат с рюкзаком на плече. Он шёл тихо, заметно хромя на одну ногу. Когда поравнялись, Алек не узнал односельчанина Унана – соседа через дом. Тот, казалось, повзрослел за два года разлуки лет на десять, весь поседел. На правой скуле его серого, словно покрытого дымом, помятого лица выделялся большой шрам, отсутствовала половина крыла носа. Зато (взамен всего этого) на груди выцветшей гимнастёрки блестела медаль.

Унан же узнал Алека и крепко обнял его.

Эрик стоял чуть поодаль, не решаясь подойти

– А это твой братик? – Унан указал усталым взглядом на Эрика.

– Да... – удивлённо ответил вместо него Эрик и тут же спросил: – Дядь, ты не встречал моего папу? Он ещё не вернулся с войны...

Унан, припав на хромящую ногу, шагнул к мальчику и прижал его к своей широкой груди. Мальчик с простодушной надеждой смотрел большими вопрошающими глазами на растерянного солдата. Вместо ответа по небритой щеке мужчины тихо покатились крупные слезы. Пауза казалась бесконечной...

Глава 5

Появление Унана в деревне стало большим событием. Было такое ощущение, что человек вернулся с того света или, по крайней мере, явился с другой планеты: для односельчан он стал первым живым очевидцем и участником страшных, обросших различными легендами событий, которые происходили далеко за горами, но напрямую и очень больно касались жителей маленькой деревушки. Его направили в тыл из-за увечья, полученного во время боя.

Вся деревня от мала до велика окружила Унана в надежде услышать весточку о своих родных. Всем казалось, что он должен был знать, кто где воевал, как проявил себя, какие геройства совершил.

Глядя на односельчан каким-то невидящим взглядом, Унан отвечал односложно, скупой и как-то отвлечённо, словно посторонний. Было очевидно, что он ещё не совсем осознал, где находится. Бывший солдат, казалось, сомневался в реальности происходящего, как бы пребывал в некоей нейтральной зоне между войной и миром. Да и бессмысленно было ожидать от него каких-либо конкретных сведений. Война правила миллионной массой людей, не разбирая их лиц, манипулировала ими, уничтожала их сотнями и тысячами, словно косила резвой косой траву. Унан же был всего лишь одним из тех, кого мощный вихрь судьбы бросил на бескрайнее поле всепожирающей бойни. Правда, ему повезло чуть больше – война только покалечила его, сохранив жизнь...

Кнар молча стояла в толпе, тщетно пытаясь уловить что-то обнадеживающее для себя. Наконец, она решилась спросить про мужа. Но что мог ответить несчастной женщине маленький солдат большой войны? Унан лишь сказал, что много людей утонуло при переправе через Керченский пролив во время эвакуации из повторно оккупированной врагом Керчи. У Кнар вдруг защемило в груди, потемнело в глазах, дрожь пробежала по всему телу. Она едва удержалась на ногах. Слова Унана стали настоящим ударом для женщины: вот, оказывается, как просто мог пропасть человек среди бела дня. Однако разум всюду противился этому. Действительность вновь начала смешиваться с бессознательным...

Линия обороны советских войск постепенно сужалась, а давление противника всё увеличивалось. Несмотря на отчаянное сопротивление красноармейцев, немцы вошли в Керчь и, развивая наступление, стремились захватить переправу и отрезать последнюю возможность эвакуировать живую силу и технику.

Множество гружёных машин, тысячи людей столпились по всей переправе, возле причалов и в прилегающих полях. То и дело в небе появлялись вражеские стервятники и, пикируя со зловецим рёвом, сбрасывали бомбы. Каждая из них уносила десятки человеческих жизней. Но обречённые люди, казалось, не боялись бомб, предпочитая смерть фашистскому плену.

Катера успевали переправлять на противоположный берег лишь раненых. Однако как только приближался новый катер, сотни людей бежали к причалу и, невзирая на крики и удары охранников, пытались любой ценой пробиться к спасительному судну. Тех, кому это удавалось, уже невозможно было высадить обратно на берег. Перегруженные катера рисковали затонуть и без помощи висящих над ними немецких бомбардировщиков.

Поняв, что организованной переправы не получится, командир сильно поредевшего подразделения, в котором воевал Арутюн, отдал неофициальное распоряжение «переправляться кто как может»...

Видение исчезло. Какая-то сила вернула Кнар обратно из той реальности в эту. Она молча вышла из толпы и понуро направилась в сторону колхозного поля. Глаза блестели

от подступившихся слёз. Лишь глубоко в поле она дала им волю, завывала во весь голос. Лихой ветер подхватил этот нечеловеческий вопль и разнёс по всей округе...

Глава 6

Осторожно, словно не желая будить всех остальных, из-за макушки горы выглянуло солнышко и ласково пощекотало своим длинным лучиком-пальцем щеку Эрика. Не открывая глаз, малыш улыбнулся, томно потянулся всем телом, ручками и ножками. Не было никакой охоты вставать, хотелось полежать ещё, понежиться в постели. Мальчик наотрез отказался идти с матерью в поле.

– Не хочу, там жарко и мухи кусаются, – заупрямился Эрик.

Видя решимость сына, Кнар не стала настаивать. Она положила на стол завтрак и одновременно обед: два варёных, очищенных от скорлупы яйца, картофельное пюре, кусок сыра, большой, разрезанный пополам помидор и два огурца, лепёшку тонирного хлеба, завернутую в кухонное полотенце. Уходя, мать строго велела Эрику не шалить и слушаться во всём старшего брата. А Алеку наказала не спускать с него глаз.

Пользуясь свободой, дети поднялись с постелей поздно, лишь когда солнце уже двигалось к зениту. Позавтракали по-мальчишески наспех, не садясь за стол, словно торопились куда-то. Затем попинали на веранде мячик, изготовленный из старых тряпок, а когда надоело, Алек вдруг «повзрослел», как это часто бывало с ним, и заговорил серьёзным и ответственным тоном:

– Надо маме помочь. Пойдём за водой.

Шлёпая тапочками на босу ногу по мелкокаменистому белому грунту, они направились к роднику Анаит на окраине деревни, звеня алюминиевыми бидончиками. С родником была связана легенда, которую Кнар часто рассказывала своим сыновьям в разных вариациях. И дети всегда слушали её с интересом.

Эрика особо забавляло место в легенде, когда простая деревенская девушка Анаит, словно издеваясь, всё не давала жаждущему царевичу Вачагану напиться, раз за разом выливая родниковую воду из наполненного кувшина в замшелую канаву, откуда пил деревенский скот. По-детски живо он представлял в своём богатом, легко воспламеняющемся воображении и даже физически ощущал, как пересохло во рту у царевича, скрывающегося под одеждой охотника, и как тот со слипшимися губами еле сдерживает свой высокий гнев, в то время как его конь не скрывает негодования, фыркает и топает копытом, впрочем, не осмеливаясь подойти к канаве, пока хозяин не утолил жажду. Но красавицу всё это не волнует: она, кажется, затеяла какую-то кокетливую игру. И лишь на шестой раз Анаит, наконец, подаёт незнакомцу полный сосуд, покрывшийся, словно от стыда и страха, холодным потом...

Объяснение мамы о том, что Анаит умышленно медлила, чтобы разгорячившийся в дороге Вачаган немного остыл и студёная вода не навредила ему, мальчик воспринимал как специально придуманное для него родительское наставление: в знойные дни лета деревенские мальчишки, в том числе Алек и Эрик, припадали запёкшими губами прямо к каменному ковшу родника Анаит, словно мстя красавице за то, что она так мучила Вачагана...

Но зато Эрик с нетерпением ждал, когда мать, наконец, дойдёт в своём рассказе до эпизода, в котором уже ставшая царицей Анаит в золочёных доспехах и с обоюдоострым мечом в руке поскачет на огненном коне вызволять из страшного подземелья пропавшего супруга – Вачагана...

Мальчик не замечал, что с некоторых пор в этой части повествования мать невольно менялась в лице: грусть пробегала по тонким, бескровным губам, впалым щекам и заострившимся скулам, ложась тенью задумчивости на её неширокий лоб с уже наметившимися морщинами. В это время Эрик уже сам мысленно мчался на лихом коне с

большой белой отметиной на лбу – Тапале – освобождать от ужасных злодеев своего отца...

Глава 7

Несчастье ещё больше сплотило осиротевшую семью. Растерянность и замешательство первых месяцев сменились чувством общей ответственности за сегодняшний день и дальнейшую судьбу. Дети, которым долго казалось, что папа вот-вот войдёт в дверь, улыбнувшись своей солнечной улыбкой, потихоньку свыклись с печальной действительностью и стали бережнее относиться к маме. И хотя сама Кнар старалась оградить их от трудностей и жизненных невзгод, пытаясь восполнить отсутствие второго родителя, Алек, стремясь быть достойным отца, проявлял всяческую инициативу. Эрик тоже старался не отставать. Однажды в свои неполные шесть лет он приволок домой брёвнышко. Как муравей хвоинку, он протащил через всю деревню ношу, не меньше своего собственного веса. Мать была изумлена, но не стала порицать сына за чрезмерное старание, а лишь тайком утерла слезу.

Удивительное дело: стараясь всячески поддержать мать и как-то компенсировать отсутствие главы семейства, дети, наоборот, невольно причиняли ей новую боль, воспламеняя память о перенесённом потрясении. В такие минуты, словно откровение, перед глазами Кнар часто появлялись живые кадры – то ли плод её раненого воображения, то ли послания Арутюна, не написанные обычной человеческой рукой...

Трюмы очередного катера были полны ранеными. Капитан судна сообщил, что может принять на палубу ещё максимум человек пятьдесят. Люди бросились вперёд, и никакие усилия команды катера не помогли: вместо полусотни на борт ворвалось около двухсот человек. Капитан отказывался отправляться, грозясь выбросить всех за борт. Но в этот момент на далёком горизонте показалась пара вражеских штурмовиков, и командир катера вынужден был дать приказ двигаться во избежание верного шанса стать жертвой немецких бомб...

Арутюн стоял в корме судна, в плотной гуще людей, которые жарко и влажно дышали друг другу в лицо и затылок. Небо было ясным и не предвещало какой-либо опасности. Но вдруг, прорезывая с жутким шумом воздух, из ниоткуда появился бомбардировщик. Арутюн инстинктивно скинул с плеча вещмешок, с трудом снял шинель. Предчувствие неминуемой катастрофы не обмануло.

Самолёт сбросил бомбу, рядом с катером раздался страшный взрыв. Мощной ударной волной людей выбросило за борт. Некоторые сразу же пошли ко дну, другие барахтались в воде. Над возмущённой поверхностью моря стоял отчаянный крик о помощи...

Арутюн неважно плавал. Делая энергичные движения руками и ногами, чтобы не дать пучине поглотить себя, он лихорадочно искал взглядом хоть какую-то опору в окружающем бескрайнем водном пространстве. Заметив в нескольких метрах от себя обломок разбившегося судна, боец собрался с силами, доплыл и ухватился за него.

Отдышавшись, Арутюн огляделся. Примерно в полукилометре виднелись столбы с привязанными к ним рыбачьими сетями. Это была единственная, пусть и почти прозрачная надежда на спасение, и туда уже плыли десятки несчастных людей, отданных волею обстоятельств на откуп стихии.

Арутюн осознавал, что собственными силами он способен преодолеть лишь метров сто. Тем не менее иного выбора не было. Чем дальше, тем меньше оставалось поблизости людей, отчаянно пытающихся спасти свою жизнь. Многие, растратив последние силы, тонули. Большинство из них уходило безмолвно, так как сил даже на

последний крик о помощи не хватало. Неподальку в разных позах плыли трупы, утонувшие несколькими минутами раньше и теперь всплывшие на поверхность...

Арутюн с трудом сбросил с ног сапоги, которые, наполнившись водой, тянули вниз, и, опираясь на обломок от катера, двинулся в сторону столбов. Руки и ноги наливались свинцовой тяжестью, а душа – удушающей болью. Боец уже готов был смириться с мыслью о неизбежном...

Глава 8

Энергетическая сила мысли хрупкой женщины порой бывает соизмерима с физической мощью Геракла и в состоянии двигать горы. Пусть данное утверждение и не претендует на научную гипотезу, но говорят, что силой своей верности и преданности любящая жена способна невидимым энергетическим щитом защищать супруга от смертельных опасностей и вернуть его живым с войны. Даже приводятся конкретные тому примеры...

Кнар в одиночку тянула лямку военного быта, не теряя надежды, что Арутюн жив. В минуты редкого отдыха от повседневного утомительного труда в колхозе и тяжёлых семейных забот она садилась на большой камень под стеной дома, вперив взгляд в предполагаемые дороги возвращения и ведя неслышный для других разговор. И порой ей казалось, что откуда-то издали отзывается родной голос: «Жди, дорогая, твоя любовь обязательно приведёт меня домой по неведомым дорогам...»

Но проходили дни, недели и месяцы, а вестей от Арутюна всё не было. В деревню, правда, с опозданием на месяц-два, приходили сложенные треугольником полевые письма от мужей, сыновей и братьев, где они рассказывали родственникам о своих фронтовых буднях, уверяли, что сломают хребет фашистской гадине, сметут с лица земли всю нечисть. Бойцы признавались родным и близким в любви, поздравляли кого-то с днём рождения, обещали после войны собраться всей семьёй и зажить на славу, посылали всем пламенный красноармейский привет ...

Пропитанные грустью и ностальгией строки этих долгожданных писем старательно выводились в сырых окопах и прокуренных насквозь блиндажах, под разрывами снарядов, на койках медсанбатов, и за каждым словом стоял человек со своей обнажённой душой, переживаниями, страхами и надеждами.

Кто-то нехитро писал, что иногда, когда идёт сильный дождь, в землянку протекает вода.

«Но это бывает очень редко, да мы ведь не сахарные, – спешил успокоить боец, ввернув пару по-солдатски грубоватых шуток. – Живём на свежем воздухе, аппетит жуткий, как на курорте».

Кто-то признавался задним числом, что получил небольшое ранение, но сейчас чувствует себя гораздо лучше, и повода для беспокойства нет...

Приходили и письма-похоронки. Горе родных не могли утешить слова «он был верный товарищ», «самоотверженно служил нашей матери-Родине», «боролся за свободу и независимость, не щадя свои силы и здоровье», «похоронили мы его со всеми воинскими почестями, с отдачей салюта», «покаялись отомстить за нашего друга и товарища»... С разницей в три недели смертью героя пали и оба брата Кнар: Епрем и Григорий. Но об этом бедная женщина узнает лишь месяцы спустя...

От Арутюна же не приходило никаких вестей. И если жизнь на фронте отсчитывалась по секундам, то здесь, в тылу, во всяком случае, для Кнар, время словно остановилось. Ужас и беспомощность перед чем-то непонятным, могущественным и неотвратимым периодически овладевали ею. Солнце в небе казалось тусклым и не грело.

Дети, сидя поодаль в тени старого тутового дерева, молча наблюдали за мамой. Подставив ссутуленную спину ярким лучам небесного светила, Кнар, как и многие

женщины деревни, вязала носки для отправки на фронт бойцам, лелея надежду, что одна из пар найдёт Арутюна. Она периодически вздрагивала и ёжилась, словно от холода, и тихо жаловалась на что-то. Мальчиков искренне удивляло, как можно мёрзнуть в знойную жару.

Откуда было детям знать, что их маме сейчас нужен огонь в сердце, и даже само солнце бессильно помочь, если отсутствует душевное тепло...

Глава 9

Едва только Арутюн собирался опустить руки и отдать себя на откуп всемогущим обстоятельствам, его ноющие от напряжения и холода воды мышцы неожиданно наполнялись новой силой. «Держись! Плыви!» – командовал, но больше умолял, чей-то слышимый только ему голос. То и дело, словно маяк из плотного тумана, появлялись перед мысленным взором полный тоски и ожидания взгляд Кнар и невинные глаза сыновей...

До рыбацких сетей уже доплыло несколько человек, но большинство утонуло в пучине пролива. Арутюну оставались считанные метры до роковых железных столбов. Верхние концы столбов, отстоящих друг от друга метров на двадцать, были соединены между собой тросами. Ещё несколько отчаянных движений – и можно, наконец, схватиться за спасительный канат...

В своём воспалённом воображении Кнар не переставала бороться за жизнь мужа. Впрочем, то, что происходило с ней, нельзя было назвать лишь воображением: словно в некой параллельной действительности, периодически возникающей спонтанно и помимо её воли, как сон наяву, появлялись образы и ситуации, которыми, тем не менее, можно было манипулировать, подобно ребёнку, играющему в солдатики. Несчастливая женщина жила попеременно в двух реальностях: в одной – для детей, в другой – для мужа. И порой она не могла понять, какая реальность реальнее – эта или та. В такие моменты окончательно исчезала невидимая, почти неуловимая нить, которая связывает человека с действительностью. Окружающий мир казался иллюзорным, а собственные действия – чужими. Мозг Кнар не видел разницы между объективной реальностью и воображением, действительностью и фантазиями, в одинаковой мере реагируя на всё, о чём думала она. И это, возможно, было своеобразной защитной реакцией маленькой, надломленной женщины – за себя и свою половину...

Превозмогая себя, Арутюн всё-таки дотянулся до троса и судорожно ухватился за него обеими руками. Замерев на минуту, чтобы свыкнуться с новым положением и осмыслить дальнейшие действия, он осторожно выпрямил измученное, казавшееся чужим тело и ногами нащупал сети под водой – хоть не совсем надёжная, но всё же опора. Арутюн отдышался, огляделся по сторонам и увидел сюрреалистическую картину: на каждом из столбов, словно прикованные к ним, висели люди – такие же измученные и едва живые, как он. Обхватив из последних сил спасительные опоры, одни тихо стонали, другие поносили матом фрицев и искали глазами помощи, третьи молчали и не подавали признаков жизни... Вдруг, не издавая ни звука и не делая каких-либо усилий для удержания своего тела, скользнул вниз по соседнему столбу и пошёл ко дну юноша с мертвенно бледным лицом, который, судя по всему, одним из первых приплыл к сетям и, может быть, раньше всех испытал иллюзорную радость спасения. Однако страшная усталость заставила его спустя некоторое время прекратить всякое сопротивление смерти и положить конец своим мучениям...

Пронзительно кричали и жалобно стонали мечущиеся в небе чайки...

Кнар старалась, чтобы сыновья не замечали её периодические уходы в иное, не объяснимое разумом и логикой измерение. Ей самой было боязно долго оставаться там...

Вернувшись в обычную действительность, она приготовила деревянную лохань для купания детей, стала нагревать на печке воду в двух алюминиевых вёдрах. Алек уже стеснялся своего голого тела и протестовал против совместной бани с братом. Более того, он выступал за полную автономию – не хотел, чтобы мать помогала ему мыться. Кнар пошла на компромисс: Алек купался отдельно, но в самом конце мать тщательно мылила ему голову и спину грубым хозяйственным мылом и разом выливала на съёжившегося в комок сына остаток всё ещё довольно горячей воды из большого ведра.

Эрик же проявлял свою «взрослость» тем, что тайком от матери лазил на старое тутовое дерево. Но его манили не только спелые сладкие ягоды. В верхней части толстого ствола было большое дупло, в непроницаемой глубине которого гуляло загадочное эхо. Чтобы отвести желание детей лазить по дереву, мать прибегла к маленькой хитрости – придумала, что в дупле живёт огромный змей. И поначалу дети боялись подходить к дереву, хотя сама Кнар, забывая о придуманной ею же смертельной угрозе, часто взбиралась летом на дерево и, держа на согнутом локте левой руки пластмассовый бидончик, правой срывала поспевшие ягоды туты. Маленькая и воздушная, она ловко перебиралась с ветки на ветку, казалось, совершенно не касаясь их. Через считанные минуты бидончик наполнялся до краёв, и мать спускалась с вершины дерева, столь же легко, как взбиралась, несмотря на достаточно увесистую ношу...

Проходили дни, недели и месяцы, но змей не подавал признаков жизни. Однажды, набравшись храбрости, Алек поднялся с длинной палкой на дерево и, сунув его в «змеиное гнездо», стал ворошить в нём. В эти минуты он ощущал себя героем из маминых сказок, борющимся со страшным драконом. А Эрика, стоящего внизу на стрёме, чтобы мать не застучала, пробирала дрожь. Но тревога оказалась напрасной.

Разоблачение взрослого обмана дети восприняли с восторгом и одновременно некоторым разочарованием, так как дерево потеряло свою романтику. Зато они почувствовали себя ещё чуток взрослее. И вот теперь Эрик, несмотря на строгий запрет матери, тайком взбирался на дерево, кричал и свистел в дупло, забавляясь причудливым эхом.

Глава 10

Столь лёгкая гибель соседа по столбу, последовавшая за имевшими место ещё несколько минут назад невероятными усилиями спастись, поразила Арутюна, вызвав крайне тягостное чувство. Всякую он видел смерть на войне, но чтобы вот так спокойно и безразлично принять её... Невольно подумал, что и ему, наверное, в скором времени придётся опустить руки, покорно смирившись с неизбежным...

Сети не выдерживали тяжести человеческого тела, прогибались, и требовались постоянные усилия ног и рук, чтобы не пойти ко дну. Собравшись с остатками сил, Арутюн подтянулся и сел на трос, обхватив столб правой рукой.

За соседний слева столб держались двое. Разговорились. Один оказался старшим лейтенантом, другой – младшим сержантом. Познакомившись друг с другом, сразу же стали вместе прикидывать, как спастись, за какую соломинку ухватиться на краю хищной бездны под ними.

День уже клонился к вечеру. К страшной усталости, жажде и голоду прибавлялся и холод, грозивший добить промокивших до костей людей. Только движение, пусть и в сторону неизвестности, давало шанс на выживание. Решили внимательно следить за плывущими по течению более-менее крупными предметами и зацепиться за них, отдавшись во власть морского потока, возможно, спасительного...

Тем временем на берегу не прекращалась канонада. Противник упорно стремился захватить переправу...

Кнар было 16 лет, когда её, старшую дочь в большой семье из шести девочек и двух мальчиков, сосватали за односельчанина Арутюна. Жених был завидный, с отличием окончил в городе областную Колхозную школу и сразу же получил назначение агрономом на три ближайšie деревни. Отец Кнар, маленький, рано поседевший, тихий мужик, выслушав сватов с бесстрастным лицом мудреца, произнёс почти безучастно: «Пусть будут удачливы». В душе он, конечно, радовался, что дочь выходит за человека с дипломом – в деревне это было большой редкостью. Сама Кнар, которую поставили перед фактом, особо не спрашивая её мнения, отреагировала на происходящее весьма оригинально. Когда Заруи сообщила дочери о намерении Арутюна, расхвалив его, та, недолго думая, выпалила: «Тебе нравится, ты и выходи за него». Мать всплеснула руками и произнесла с искренним недоумением: «Дура, ты должна в укромном месте плясать от радости, что он заметил тебя».

По юности своей Кнар не понимала, что должна делать в новой семье и в чём будут заключаться её супружеские обязанности. В ответ на наивный вопрос девушки мать пошутила, что главная её миссия будет в том, чтобы носить свекрови с родника свежую воду. Девушка поверила...

На свадьбе, как было принято в здешних местах, гуляла вся деревня. Закололи вола, зарезали несколько свиней, множество кур и гусей. Соседки помогли приготовить разнообразные кушанья. В тonyре приготовили куркут³, напекли на садже⁴ женгялов хац⁵, не обошлось, конечно же, без традиционной сладкой круглой гаты⁶. Самодельной тутовки и вина было вдоволь – каждый приносил с собой бутылки. Колхоз помог с овощами и фруктами. Из соседней деревни пригласили музыкантов с дхоллом⁷ и зурной⁸.

Молодожёны были одеты просто, но довольно изящно. В свадебном наряде невесты, как того требовала традиция, преобладали красные цвета, а в одежде жениха – зелёные. Кнар, согласно этикету невесты, не поднимала глаз. Казалось, что происходящее её не интересует. Арутюн же очевидно стеснялся, ему было как-то неловко за всеобщее внимание к себе и слишком любопытные взгляды молодых девушек, смотревших на него, как на белую ворону – за его интеллигентность и образованность, подтверждённую государственным дипломом.

Перед тем как выпить за молодожёнов, тамада – председатель сельсовета, немолодой сухощавый мужчина с высоким нервным лбом и тяжёлым, крутым подбородком уверенного в себе человека – поднял тосты за вождей народа: Ленина и Сталина, за Компартию, социалистическую Родину и светлое коммунистическое будущее...

Спустя несколько лет Арутюн вместе со многими участниками своей свадьбы, оставив всё – родной край, жену и детей, – отправится на фронт с лозунгом «За Родину, за Сталина!». Уйдёт, как и все, с надеждой когда-нибудь вернуться...

Глава 11

Мучимый жаждой, Арутюн рискнул выпить пригоршню морской воды. Она была солоноватой на вкус, как слеза, и, в общем-то, оказалась пригодной для питья, так как была не столь насыщена солями, как во многих других морях. Примеру Арутюна последовали и его новые товарищи. Станным образом все привыкли к голоду. Старались больше говорить, чтобы сон не сморил.

– Смотрите, что плывёт! – вдруг крикнул старлей.

Это казалось невероятным: течение несло в их сторону небольшой плот.

– Вот бы поймать его! – почти мечтательно произнёс офицер.

Для этого надо было проплыть перпендикулярно движению спасительного сооружения метров пятьдесят. Никто не хотел рисковать, боясь потерять последнюю опору, доставшуюся с таким трудом.

– Умирать так умирать, – вдруг отчаянно произнёс сержант и бросился в воду.

Товарищи напряжённо следили за ним, видя в каждом взмахе его руки толику надежды на спасение. Сержант доплыл до нужного места, отдышался, пока плот подплыл, поймал висевшую сбоку верёвку и стал тянуть нехитрую бревенчатую конструкцию к столбам. Втроем поместились на неширокой поверхности плота, сев спинами вплотную друг к другу, чтобы немного согреться. На измождённых лицах людей мелькали отблески невысказанного счастья, в которое они, казалось, боялись поверить. Решили плыть утром, так как уже темнело...

Едва забрезжил рассвет, Кнар встала, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить детей. Она на цыпочках подошла к кровати, где вальтом спали братья. Одеяло, несмотря на то, что Кнар по нескольку раз за ночь поправляла его, вновь съехало и уже сползло на пол. Чувство болезненной жалости кольнуло материнскую грудь, когда в зыбком свете просыпающегося утра она увидела свернувшиеся калачиком худенькие, щуплые, казавшиеся беззащитными тела мальчиков. Хватит ли сил сберечь, защитить их, оградить от явных и скрытых многочисленных опасностей и несчастий, поставить их на ноги? Конечно, односельчане относились к ним с сочувствием, поддерживали – кто словом, кто делом. Рано повзрослевшие в отсутствие старших и выглядевшие больше своих лет соседские подростки помогали колоть дрова, подправить скособочившуюся калитку, залатать дырку на крыше. Но что могло заменить мальчикам отцовское плечо, слово и воспитание?..

Кнар поправила съехавшее одеяло, тщательно подоткнула его края под беспокойные спины и ноги сыновей, словно укрывала от окружающего мира. Обострившийся в отсутствие главы семейства материнский инстинкт заставлял её превратиться в коршуна, защищающего своё потомство. Ей казалось, что за каждым углом притаилась опасность, и она старалась «спрятать» детей, заслонить, укрыть их от коварной действительности. Но мальчики росли как-то вне её назиданий, вопреки её страхам, по программе, заложенной природой с рождения – бойкими и непоседливыми, одновременно ответственными. В свои неполные восемь Алек и вовсе чувствовал себя взрослым. Он порывался вместе со старшими подростками косить в поле, убирать урожай и связывать его в снопы, возить сено, управляя лошадью. Как-то собрался взобраться на крышу заделать дырку, откуда текло во время сильного дождя.

– Мал ещё, не твоё дело, – категорически запретила мать, – свалишься – костей не соберёшь ...

Но у Алека уже были свои собственные поведенческие соображения, которые, впрочем, он высказывал вслух пока лишь младшему брату: «Будешь во всём слушаться маму, назовут тебя «маменькиным сынком», и никто не будет тебя уважать».

Мальчикам в самом деле не хватало мужского влияния, совета и подсказки. Кто как не отец мог внушить сыну уверенность в своих силах, доступно объяснить, кто такой храбрый человек, а кто – трус, поговорить о чести и достоинстве, воспитать в сыне волю и твёрдость? Ведь сыновья подражают отцам...

Но движимая вполне понятным материнским инстинктом Кнар, сама того не сознавая, лишь усиливала своими запретами внутреннее стремление растущих сыновей к самовыражению и свободе. Военное поколение детей само по себе уникально: преодолевая тяготы, лишения и невзгоды, дети войны не только становились практиками, но и философами жизни.

В девять лет Эрик, в отличие от брата – романтичный и мечтательный, напишет первое своё стихотворение – о родной деревне, об отце, сеющем золотые пшеничные зёрна на залитом солнцем поле, о войне, налетевшей с ясного неба хищной птицей, об

отнятом солнце и осиротевшем очаге. Оно родится как-то само собой, совершенно неожиданно и в не совсем подходящий момент – на нелюбимом уроке арифметики... Но пока Эрику было всего шесть с хвостиком лет, и о своём даре мальчик ещё не подозревал.

Шёл 1943-й. Третий год безотцовщины. До Победы оставалось ещё два года.

Глава 12

Алеку снился сон: отец вернулся с войны, усталый и поседевший, как односельчанин Унан, и рассказывал о лютых боях с фашистами. Мальчик слушал его затаив дыхание, с повлажневшими немигающими глазами. Он был счастлив, что папа наконец появился и пришёл навсегда... Но, не закончив свой рассказ, отец вдруг тронул его за плечо, как бы прощаясь, и произнёс с лёгкой улыбкой: «Вставай сынок, я разговаривал с тобой с *иного* места».

Алек открыл глаза. Он реально чувствовал энергетику родительской ладони на своём плече, однако вместо отца мальчик увидел лишь комок света от пробивающегося сквозь шторы солнечного луча. Подступившие во сне светлые слёзы радости сменились слезами горького разочарования и обиды...

Кнар же продолжала пребывать в своём особом, существующем между реальностью и воображением сне, напоминающем многосерийную киноленту, сценарий которой писался невесть кем и где, но с удивительной скрупулёзностью и последовательностью.

...Вдруг сержант резко наклонился к воде с вытянутой правой рукой, от чего плот накренился, чуть не сбросив с себя людей. Через секунду младший командир выпрямился с подобием радостной улыбки на измученном лице – в кулаке он сжимал рыбку. Разделил на три крохотные части. Съели, тщательно разжевав даже косточки.

Ночь вступала в свои права. Мокрые тела чудом спасшихся, но всё ещё преследуемых смертельной опасностью людей онемели, холод пронизывал до костей. То и дело схватывали спазмы с кашлем, часто беззвучным, ибо даже на полноценный кашель не хватало сил. От природы Арутюн был чувствителен к холоду и порой умудрялся подхватить насморк даже в жаркую погоду. Сейчас воспаление лёгких казалось неизбежным...

Предстояла мучительная, полная опасностей ночь. Прижавшись друг к другу спинами, Арутюн и два его случайных, но теперь уже практически ставших единым с ним организмом товарища периодически забывались в тяжёлой дремоте, из которой вырывал крик о помощи: порой плот кренился от невольного движения полусонного человека, и тот падал в холодную тёмную воду. Товарищи с трудом тащили его обратно...

Но ночь не может длиться вечно, какой бы бесконечной и мучительной ни казалась человеку каждая её минута. Рассвет наступил без пения петухов. Вместо него голос чайки, словно крик раненой души, разгонял липкую утреннюю дрему, возвращая к суровой реальности измученных людей, пытающихся из последних сил спасти свои жизни на зыбком и ненадёжном плоту, отделяющем их от бездны, которая становилась всё прозрачней и откровенней под лучами восходящего солнца. Крики птицы, рвущие душу своей безысходностью, сильно контрастировали с радостными, возвещающими наступление нового дня солнечными лучами и подчёркивали трагичность и вопиющую несправедливость ситуации.

Однако Арутюн и его товарищи увидели в рассвете надежду добраться до спасительного берега. Вытащили из плота длинный неширокий брус, смастерили из него вёсла, орудуя перочинным ножом, который, к счастью, сохранился у офицера. Отплыли от сетей со смешанным чувством радости от неожиданно представившейся

возможности собственного спасения и жалости к тем, кто продолжал висеть на жердях в надежде на чудо...

Глава 13

Надежда нужна человеку как воздух – в определённых ситуациях без неё просто невозможно жить. Эта спасительная эмоция, родная сестра мечты, конечно же, была необходима и Кнар. Не переставая верить в возвращение мужа, она продолжала оставлять на столе рюмку туговой водки и завёрнутую в чайное полотенце краюху хлеба с сыром – а вдруг Арутюн вернётся в её отсутствие и не найдёт, чем утолить голод. Это казалось наивным, но, тем не менее, не давало оборваться последней ниточке надежды...

Тем временем в деревню степенной поступью пришла осень, чтобы дать томившейся от августовской жары природе глотнуть свежести, успокоить перетрудившуюся, запыхающуюся землю. Огороды разродились обильным урожаем. В колхозе, превратившемся в бабье царство, работали в несколько рук – деревенские реалии, тем более в военную пору, не терпят ленивых. Все забыли, что такое отдых. Не было смеха и улыбок. Общая огромная забота и тревожное ожидание владели всеми без остатка. После тяжёлой, изнуряющей работы в поле женщины до поздней ночи вязали дома носки и варежки для бойцов на фронте.

К уборке урожая привлекали и детей, которые постепенно становились полноценными участниками трудового фронта. Восьмилетний Алек старался не отставать от подростков четырнадцати-пятнадцати лет, помогая выкапывать картофель, свеклу, морковь, заготавливать корма для колхозного скота.

Солнце становилось скупее, уже не грело как раньше. Потускневший луч всё ещё гладил склоны цветистых гор, не достигая их плешивеющих макушек, от которых веяло вековой мудростью.

Эрик сидел на большом камне перед калиткой и, закинув голову кверху, наблюдал, как, прощаясь с родным краем, курлыкали в небе журавли. В их крике чувствовались грусть, тоска и тревога, словно и они шли строем-клином на войну. По мере их удаления, казалось, в небе убавлялось света, будто журавли уносили на своих широких и длинных крыльях лето.

Эрик смотрел им вслед с особым чувством – словно эти птицы должны были знать тайну его отца. В мальчишеской душе смутно зарождались какие-то необычные, смешанные одновременно с грустью и зыбким ощущением радостного ожидания, лёгкие, взмывающие к небу и вместе с тем щемящие чувства. Эрик тогда ещё не мог понять, что за ростки появились в его маленьком, но неравнодушном, трепещущем сердце...

Провожая взволнованным взглядом шумный клин, Эрик мысленно попросил журавлей обязательно узнать что-либо об отце и весной принести с собой хоть какую-то весточку о нём...

С каждым днём осень всё настойчивее заявляла о своих естественных правах. Готовя природу к зимнему оцепенению, она побуждала деревья освободиться от тяжёлого груза старых листьев. Последние крайне неохотно отделялись от веток, на которых они родились и провели свои лучшие, тёплые и солнечные дни. И была какая-то трагическая тайна в неуловимом миге, когда пожелтевший, ослабший и потерявший свои жизненные соки скукожившийся листок, нервно вздрогнув, отрывался от своей опоры и начинал нехотя, словно в замедленном кадре, опускаться на землю. Однако это падение было неизбежно для начала новой жизни – всё старое когда-нибудь должно уступить новому, зарождающемуся... Только вот было непонятным и странным, когда сильным шальным ветром вдруг срывало молодой, цветущий, полный энергии лист...

Уже не одна похоронка пришла в деревню, облачая в чёрное несчастных юных вдов. Кнар же продолжала свою борьбу со страшной неопределённостью...

Спасавшимся приходилось делать недюжинные усилия, чтобы преодолеть полосу течения. Арутюн и его товарищи удивлялись, откуда у них брались силы безостановочно грести, направляя плот в нужное русло и не давая течению отнести их в тыл врага. Где-то в километре виднелся остров. Туда подплывали катера и подбирали тех счастливых, которым удалось выжить в аду, созданном самим человеком для себе же подобных. В отличие от рыболовецких сетей, остров был недосыгаем для вражеских пулемётных и пушечных снарядов. Правда, оставалась угроза бомбёжек с воздуха, но приходилось выбирать меньшее из зол, вернее – опасностей...

Сверхчеловеческие усилия не оказались тщетными: к полудню наконец доплыли до острова. Почувствовав под собой твёрдую опору, измученные ноги перестали держать своих изнурённых хозяев. Бедные и не успели ощутить чувства радости, они повалились навзничь как подкошенные и забылись тяжёлым сном. Впрочем, это было своеобразной защитной реакцией организма – сердце могло не выдержать нежданного счастья после всего пережитого...

На островке было много таких же людей, ожидающих своей очереди на спасение. Измождённые от недоедания и недосыпания, они казались неземными существами. Вся одежда на них была белая от пропитавшей её насквозь соли морской воды. Затвердевшие гимнастёрки и штаны сковывали движения, делая людей похожими на роботов. Впрочем, эти обессилевшие и потерявшие человеческий облик существа старались не делать лишних движений. Многие из них спали или лежали неподвижно, подобно поваленным статуям, и лишь периодические тихие стоны выдавали, что они живы.

«Как бы не проспать катер...»

– Какой катер, мама?

Кнар очнулась от голоса Алека, найдя себя сидящей у печки с кочергой в руке. Она не заметила, как произнесла вслух эти слова.

Глава 14

Война войной, а школа должна была жить и здравствовать, чтобы учить и воспитывать детей, отцы которых защищали страну на полях жестоких сражений. Новый учебный год стартовал, как и положено, 1 сентября. Эрик пошёл в первый класс.

Кнар перешила одежду старшего сына под размер младшего. Для Алека же, перешедшего в третий класс, пришлось перекроить, борясь с тяжёлым комом в горле, рубашку Арутюна.

Учиться братья ходили в соседнюю деревню, преодолевая пешком полтора километра по каменистому просёлку, и, чтобы сохранить как можно дольше трети⁹, большую часть пути Алек и Эрик носили их на руках. Выходя спозаранку из дому, они обматывали ноги грубой тряпкой, обуваясь лишь на подступах к школе.

Дети учились охотно, несмотря на нехватку учебников и полное отсутствие тетрадей: писали на любом клочке бумаги, на старых квитанциях, на полях газет или между строк печатного текста. Чернилами служила сажа из печки. Кнар разводила её водой и наливала в маленькие баночки.

Военная действительность, конечно же, отражалась и на содержании уроков. На занятиях по языку и литературе ученики младших классов составляли предложения о войне и бойцах, которые грудью защищали Родину от злодеев. Любопытный Эрик знал буквы ещё по учебникам Алека, а в школе быстро научился читать и писать. Учительница Анжела Ишхановна сразу заметила живое воображение мальчика и стала давать ему задания посложнее. К середине учебного года он уже сочинял небольшие тексты на патриотические темы.

Дома Эрик, не говоря об этом никому, писал письма отцу. Куда и по какому адресу отправлять их, он не знал, а потому собирал клочки старательно исписанной бумаги в коробочку, спрятанную в углу шкафа. Но он был уверен, что отец неким чудесным образом читает их. Однако шли дни, недели и месяцы, а от отца не приходило ответа.

Весной из дальних стран с радостным шумом стали возвращаться перелётные стаи. Мальчик, вскинув голову к беспокойному небу, взмолился: «Милые птицы, я просил вас принести мне весточку от папы...»

Журавлиный клин продолжал петь в недостижимой высоте свою разноголосую песню возвращения, не замечая маленького мальчика с большой раной на сердце. Тогда Эрик вобрал полные лёгкие воздуха и закричал отчаянно, что есть мочи: «Вы слышите меня?! Обретите же язык, птицы! Жив он или нет?..»

Стая скрылась за горизонтом, оставив за собой переливчатое эхо. Оно постепенно затухло и растворилось в небесной просини.

Не дождавшись ответа, Эрик уныло побрёл домой, погружённый в свои мысли, обременённые отнюдь не детскими заботами...

Глава 15

Стоял погожий воскресный день. Кнар с утра стала прибираться в доме, отправив детей за родниковой водой. Вернувшись, Алек и Эрик взяли учебники и, усевшись под шелковицей, стали готовить уроки на завтра. На свежем воздухе, под трели птичек знания усваивались легче и веселее...

Кнар накрыла обед на веранде, поставила на стол исходящую горячим ароматом кастрюлю с пюрпютом¹⁰ и позвала было детей кушать, как с потолка вместе со странным лопающимся звуком капнула на стол... кровь. Женщина подняла голову и застыла в ужасе: свисающая с балки огромная змея проглатывала воробышка.

подавив крик, Кнар сбежала с лестницы во двор и, не говоря ни слова, вытолкала детей за калитку. Тут она дала волю своим эмоциям:

– По-мо-ги-и-те-е! В доме зме-е-я-я-я!..

На её вопль сбежались соседи из ближайших домов. Алек побежал за колхозным сторожем Амаяком. Достаточно энергичный для своих семидесяти лет старик, бывший лесничий и охотник, пришёл с двустволкой. Он приказал всем оставаться за калиткой, а сам вошёл в дом. Все затаили дыхание в ожидании развязки, которая не заставила себя ждать. Через минуту раздался оглушительный выстрел, вслед за которым что-то тяжёлое и мягкое шлёпнулось оземь.

Амаяк вышел, торжественно неся в левой руке, обхватив её полой тряпкой, большущую змеиную голову с обрубком шеи; другой рукой он тащил за собой почти двухметровое обмякшее тело рептилии. Собравшиеся у калитки женщины и дети разом, как по команде, ахнули.

– Вот гадина, пришла птенчиками полакомиться, – возмущённо проговорил Амаяк. – Кнар, надо будет хорошенько заделать крышу, чтобы воробьи и ласточки не вили там гнёзда и не привлекали этих тварей.

Кнар принесла из погреба мешок. Амаяк напоследок полюбовался мёртвой головой своей жуткой жертвы и, прежде чем бросить её в мешок, произнёс победным голосом:

– Вот так и фашистских гадов расплющим! Всех до одного!

В самом деле, было нечто символичное в происходящем. Громадная змея олицетворяла зло, в данном случае – кровожадную войну и её зачинщиков. Беззащитный птеник являл собой жертву этого страшного зла – мирных людей: детей, женщин и стариков. Амаяк выступал в роли отважного воина, готового вступить в смертельную схватку с чудовищным врагом и одолеть его... Именно в таком образе запечатлелся старый охотник в живом воображении Эрика.

Амаяк взвалил на плечо мешок со зловещим грузом и унёс его подальше, а соседки поднялись к Кнар домой приводить в порядок комнату и чистить следы поединка. Белая стена была полностью забрызгана кровью. Пришлось заново покрасить её известью.

Ночевать пошли к соседке. Кнар с детьми легла на веранде, на широкой тахте. Предстояла долгая, тревожная, бессонная ночь. Испуганная женщина боялась открыть глаза: ей всё казалось, что с потолка на неё смотрит застывшим мёртвым взглядом огромная окровавленная змеиная голова...

Под самое утро вдруг явился Арутюн. Он выглядел крайне уставшим и раздосадованным. Не замечая вокруг никого, сокрушённо покачал головой и заговорил сам с собой: «Товарищи ушли. Да как же это так?! Я должен был проснуться рано... И всё-таки проспал...»

Арутюн эмоционально возмущался, что было совершенно не характерно для него, всегда спокойного и уравновешенного: «Друзья ушли без меня... Да как же это так?! Проспал, отстал... И что теперь мне делать?.. Товарищи ушли...» При этом он периодически брался за бок с гримасой боли на лице.

Кнар хотела подать признаки своего присутствия, но не в силах была шевельнуться. Арутюн тяжело опустился на единственный в помещении табурет, продолжая не замечать жену. Кнар попыталась позвать мужа, но ей словно не хватало воздуха...

Женщина распахнула глаза, судорожно вскочив с постели. Старый табурет с потрескавшейся коричневой краской был пуст. Однако над ним всё ещё «сидела» некая энергетическая оболочка, повторяющая силуэт Арутюна. Кнар успела заметить, что у загадочной ауры, исчезнувшей через пару мгновений после того, как она вырвалась из полузабытья, был пробит бок, и из него, как из повреждённого сосуда, тонкой струёй вытекало некое прозрачное содержимое.

Кнар перекрестилась, невольно оглянувшись по сторонам: советские порядки категорически не приветствовали любое проявление религиозности. Женская интуиция подсказывала, что видение – к беде. В глубине души Кнар всё-таки надеялась, что Арутюн всего лишь ранен и вырвется из лап смерти...

Глава 16

Тем временем гадина войны потихоньку уползала в свою нору: советские войска гнали фашистов обратно к Берлину. Весной 1945-го с фронта шли победные репортажи с описанием количества уничтоженной живой силы и техники противника, пленных и трофейного оружия. Отмечались подвиги отдельных советских солдат и офицеров, которые, «даже заживо горя, оставшись без руки или ноги, продолжали вести героический бой». С особым торжеством в голосе диктор сообщал о царящей во вражеских рядах панике и случаях перехода на советскую сторону солдат и офицеров вермахта. В одной из радиосводок даже говорилось о том, что лишёнными стабильного пайкового снабжения гитлеровцами за март и апрель месяцы было съедено около пятидесяти тысяч строевых лошадей...

Затеплившаяся в душах смертельно уставших советских людей заветная надежда с каждым днём крепла, превращаясь в общую уверенность в победе над врагом, который хотел покорить весь мир, уничтожить в людях свободную волю, честь и достоинство, превратить их в рабов. Ощущение победы, подкрепляемое взволнованно-триумфальным голосом Левитана¹¹, витало в воздухе и отражалось во всём: в выражении лиц и жестах, интонации голоса людей и темах их разговоров.

Вместе с тем радость от уже обретающейся реальные контуры долгожданной победы омрачалась сводками о потерях. Даже в своей агонии война всё ещё была очень опасна.

Особенно обидно было за тех, кто погибал накануне победы. За тех, кто шёл к вожделенному триумфу целых пять лет, но не увидел его, находясь в шаговой близости ...

В начале мая получила похоронку соседка Кнар Вергине, которая ещё неделю назад, затаив дыхание от радости и гордости, показывала всем отправленное с фронта благодарственное письмо вместе с газетной вырезкой, где командование части и боевые товарищи её единственного сына Васака рассказывали, как он в боях с фашистскими захватчиками проявил исключительные мужество и отвагу, за что был отмечен орденом. «Командование воинской части не сомневается, что, воодушевлённый Вашим материнским наказом и благословением, Васак Григорян и впредь будет так же честно выполнять свой долг перед Родиной... Вы, как мать, вправе гордиться своим сыном!» – послание штаба боевого полка дышало оптимизмом и уверенностью в скорой победе.

Ещё вчера мать была на седьмом небе от счастья, всё повторяя про себя строки письма. А сейчас вся деревня скорбела вместе с пожилой женщиной, вмиг лишившейся того, чем жила последние долгие пять лет...

9 мая, в солнечный полдень, Кнар, как обычно, работала вместе с другими женщинами в колхозном поле, когда откуда-то издали донёсся истошный крик: «По-о-бе-е-да-а-а-а!!!»

Показавшийся на краю поля золотокудрый мальчик в светлой рубашке казался ангелом. Эрик стремительно приближался, размахивая над головой платком, словно знаменем победы, и с каждым его шагом всё отчётливей становилось это священное слово. Миг был до того необычным, что с минуту женщины, расправив спины, оставались совершенно неподвижными, будто изваяния... Вслед за Эриком бежали и другие деревенские мальчишки, спешащие первыми донести радостную весть из сельсовета своим матерям. «Ур-р-а-а-а!!! По-о-бе-е-да-а-а-а!!!» – неорганизованно, переливчато звонко надвигалась волна мальчишеского ликования. И вдруг, словно выйдя из глубокого гипноза, женщины, побросав грабли, вилы, серпы, побежали навстречу детям. Сдерживаемые годами эмоции разом вырвались наружу. Все бросались друг другу в объятия, радовались и рыдали, сотрясаясь. Каждое сердце было охвачено ликованием.

Кнар, прижав Эрика к своей слабой груди, спрятала не подчиняющиеся ей губы в густых волосах на темени сына. Она сама не знала, радовалась или горевала в эту минуту, плакала или смеялась...

Глава 17

Победители возвращались домой. Не все здоровые и невредимые, но зато живые. Некоторых правильнее было назвать полуживыми, они вернулись с войны со страшными, бесформенными обрубками вместо рук и ног. Одному из таких бойцов – Вигену, некогда жизнерадостному кудрявому красавцу-балагуру, война откусила почти половину тела. Каштановые кудри парня наполовину поседели, однако весёлую улыбку удалось сохранить. Чего это ему стоило – знал только он сам. Украшавшие уцелевшую часть тела ордена и медали, подчёркивая бесстрашие и заслуги, одновременно наглядно демонстрировали, насколько уязвим человек, пусть и герой, перед грубыми ухищрениями войны – тупыми и одновременно коварными предметами, орудиями смерти... Но для родных и близких главным было то, что они вернулись, пусть и навсегда оставив часть себя где-то на далёких страшных полях сражений. И все испытывали невероятную радость от этого...

Только Кнар с детьми не знали, как быть. Когда прошло первое ликование от осознания конца войны, тяжёлое чувство неопределённости стало давить ещё сильнее. Что дальше? Как жить? На что надеяться?..

Конечно, в деревне были и вдовы вместе с детьми-сиротами. Но война по отношению к ним, по крайней мере, была искренней и сразу представила свой окончательный счёт. Кнар же была не жена и не вдова. Война не собиралась отпускать её,

очевидно, намереваясь преследовать всю жизнь. Надорванная женщина пыталась заглушить щемящую скорбь и обиду в постоянной заботе о детях, не давая им чувствовать себя сиротами. Ради этого Кнар готова была отречься от себя, отсечь свои желания и служить только своим несправедливо и жестоко обделённым чадам.

Между тем Алек и Эрик как-то незаметно и, казалось, раньше времени выросли. Каждый уже имел свой характер. В отличие от брата-экстраверта, Эрик больше жил своей внутренней жизнью, сосредотачиваясь на собственных переживаниях и мечтах. Он живо и ярко воспринимал действительность и неординарно осмысливал свои впечатления. Неудивительно, что в девять лет у него родилось первое настоящее стихотворение...

Часть вторая

Мирная передышка

Глава 1

Пружинящей беззаботной походкой студента Эрик и Нвард спускались вдоль центрального проспекта Еревана, ловко лавируя между многочисленными прохожими. В первые послевоенные годы проспект носил имя Сталина, который символизировал собой победу в Великой Отечественной и с которым магическим образом были связаны судьбы миллионов людей. Приехавшего поступать в институт Эрика, для которого всё было внове в большом городе, сразу же поразил и околдовал монумент вождю – всевидяще и всемогуще он возвышался над проспектом. Огромная, величественная двадцатиметровая медная скульптура человека в шинели, полководца, словно вобрала в себя всенародный подвиг и самоотверженную деятельность великого множества генералов, офицеров, военных специалистов и, конечно, тех (как сам вождь выразился на банкете участников Парада Победы), у кого «чинов мало и звание незавидное – людей, которых считают «винтиками» великого государственного механизма...» – простых смертных, рядовых солдат, подвиг и сама судьба многих из которых всё ещё оставались неизвестными.

По вечерам Эрик часто поднимался к холму, на котором высился исполин. Казалось, громадный памятник хранил в себе тайну о каждом воине-победителе, и Эрик инстинктивно, как к божеству, тянулся к монументу. В массивном постаменте памятника планировалось открыть военный музей, посвящённый участию армян в Великой Отечественной. Юноша не терял надежду узнать хотя бы что-нибудь о своём отце...

Эрик и его однокурсница Нвард остановились у большого красивого здания посередине проспекта и, потоптавшись в нерешительности, вошли в подъезд, оставив позади суетливый шум оживлённой улицы. Они без труда нашли нужную дверь, однако постучались в неё не сразу.

Эрик достал из-за пазухи потрёпанную тетрадь и подмигнул спутнице. «Ни пуха ни пера», – словно перед входом в экзаменационный кабинет, прошептала Нвард. «К чёрту!» – ответил Эрик и, собравшись с духом, трижды стукнул согнутым средним пальцем по деревянной двери. Изнутри послышался глухой невнятный голос и звук снимаемой цепи.

Увидев в дверном проёме живописную голову известного поэта с взлохмаченной львиной шевелюрой, Нвард, которая составляла компанию однокурснику из простого любопытства и желания приободрить, смутилась и невольно спряталась за плечо Эрика.

– А, это ты, молодой человек! – в качестве приветствия Ширак сделал резкий, какой-то неоконченный жест правой рукой.

Он окинул Эрика коротким изучающим взглядом, казалось, вовсе не замечая Нвард, затем хрипловато, почти командным тоном произнёс:

– Давай рукопись, придёшь завтра в это же время...

Эрик машинально протянул тетрадку. Ширак схватил её и, повторив характерный для него жест, но теперь уже левой рукой, скрылся за дверью. Замок прощально щёлкнул.

Если бы юноша не был наслышан о странных манерах маститого поэта, носившего псевдоним Ширак¹², то наверняка обиделся бы. Едва сдерживая смех, он лишь весело улыбнулся опешившей Нвард. Но, выйдя из подъезда, молодые люди невольно переглянулись и прямо посередине улицы разразились весёлым хохотом.

– Начало многообещающее, – сыронизировала Нвард. – Как говорится, ноль внимания, кило презрения. Недаром люди поговаривают, что он женоненавистник.

– А я слышал, что его жена постоянно скандалит, изводит упрёками, мол, он не может зарабатывать на жизнь и семью содержать...

– Ну а я тут причём? – с шутливым кокетством бросила Нвард. – Зачем злость на мне вымещать?

– Разве он сказал тебе что-нибудь?

– Даже не посмотрел в мою сторону. Будто я пустое место...

– Да ладно, не преувеличивай.

– Завтра придёшь без меня.

Идея показать свои стихи знаменитому поэту появилась неделю назад. В актовом зале зооветеринарного института, куда поступил учиться Эрик, был организован вечер творчества Ширака. Юноша, подавив естественное волнение, прочитал перед полным залом своё стихотворение, посвящённое знаменитости. Шираку стихи понравились, и он весьма эмоционально похвалил своего юного коллегу. Вернее, произнёс всего одно слово – «браво!», но подкрепил его коротким резким жестом сжатой в кулак правой руки, словно ставил печать на документе, подтверждающем право заниматься поэзией.

В глубине души Эрик давно лелеял этот счастливый миг первого публичного признания. Ещё мальчишкой он стал смутно чувствовать в себе нечто необычное и особенное, такое, что невозможно было списать на прихоть или случайность. Впоследствии это Нечто всё явственнее проявляло себя, не давая Эрику покоя. Оно заставляло его вставать по ночам, чтобы записывать на бумагу рождающиеся в душе необыкновенные мысли и чувства – о зелёных объятиях родной деревни, к советам которой путник вечно прислушивается, как бы далеко от неё он ни находился; о налитом колосе, грузно склонившемся с благодарностью к матери-земле; о том, как росток, поднявшийся из корня сражённого молнией дерева, обнадёжил сироту, горько задумавшегося, как же он проживёт без отца, павшего на войне... В семнадцать лет у Эрика уже была целая мелко исписанная тетрадь стихов.

Учиться в зооветеринарном институте Эрик пошёл неохотно, по настоянию матери. Юноша мечтал о филологическом факультете университета. Но его убедили, что там огромный конкурс и очень мало шансов поступить. Не желая идти против воли матери, Эрик подал документы в вуз, который «обеспечивал кусок хлеба». Однако «синица в руке» не мешала романтичному юноше мечтать о «журавле в небе» – литературных и поэтических высотах...

В следующий полдень Эрик вновь стоял перед заветной дверью, за которой, казалось, решалась его судьба – быть или не быть ему поэтом...

На этот раз Ширак был весьма приветлив и даже произнёс шутливо:

– Один пришёл?.. Правильно и сделал. Не слишком увлекайся девчонками... Успеешь...

Хозяин сделал приглашающий жест, и Эрик несмело вошёл в тесноватую прихожую. Беспхитростный интерьер квартиры знаменитого поэта не удивил парня – он где-то читал, что Ширак не делал ремонта в доме, так как к стенам прикасалась его мать, которую он просто боготворил, посвящал ей множество проникновенных стихотворений.

Радужие Ширика развеяло смущение юноши. Едва войдя в святую святых – кабинет поэта, Эрик незаметно стал искать глазами собственную тетрадку в творческом беспорядке на громадном рабочем столе, где исписанные листы и клочки бумаги, распечатанные конверты с выглядывающими из них письмами (скорее всего, от поклонников), книги и газеты сосуществовали с большой чашкой недопитого, давно остывшего чая и выкуренной наполовину сигарой в массивной пепельнице из чёрного стекла. Однако чувствовалось, что, несмотря на внешнюю рассеянность, гений властвовал над этим хаосом и знал место каждого предмета в своём рабочем пространстве.

Он достал из-под книги раскрытую на одной из страниц тетрадь Эрика.

– Эта работа равносильна моему экспромту, – произнёс со свойственной ему категоричностью Ширик, указав на отмеченное карандашом стихотворение из шести строк, в котором юноша с отчаянной надеждой обращался к летящим из дальних стран птицам, умоляя их обрести язык и поведать хоть что-нибудь о судьбе его отца. – Любое издательство опубликует! Скажешь – я рекомендовал.

В этот раз Ширик был разговорчив, почти час разбирал стихи начинающего коллеги, указывал на достоинства и недостатки, при этом подробно обосновывая свои замечания.

– Пиши, работай. В тебе есть Божья искра, береги её как зеницу ока. Это твоё богатство, не всем такое даётся, не растрачивай попусту. Тогда ты достигнешь того, чего достоин, – подвёл он итог.

Провожая Эрика, Ширик по-отечески положил ему на плечо свою широкую нервную ладонь и произнёс с грустью:

– Я такой же сирота, как ты... Отца младотурки убили прямо в поле, во время сенокоса. Мне тогда было пять лет...

Поэт крепко сжал губы, очевидно, стараясь сдержать накатившую волну чувств. От этого его подбородок болезненно съёжился, лицо исказилось эмоцией, в которой глубокая печаль сочеталась с бессильным гневом. Он вытер тыльной стороной ладони слезу на щеке. Эрика кольнуло чувство жалости и одиночества, он готов был расплакаться.

Ширик взял себя в руки, и по мере того, как он говорил о матери, лицо его светлело и разглаживалось:

– На время я потерял и её. Жил в сиротском приюте, пока однажды на базаре, где я за гроши продавал холодную родниковую воду, чтобы заработать на кусок хлеба, случайно не нашёл мою бедную маму... Терпи и никогда не теряй надежду...

Несмотря на грустное прощание, Эрик вышел от знаменитого поэта окрылённым. Он совершенно не чувствовал под собой ног, спешил в общежитие, чтобы поделиться своей радостью с Нвард. К ней он относился как к младшей сестре: ему почему-то казалось, что Гоар, если бы она выжила в лихую годину, стала бы именно такой – миниатюрной большеглазой шатенкой, иногда задумчивой, иногда озорной, но всегда равнодушной и участливой...

Глава 2

Алек учился в столице другой советской республики, в Баку, на инженера-строителя – крайне востребованной в послевоенные годы специальности. Он уже переходил на выпускной курс института, когда был разработан очередной генеральный план развития города, предполагающий массовое индустриальное жилищное строительство для удовлетворения растущих потребностей населения.

Сооружение новых жилых районов предусматривалось на свободных территориях, полукольцом окружающих город. Расчёт был такой, чтобы в течение достаточно короткого времени обеспечить более-менее комфортными домами многие семьи, которые

годами ютились во временных непригодных жилищах или коммунальных квартирах. Новые масштабы строительства требовали налаживания действенной взаимосвязи современного жилища с общественным обслуживанием, транспортными коммуникациями, зонами отдыха. В общем, архитекторов, инженеров и строителей ожидал большой фронт непростой работы, и руководство страны мобилизовало их на новые трудовые подвиги, призывая последовательно внедрять в практику прогрессивные методы планировки и застройки, творчески применять современные проекты, сооружать крепкие и удобные типы зданий. Планировался резкий рост строительства общественных зданий массового назначения: детских учреждений, кинотеатров, торговых предприятий, лечебных учреждений.

Осуществляемая в целом по стране политика критического переосмысления теоретических положений и практики градостроительства предшествующего периода предполагала коренную перестройку архитектурного творчества. Приоритет внешней, показной стороны архитектуры был отвергнут. Главное внимание, при сохранении привлекательной формы, должно было уделяться содержанию: удобству, прочности, экономичности. «Всё, что окружает советского человека, должно быть удобно и красиво», – так была выражена коллективная мысль и воля компартии и народа.

Тем временем новое поколение стряхивало с себя последствия суровой сталинской эпохи, где массовый трудовой и фронтовой героизм был тесно сопряжён с тоталитарным диктаторским режимом, жертвой которого (практически ни за что) стало бесчисленное множество людей, в том числе вчерашние герои. Теперь, в Хрущёвскую оттепель¹³, молодёжь, пусть пока ещё несколько надломленная, стремилась найти своё прочное достойное место в новой жизни и истории.

В ногу со временем шёл и Алек – с детства практичный и рассудительный, а сейчас – деловой и энергичный студент старшего курса, интенсивно вооружающийся необходимыми ему для жизненного успеха знаниями и навыками. Готовя себя к выходу на широкие просторы инженерного творчества, амбициозный Алек целеустремлённо работал над собой, читал много специальной литературы, творчески осмысливая достижения прошлого и пытаясь проникнуть в секреты новых технологий. Его вдохновляло и подстёгивало наследие знаменитых армянских архитекторов, по проектам которых в городе были возведены высокохудожественные архитектурные сооружения: многие из них были настоящими шедеврами. Из уст преподавателей старшего поколения то и дело можно было услышать, что облик современного Баку был сформирован при активном участии армянских архитекторов и строителей, которые, работая с большой творческой отдачей и проявляя истинный профессионализм, внесли свой весомый вклад в становление, процветание и благоденствие некогда небольшого провинциального городка. Воодушевлённый примерами недалёкого прошлого, Алек лелеял в душе мечту о создании в обозримом будущем такого проекта, какого от него не ожидал никто, – очень значимого для всех, для всего города и каждого горожанина, как это сделал великий проектировщик и поистине народный архитектор Александр Таманян для Еревана.

Вместе с тем он отчётливо осознавал, что парню из глубинки, не имеющему серьёзных связей, да ещё не принадлежащему к «титульной нации» (несмотря на высокие уверения в дружбе и братстве народов), можно будет выжить и продвигаться в большом городе лишь вооружившись настоящими знаниями и титаническим терпением. В арсенале было и знаменитое карабахское упрямство, заложенное самой природой...

С отличием окончив институт по специальности инженера-строителя и набравшись необходимого профессионального стажа и практического опыта в качестве мастера участка, Алек был переведён в прорабы. Он с головой окунулся в новую работу.

Среднего роста, худощавый и подвижный, молодой прораб казался вездесущим, проворно поднимался по крутым ступеням, не ленился заглядывать в самые неудобные для осмотра уголки, нередко, дабы вдохновить строителей, сам брал в руки мастерок и клал кирпичные стены. Он руководил разнорабочими, землекопами, крановщиками,

монтажниками, бетонщиками, кровельщиками. Это были азербайджанцы, армяне, лезгины, белорусы, евреи, татары. Разделений по национальному признаку не существовало, руководствовались качественной шкалой. Алеку удалось найти естественный, оптимальный ритм поведения и соответствующую ноту общения с людьми разных культур, характера и темперамента. Он старался модернизировать организацию труда, повысить уровень механизации работ и тем самым облегчить и сделать более эффективным труд мастеров и рабочих. Новичков прораб на всякий случай предупреждал: «Не можешь – научим, не хочешь – заставим». Впрочем, заставлять почти не приходилось, а вот учил Алек своих подчинённых охотно. «Работайте, ребята, развивайтесь и всегда помните, что отёсанные камни никогда не остаются на земле», – наставлял он. Словно в подтверждение слов прораба отовсюду со стен смотрели с огромных плакатов советские рабочие в поношенных спецовках, но со свежими и бодрыми, «адаптированными» к южной республике загорелыми усатыми лицами и блестящим взглядом, устремлённым в будущее...

Это была радостная пора становления и самореализации – Алек внутренне торжествовал, что, самостоятельно пройдя сквозь тернии напряжённой учёбы и бытовых проблем, связанных с пребыванием вдали от родного дома, он нашёл своё место в многообразной трудовой деятельности народа, строящего развитой социализм с прицелом на коммунизм – общественный строй, не имеющий аналогов в мире.

Начало было вдохновляющее и многообещающее: за сданные в срок качественно сооружённые объекты Алек получал премии и почётные грамоты, его портрет был занесён руководством строительной организации на Доску почёта передовиков производства.

Вместе с тем Алек не забывал о матери. Он отправлял ей различные подарки: одежду, сладости, нехитрые предметы косметики. Кнар, суровая и аскетичная, привыкшая экономить на всём, отчитывала сына за «расточительность», вразумляла его, как могла. Новую одежду она не надевала, складывала в старый комод...

Глава 3

Мы оставили Кнар в далёком сорок пятом, молодой – теперь уже можно было точно сказать – вдовой. Это гнетущее, беспросветное слово приклеилось к ней само собой, ведь с тех пор прошло больше пятнадцати лет, но никаких вестей об Арутюне так и не пришло ни от кого: ни от армейского командования и конкретных командиров, ни от рядовых солдат войны, ни от односельчан, вернувшихся кто целым и невредимым, кто – оставив на поле брани часть своего искалеченного тела. Ничего не принесли на своих крыльях и летящие из дальних далей беззаботные птицы, на которых когда-то столь наивно и отчаянно надеялся маленький Эрик. Арутюн исчез во времени и пространстве, оставив в сердцах родных неисчерпаемую боль. Боль неизвестности, которая не проходит никогда и всегда свежа...

Да, время не лечило. Даже оно не имело рецептов для подобных случаев. На людях Кнар скрывала свои переживания и даже старалась казаться весёлой, шутила с колхозницами, напевала песенки во время достаточно тяжёлой, монотонной работы в поле. Однако по вечерам, когда, потушив вместе со словами «вот ещё один день канул в мрак» единственную лампочку в доме, Кнар ложилась в постель, тягостное сознание одиночества то и дело начинало душить её в темноте невидимыми клещами, рот судорожно хватал воздух, а в груди противно посасывало. Мрак, холод, пустота... и напряжённо работающее сознание. Что могло быть нелепее и страшнее? Иногда несчастной женщине казалось, что она заживо захоронена, полностью изолирована от внешнего мира. Даже сновидения покинули её...

Но вот однажды приснился сон. Совершенно необычный, с какой-то иррациональной энергетикой...

Кнар плыла по безбрежной водной глади в маленькой, ведомой невидимым гребцом лодке. Куда и зачем – не знала. Океан был окутан густым мраком беззвёздной ночи. Но это была не обычная чуланная тьма, в которой прячутся от опасности и света, а какая-то другая, вселенская темнота. Кругом царила торжественная тишина, не было слышно даже малейшего плеска чёрной воды. Только стук сердца выдавал наличие жизни в этой таинственной местности, находящейся за краем света...

Но что это? Вдалеке, словно горящая свеча, замерцал огонёк. Дрожащий свет, с трудом пробиваясь сквозь густую темень, медленно приближался – кто-то, кажется, плыл навстречу с зажжённым факелом. Кнар воспрянула душой от появившейся надежды и одновременно наполнилась новой тревогой от предстоящей встречи с неизвестностью. С замиранием сердца она следила за подплывающим, увеличивающимся в размерах и яркости сиянием. Вместе с приближением света росло и волнение...

Кнар подслеповато прищурилась, пытаясь разглядеть пловцов на лодке... «ТЫ?!» – она крепко закрыла обеими руками рот, чтобы не вскрикнуть. Сердце затрепетало подобно попавшей в силки птице... Да, в лодке сидел Арутюн! Он был не один. Над его правым плечом возвышалось светящееся существо, точно ангел из библейских сказаний. Исходящий от него свет пронзал толщу тьмы, намечая путь лодки и ведя её...

Арутюн был молод, гораздо моложе, чем Кнар сейчас, примерно в том возрасте, в котором он ушёл на фронт. На его высоком лбу, который ещё не успели изрезать морщины, отражался свет от неземного существа, сверкая и переливаясь подобно нимбу... Кнар боялась шелохнуться, да и не смогла бы при желании – она была целиком парализована, язык окаменел, прилип к гортани... Арутюн не замечал ничего вокруг. Лицо его было неподвижно, а взгляд устремлён глубоко в себя. Казалось, он дремал...

Лодка беззвучно проплыла мимо. Арутюн так и не шелохнулся, не обернулся, не заметил Кнар. Лишь яркий свет напоследок ударил в глаза женщины...

Кнар распахнула глаза. Прямо над её головой горела лампочка – не заметила, как уснула, не успев отключить свет. Кнар рефлексивно бросила взгляд на Арутюна, едва заметно улыбающегося с портрета. На его широком лбу матово отражался электрический свет.

«В свет превратился, – невольно пронеслись в голове слова, которые часто говорили о покойниках люди старшего поколения. – Значит, там не вечный мрак... Там свет даже ярче, чем здесь...» Эта мысль несколько успокоила Кнар, однако до утра она уже не смыкала глаз, как это часто происходило с ней. Коротать мучительные часы до наступления рассвета помогали мысли о сыновьях и их успехах, а также собственные мечты о будущем без войны...

В студенческие каникулы Алек и Эрик спешили в деревню. По вечерам, когда замолкал треск цикад и из своих нор вылезали сверчки, чтобы, приняв эстафету, завести свой мелодичный стрёкот, Кнар заваривала душистый чай с чабрецом и садилась вместе с сыновьями на веранде. Время за душевной беседой пролетало незаметно. Словно сговорившись, вспоминали всё светлое и забавное. Эрик, весело смеясь, смачно рассказал, как однажды, годиков в шесть, забравшись под стол, тайком сожрал за считанные мгновения целую палочку копчёной колбасы, которую стащил из посылки, выданной сельсоветом семьям фронтовиков. А Кнар, сделав нарочито строгое лицо, припомнила, как обстригла его наголо, не пожалев золотые, сверкающие в лучах солнца кудри мальчика...

Обычно сдержанный в выражении своих эмоций Алек преображался в такие минуты. Он вспоминал, как носил в вёдрах родниковую воду на колхозное поле. Приходилось спускаться в глубокое ущелье к роднику и подниматься с тяжёлой ношей, стараясь не проронить ни капли. Но, бывало, почти достигнув вершины, мальчик поскользнулся и с грохотом скатывался вместе с вёдрами вниз в ущелье... Однако это был не сизифов труд. Сколько радости появлялось у жаждущих под полуденным пылающим солнцем людей при виде мальчика с исцарапанным лицом и помятыми

вёдрами в тонких, но жилистых руках! Его обнимали, целовали, протягивали в благодарность кусочек хлеба, картошку, помидор. А однажды, как раз в день его рождения, одна из молоденьких колхозниц, в которую Алек был тайно влюблён, протянула ему... большой красный леденец на палочке. Какой же счастливый это был день! Невероятное совпадение – день рождения и откуда-то взявшаяся конфета, какой не видел с самого начала войны... Но случайность ли это? Не отец ли отправил ему неким загадочным образом эту чудесную конфету?.. Алек не стал разворачивать прозрачную обёртку, борясь с огромным соблазном хотя бы облизнуть леденец. Он держал заветную конфету за пазухой в качестве амулета и сохранил её до самого конца войны...

Кнар с умилением слушала своих повзрослевших сыновей и плакала невидимыми слезами, то ли от грусти, то ли от радости. Сама она вспомнила, но не стала рассказывать, как однажды сурово наказала детей за то, что, придя из школы, они враз съели свой дневной паёк, а затем, проголодавшись, зажгли печку и тайком испекли картошку. Вернувшись с работы, Кнар заметила в золе вмятины от картофеля... Особенно досталось Алеку – левое его ухо горело целых два дня. Такие безжалостные были времена...

Глава 4

Алек смотрел на свисающую с потолка на закрученном проводе электрическую лампочку, тускло освещающую унылую комнату его детства, и обещал себе с юношеской самоуверенностью построить новый, большой и светлый дом.

Но если на душе у старшего сына становилось грустно и тоскливо от убогости обстановки в отчем доме и грызло какое-то чувство собственной вины за такое состояние, то Эрик относился к неустроенности быта легко, по-философски и даже романтично. К примеру, его мог вдохновить обломок старого зеркала, пристроенный над рукомошкой. Искажённое, причудливое отражение в нём могло подсказать новый художественный образ. Для Эрика важнее был внутренний мир, то, что есть в самом человеке. Обладание же вещами внешнего мира было для него второстепенным, томительным и хлопотным. Главное, считал он, не сбиться с предначертанной судьбой дороги, и тогда всё, что положено тебе, непременно придёт само собой... Юноша даже написал стихотворение, в котором выражал уверенность, что обязательно наступят радостные дни: благоустроится отчий дом, распустятся вокруг фиалки и розы, а вместе с их цветением излечится больное сердце.

Вообще летом в деревне муза не покидала Эрика. Она садилась рядом с ним в изголовье легендарного, воспетого многими поэтами родника Анаит послушать тихое журчание-сказание живой воды о прошлом и грядущем дивного края; гуляла с ним по лесам, полям и горам, вдыхая первозданные ароматы природы и любуясь красочными пейзажами; ложилась с ним ночью и вдруг заставляла его вскочить и схватить перо, чтобы надиктовать ему пару сокровенных строк. Это были признания о том, как, оказавшись в летний зной в диком поле без воды, маленький мальчик выжил, подобно шиповнику, глубоко пустившему свои корни прямо в груди скалы. Спасся благодаря горячей вере и любви к родным горам и камням, дружбе с каждым деревом и кустом отчей деревни.

Порой Эрику казалось, что отец не пал в страшном бою, а сеет в поле, орошая каждое зёрнышко своим потом, в предвкушении, что из зерна появится колосок, который будет расти под солнечно-ласковым, как его, отцова, улыбка, небом – и крепнуть, подпитываемый живительным, как материнское молоко, дождичком...

Воспоминания, чувства и ощущения детства окутывали его облаком тоски и одновременно – светлой надежды. В душе рождались строки:

Срываю апельсины солнца в полдень,

тяжёлые и сочные плоды.
Но есть их буду, когда хлынут волны,
ночной безмолвной темноты.
Чтобы и в ней вращался, как планета,
оранжевый и тёплый сгусток света...¹⁴

Но так уж устроено мироздание, что пока на одном дереве распускается почка, смущённо улыбаясь окружающему, незнакомому ей миру, в этот же миг неподалёку, оторвавшись под порывом ветра от родимой ветки, падает на землю листок, безвременно и навсегда прощаясь с пробуждающейся природой и удаляющимися небесами....

Ничто не ускользало от наблюдательного взора начинающего поэта. События и окружающие предметы запечатлевались в красках слов, звуках и ритмах, исходящих из глубин лиричной, беспокойной и несколько экзальтированной юношеской души, которая с трепетом предвкушала, что «солнце широко улыбнётся в высоком голубом небе, родник любви разольётся в сердце, и оно заговорит языком песни, превращая горе и плач в радость; вновь зазвучит умолкшая струна бродячего музыканта...»

Эрик пылко верил, что добро обязательно победит зло, что посаженное дерево непременно принесёт благодатные плоды, а упавший камень снова будет положен на стену заботливой рукой мастера...

Глава 5

Каждый раз Эрик возвращался из деревни на учёбу заряженным новой энергией, светлыми мыслями и надеждами. Это позволяло сохранить себя в гармонии со своим внутренним миром в большом бурлящем городе и потихоньку претворять в жизнь свои творческие планы и амбиции.

Под одной крышей со столицами других союзных республик быстрыми темпами развивался и Ереван. Канули в бездну времени унылые глинобитные лачуги, кривые пыльные улочки. Преобразованный до неузнаваемости гением архитектора Таманяна город, облачившись в элегантное розовое туфовое одеяние, сейчас вырастал не по дням, а по часам, вырываясь за свои пределы, расширяясь и растягиваясь в стремлении достичь Араратской долины и Святого Эчмиадзина. Город уже не довольствовался одним мостом Победы, над глубокими ущельями перекидывались новые громадины железобетонных конструкций, соединяя улицы и части города. Появлялись новые вузы, библиотеки, музеи, театры, бульвары, водоканалы, гидроэлектростанции. Незаметно исчезли с улиц фаэтоны – рост столичного населения и территории требовал новых видов транспорта. К достаточно громоздким и маломанёвренным трамваям, действовавшим ещё в довоенную пору, прибавились автобусы и троллейбусы. По оживлённым проспектам сновали частные автомобили, в основном легковушки марки «Москвич», которые были настолько популярны в Стране Советов, что даже получили в народе прозвище «Хоттабыч» – имя джина из старой волшебной сказки, попавшего в обстановку современного города. Они прибавляли колорита Еревану. «Добрые» на вид, нехитрые и практичные машины очень подходили представителям нового поколения, многие из которых были самими что ни на есть начинающими водителями, к тому же нередко отвлекались зарождающимися в их беспокойных головах мыслями и идеями об искусстве, науке или архитектуре, тоже развивающимися бурными темпами. Одним словом, маленький провинциальный город последовательно превращался в современную столицу, крупный промышленный и культурный центр.

Горожане старательно примеривались к новым веяниям и моделям поведения. Поколение детей войны сейчас пыталось скорей проявить себя с лучшей стороны, в качестве самостоятельных, состоявшихся молодых людей. К формирующемуся образу

суперактивного, несколько самоуверенного мужчины – наследника героев-победителей в войне и строителя мирного и светлого будущего, прибавился интересный тип горожанки – уверовавшей в себя девушки, научившейся одеваться со вкусом и следить за собой, выражать и отстаивать собственное мнение.

В отличие от Алека, который не очень любил вспоминать своё детство и старался психологически отмежеваться от давящего прошлого, очистить, перезагрузить память, избавившись от сильных и расстраивающих переживаний, Эрик, наоборот, словно через пуповину с организмом матери, продолжал быть в сильной эмоциональной зависимости со своим детством, копался в детских и отроческих годах и находил в них источник новых поэтических образов и тем.

Сейчас, когда Сталина уже не было в живых, а компартия, в своё время сделавшая из него идола, успела развенчать культ его личности, молодёжь тщательно переосмысливала прошлое, которое казалось одновременно далёким и очень близким, реальным и нереальным, отпускало на время, но держало на поводке, пусть и длинном...

Алек возмущался:

– Нам с малых лет внушали, что мы должны быть благодарны вождю за наше «счастливое детство». Какое же оно счастливое без элементарных детских радостей? Без отеческой заботы и совета. С надрывающейся, чтобы прокормить своих детей, матерью... Получается, что нужно благодарить Сталина за то, что ты, в отличие от миллионов людей, сумел выжить в кошмарном хаосе войны, в условиях тотальной диктатуры и волюнтаризма, беспредела власти...

Слушая старшего сына, Кнар инстинктивно прикладывала указательный палец к губам и тихо произносила:

– Тсс...

Но это лишь заводило Алека:

– Сколько миллионов было загублено, беспощадно и без сожаления брошено в топку страшной войны ради победы! И единственное тому оправдание – Сталин сокрушил такую редкую мразь, как Гитлер. Но разве вправе был он, «великий вождь и учитель», распоряжаться данной свыше жизнью людей, жертвовать ими, не задумываясь?!

Эрик не перечил брату, но, оставшись наедине со своей тетрадкой, давал волю собственным мыслям и фантазиям. Непрост и неоднозначен был его лирический герой, испытывавший и прочувствовавший вместе со своим поколением всё то, что в собственном драматическом развитии, в борьбе не на жизнь, а на смерть, мечась из одной крайности в другую и теряя миллионы людей, пережила огромная страна с её многонациональным народом. Эрик с удивлением ловил себя на том, что не может скрыть в своих стихах симпатии к развенчанному «вождю народов СССР», который «приняв страну с сохой, оставил её с ядерными реакторами»¹⁵. Романтичная натура давала о себе знать: Сталин, на которого в годы войны с трепетом уповали все, невольно ассоциировался у рано осиротевшего Эрика с отцом...

Алек же смотрел на вещи реально и понимал, что всю дальнейшую жизнь представителям его поколения придётся выплачивать долг с процентами за то самое «счастливое детство» – самозабвенным и самоотверженным трудом «во имя светлого будущего», как это делали ценой своей жизни их отцы и деды на войне. Теперь от них ждали подвигов на трудовом фронте, под раздуваемой компартией идеей строительства коммунизма с красивым лозунгом «от каждого по способностям, каждому по потребностям». И в подогреваемом «сверху» стремлении «догнать и перегнать Америку», они впряглись в дело. При этом Алек, несмотря на долю скептицизма, искренне верил (как и большинство советских людей) в осуществление неосуществимого и возможность объять необъятное. Эта вера ещё больше укрепится, когда его ровесник Юрий Гагарин вскоре сделает, казалось, невообразимое – совершит полёт в космическое пространство...

Эрик же словно с луны свалился. Он жил напряжённой жизнью души и сердца в своём особенном, идеальном мире поэзии и не переставал мечтать о совершенстве

человека и мира в целом. Конечно, очень часто обыденная и прозаическая действительность входила в противоречие с его внутренним миром, иногда грубо врывается в него. Однако у Эрика было достаточно смелости, воли и ощущения собственного достоинства, чтобы не изменить данному ему свыше дару, сохранить в душе то ценное и неповторимое, что отличает поэта от других людей... Впрочем, витание в поэтических «облаках» не мешало ему успешно учиться по достаточно приземлённой специальности ветеринара, на которую Эрик согласился, чтобы не огорчить мать...

Глава 6

Алек всерьёз задумался об обустройстве личной жизни и стал приглядываться вокруг себя. Внутренне он настроился на соответствующую волну: где-то должна была быть его половина, также подсознательно тянущаяся к нему. Он был уверен, что люди выбирают друг друга не случайно и встречаются только тех, кто уже живёт в их подсознании. Возможно даже, сами того не подозревая, они уже направились навстречу друг другу, ведомые некой сверхъестественной могучей силой, и вот-вот окажутся совсем рядом, лицом к лицу...

Создание союза с одной женщиной и на всю жизнь – в этом заключалось одно из главных жизненных убеждений Алека. Перед глазами была его мать, которая, прожив с мужем всего-навсего восемь лет, всю оставшуюся жизнь, каждый её миг оставалась преданной его памяти...

В последние дни Алек находился в каком-то волнительном предвкушении неминуемого знакомства, самой важной встречи в жизни. Воображение смутно рисовало милый образ.

Неделю назад бригаде Алека поручили реконструировать школу, и пока строители ремонтировали один учебный корпус, в другом шли занятия. В классах было тесно, а на переменах суетливо и шумно.

Как-то на большой перемене к Алеку подошли два старшеклассника. Вид у них был виноватый и подавленный – случайно разбили стекло в шкафу в кабинете географии, где на время ремонта проходили объединённые занятия. Просили помочь вставить новое. Алек не стал отвлекать своих работников и решил сам разобраться в ситуации.

Они почти столкнулись у входа в кабинет. Он уже выходил из помещения, осмотрев место происшествия, а она входила на урок, бережно обняв классный журнал.

Алек с виноватой улыбкой на лице резко отступил на шаг, чтобы пропустить молодую учительницу. Слова извинения застыли у него в горле – он где-то видел это лицо! «Она!» – ёкнуло сердце... Видно, молодой человек был смешон в этот момент – в больших карих глазах учительницы промелькнула едва уловимая насмешка.

Конечно, это не была банальная любовь с первого взгляда – Элеонора Борисовна, преподавательница географии, не обладала ослепительной красотой и манерами роковой женщины, чтобы тут же заставить влюбиться в себя незнакомого мужчину. Наоборот, молодая учительница показалась строгой, несколько чопорной и неприступной. Вместо «бабочек в животе» Алек почувствовал нечто другое, какой-то смутный внутренний зов, словно душа нашла свою недостающую часть.

«Поди после этого не верь в судьбу», – он сравнил периодически являвшийся в воображении смутный волнительный образ с реальным существом.

Эта несколько нелепая встреча, которой, казалось, могло и не быть, если бы мальчики случайно не разбили стекло в географическом кабинете, всерьёз нарушила душевный покой молодого прораба.

На следующий день, как раз к началу урока Элеоноры Борисовны, шкаф блеснул новым стеклом.

– Ну что, вредители социалистической собственности, – уходя, Алек весело подмигнул провинившимся школьникам, которых в воспитательных целях подключил в качестве помощников к процессу замены стекла, – надеюсь, больше такого не повторится.

Тут прозвенел звонок на урок. Расчёт Алека был верен: в конце коридора показался желанный силуэт.

– Не судите их строго, они не нарочно, – поравнявшись с учительницей, произнёс Алек, стараясь быть как можно непринуждённое; однако беззаботная улыбка удалась ему с трудом из-за неожиданно появившейся робости. – Главное, дети не порезались...

– Спасибо, – произнесла географичка, собранная и подтянутая. – А вы им родственником приходитеесь?

– Нет-нет... Мы ремонтируем корпус рядом.

– Так вот оно что! – нотки удивления, возмущения и одновременно какого-то задора смешались в её голосе. – Значит, эти оболтусы разбили стекло в чужом кабинете, да ещё и незнакомого человека побеспокоили...

– Ну что вы! – поспешил успокоить её Алек, вдруг сделав обиженное лицо. – Всегда рад... Если что – обращайтесь...

Алек поймал себя на мысли, что опять выглядит смешно. Впрочем, его угловатость и непривычная робость были вполне естественны: с таким серьёзным намерением он общался с девушкой впервые и не способен был притворяться и лицемерить.

– Спасибо, надеюсь, больше не понадобится, – слегка улыбнулась Элеонора Борисовна и направилась на урок, крепче обняв классный журнал.

Алек невольно зафиксировал в себе, словно сфотографировал, её профиль с высоким лбом, причёской «бабетта»¹⁶ на макушке и тонким каштановым локоном на виске, слегка вздёрнутым носом и круглым нежным подбородком.

«Да, это она!» – то ли сравнил он с привидевшимся ему образом, то ли сличил с вынашиваемым внутри себя идеалом женщины-спутницы жизни.

Вместе с тем Алека покорила и даже обидела последняя фраза Элеоноры. Поначалу он принял её на свой счёт, как намёк на отсутствие перспективы для налаживания отношений. Но по трезвом размышлении он понял естественность ответа учительницы, смысл которого сводился элементарно к тому, что школьники больше не набедают.

Успокоившись, Алек стал разрабатывать план дальнейших действий...

Глава 7

Ко всему прочему выяснилось, что Элеонора, бакинка в третьем поколении, имеет карабахские корни. Это «чудесное совпадение» (Алек эмоционально воспринял новость) добавило молодому человеку уверенности в своём выборе. Однако перебросить мостик от одного живого существа к другому на деле оказалось чуть ли не сложнее, чем соединить две части большого города массивным железобетонным инженерным сооружением...

Алек, не отличавшийся от природы робостью, сейчас, в ожидании звонка с последнего урока, волновался, как ученик перед экзаменом. Лёгкая дрожь в суставах и раздувшиеся из-за частого и неровного дыхания ноздри выдавали его внутреннее состояние.

Прораб ещё раз обошёл строительный участок, дал профессиональные советы рабочим и мастерам. С особым тщанием Алек осмотрел географический кабинет, сделал пару замечаний и спустился в раздевалку. Поверх светлой водолазки он надел синий свитер с ромбовидным рисунком, удовлетворённо провёл ладонью по ровному упругому животу. Расклёшенные джинсы придавали элегантности, скрывая ботинки на платформе, делающие хозяина выше. Проницательный человек наверняка догадался бы и о белых

носках, которые, подчёркивая торжественность момента, одновременно прибавляли своему хозяину настроения и внутренней уверенности...

Оглядев себя в большом зеркале с ног до головы, Алек достал из заднего кармана брюк тоненькую расчёску и поправил пробор тёмно-каштановых волнистых волос, пригладил пальцем усики, как делал всегда, когда принимал важные решения.

В голове невольно прокручивались варианты развития разговора, эмоциональные фразы, красивые шутки и комплименты. В итоге, вспомнив строгое лицо молодой учительницы, казалось, напрочь лишённой женского кокетства, Алек решил расслабиться, просто подойти к девушке и спокойно сказать, что она ему нравится и предложить общаться. «Я же не артист и не клоун, чтобы развлекать её... Мы ведь взрослые люди», – успокаивал себя он...

Прозвучал звонок, и учебное заведение загудело ульем. Алек вышел к воротам школы. Обычно минут через десять после звонка с последнего урока, вслед за ватагой высыпающих из классов школьников, неторопливо покидали здание и учителя. Алек сразу же заметил Элеонору, едва та ступила на площадку перед входом в здание. Она как-то задумчиво спускалась одна по лестнице. Молодой человек решил, что это наиболее удобный момент и пошёл навстречу. И тут произошло самое удивительное и незапланированное. Увидев Алека, Элеонора приветливо улыбнулась и сама заговорила первой, как со старым знакомым:

– Добрый день, товарищ мастер! Как продвигается работа? Надеюсь, в скором времени мы наконец вернёмся в свою родную обитель.

Алек не ожидал такого развития событий. Всё получалось как-то прозаично и буднично. Конечно, Элеонора невольно разрядила обстановку, однако одновременно расстроила, сама того не подозревая, тактический план начинающего жениха, заблокировала его инициативу. Алека покорило, что девушка, казалось, вовсе не замечала его необычный вид и не чувствовала торжественности момента. Более того, назвала его обобщающим, в принципе, безликим словом «мастер», как бы понизив его в должности, так как Алек сам руководил мастерами, бригадирами и строителями. Для молодого, амбициозного и к тому же влюблённого человека всё это было существенно.

Пришлось ответить в качестве «товарища мастера»:

– На следующей неделе мы перейдём к внутренним работам. А через месяц вы не узнаете свои классы...

– Ой, как долго! – на лице Элеоноры появилось выражение неподдельной досады.

– Но ради вас мы постараемся как можно скорее, – нашёлся Алек и тут же понял, что шутка получилась не слишком удачной.

Элеонора даже не улыбнулась и, пожелав удачи, направилась к школьным воротам. Алеку оставалось молча проводить её взглядом...

Вечером, прикуривая одну папиросу за другой, Алек мерил шагами свою комнату в строительном общежитии.

«Сколько в мире счастливых людей и сколько несчастных, – думал он. – А ведь всё иллюзорно, всё зависит от самоощущения, вернее, самовнушения и настроения... Но как войти к ней в доверие и настроить её на нужный лад? Как не оттолкнуть неосторожным словом или действием?..»

Прораб разрабатывал новый план действий на личном фронте. В целом проект можно было назвать «Как завоевать сильную женщину». Объект казался неприступным, слишком гордым и независимым. Однако природное упорство и горячее желание непременно добиться цели звали юношу к действию. При этом разум подсказывал, что надо набраться терпения, быть предельно тактичным и давить «мягкой силой». Тогда можно будет потихоньку растопить лёд в сердце и одолеть кажущуюся неприступность.

«Даже самая сильная женщина ждёт, когда появится тот, кто сможет завоевать и покорить её. Я заставлю трепетать её сердце», – решил Алек.

Глава 8

В двадцать лет у Эрика вышла первая книжка стихов «Апельсин солнца», и он сразу стал знаменитостью у себя в институте. Сокурсники подшучивали: «Ветеринар-поэт... Где это видано?» Эрик добродушно отвечал: «Чем ближе к живой природе, тем натуральнее стихи».

Маленький сборник с лучистым названием был достаточно тепло принят в литературных кругах. Один из известных критиков особо выделил образ «солнца-апельсина» – с этим символом в сердце выживал в военное лихолетье маленький герой стихотворения, питаясь его волшебным светом и энергией.

Теперь оперившийся лирический герой Эрика обращался к миру, оповещая, что он «с открытым челом и радостной улыбкой на лице шагает к новым горизонтам, по дорогам, озарённым яркими лучами полыхающего солнца».

Юный, полный романтики и всепобеждающего оптимизма, Эрик выстроил свою концепцию спасения мира: «поэзия – это красота, а красота, как известно, призвана спасти мир, возвышая человека и делая чище и благороднее его душу».

«Корень зла и наиболее гнусного его проявления – войны, заключается в том, что люди не хотят замечать красоту окружающего мира, величественные пейзажи природы и её чудесные проявления, – размышлял юноша. – Человеку не кажутся удивительными ветер и дождь, он не задаётся вопросом, на чём держится луна и почему она не падает вниз, не задумывается о том, обязано ли солнце освещать и греть землю или же оно делает это по своей доброй воле... Объявив себя хозяином природы, человек на деле ведёт себя как сугубо потребитель и паразит: он не только отравляет организм природы отходами своей жизнедеятельности, но и откровенно уничтожает всё вокруг себя, истребляет себе подобных, изобретает новые всеокрушающие бомбы и сбрасывает их на себя же. Война, ослеплённого человеконенавистнической пропагандой, не умиляет улыбка ребёнка, не останавливают печальные глаза матери и морщины старика... Надо выветрить вирус зла из сердец и поселить туда добро, которое засияет как солнце, не оставив ни единого уголка для тьмы...»

Но как? У юного романтика, конечно же, был свой ответ на этот экзистенциальный вопрос, который волнует человека и в ранней молодости, и в зрелые годы, и в преклонном возрасте. Он заключался в следующем. Иногда одна великая вещь или событие могут поменять всё. Произведение, которое он напишет, поразит людей своей необычной гармонией, глубиной смысла и мощной энергетикой, озарит неземным светом, заставит даже самых бесчувственных заплакать слезами ребёнка, очиститься, думать, говорить и поступать лучше. Волшебное творение, а это, скорее всего, будет поэма, поможет человеку осознать, что он не простое природное существо, а самый настоящий венец природы, который не только должен замечать и беречь окружающую его красоту, но и сам создавать эту красоту, делать мир эстетичнее, светлее и добрее.

«Зло кажется более конкретным, осязаемым и внушительным, чем добро, – размышлял Эрик. – Гнусные мысли, зародившиеся в голове Адольфа Гитлера и толкнувшие его на чудовищные преступные действия, изменили ход мировой истории. Больные идеи, воплотившись в разрушительную силу, обернулись адом для всего человечества. Объединившись, люди доброй воли сумели, правда, ценой миллионных жертв, раздавить гадину фашизма. Казалось, зло повержено в прах... Но что это?! Высвобождённая, как джинн из бутылки, атомная энергия в доли секунды превращает в пепел сотни тысяч людей вместе с мирными городами в Стране восходящего солнца¹⁷... Почему зло столь активно и агрессивно, а добру чаще всего приходится выступать в роли пожарного и ликвидатора негативных последствий? Почему добро должно всё время напрягаться и искать новые силы и поддержку, дабы бороться с ежеминутно меняющим свои лики злом? Почему добро очень часто вынуждено уподобляться злу и отвечать ему

тем же, использовать его же средства и методы – мстить, давить, резать, крошить, убивать? Но ведь добро первично, с молоком матери мы впитываем понимание о добре. Тогда откуда столько зла в мире и что в итоге останется от добра, если каждое крупное сражение со злом обходится ему такими великими жертвами?»

За окном невзрачной комнаты студенческого общежития стояла глубокая беззвёздная, плачущая каплейю ночь. Эрик переворачивался с боку на бок в жестковатой постели. Борьба противоречивых и вроде бы взаимоисключающих, однако связанных в некоем странном единстве мыслей распирала черепную коробку:

«Человек ухитрился поместить в бесчувственную бомбу размером с апельсин огромную разрушительную силу. Живое разумное существо непонятным и странным образом готово использовать каждый нейрон своего мозга для создания искусственных чудовищ-убийц. И если так будет продолжаться, то пепел заблуждения окончательно потушит искру добра, изначально заложенную природой в каждого человека... А ведь можно вместо чёрного ядерного гриба поднять высоко над землей белый гриб добра, откуда хлынул бы не смертельный радиоактивный ливень, а очистительный дождь...»

Эрик не заметил, как заснул, но ему всё казалось, что он не спит, а стоит у окна, сжимая в творческом поиске горячие виски, и периодически записывает в тетрадку рождающиеся поэтические строки.

Рано утром Эрик проснулся со стихами в голове: «Счастливые прибрежные пески / вдыхают с наслажденьем свежесть океана. / Барханы же, от зноя плавясь, вожделеют / далёкие прохладные моря...»

Эрик тут же записал эти строки в тетрадку, постоянно «дежурившую» на тумбочке. Возможно, это и было начало того самого ТВОРЕНИЯ, которое послужит детонатором спасительного для человечества пассионарного взрыва...

Глава 9

Взрослея, человек начинает всё больше полагаться на себя, решительнее отделяет себя от других и стремится к максимально возможной независимости. Особенно это касается бывших сирот, привыкающих к самостоятельности с ранних лет. Родителю же, и в первую очередь матери-одиночке, вдове, свойственно всю жизнь видеть в своём любимом чаде маленького ребёнка (хотя тот уже обзавёлся собственной семьёй) и пытаться вечно руководить им, навязывать ему свою точку зрения.

Кнар готовила хурджин с деревенскими гостинцами для сыновей. Помимо сушёных фруктов и ягод, кислого лаваша из сливы и кизила, тутового дошаба¹⁸, сыра, хашила¹⁹ и куркута, мать непременно клала в посылки для Алека и Эрика по две пары связанных собственными руками тёплых носков из овечьей шерсти. В записке напоминала, что «все болезни от ног» и нужно постоянно держать их в тепле. Советовала для профилактики простуды и гриппа каждое утро принимать натоцак ложку дошаба. Конечно, был перечень и других наставлений и назиданий. Кнар учила сыновей быть благоразумными и осторожными, заботиться о себе, «не высовываться», ибо «люди завистливы и злы». Если наставления матери в какой-то мере раздражали Алека, то Эрик относился к ним с умилением и жалостью. У него даже родился экспромт, аллегорически объясняющий сверхзаботу матери: лютый вихрь военной поры настолько смутил озерцо хрупкой вдовьей души, что сегодня даже от лёгкого дуновения ветерка дыбятся волны житейского моря...

Прошло уже почти два десятка лет со времени окончания войны, но Кнар продолжала запасаться на «чёрный день»: сушила сухари, готовила впрок сухофрукты и варенья из различных ягод, чоратан²⁰. Свой стратегический запас она хранила в погребе. Там же, в огромной бочке с зерном, она прятала стеклянный баллон с тутовой водкой,

которую в местных краях искренне считали не алкогольным напитком, а лекарством – разумеется, если употреблять в умеренных дозах.

Сама хозяйка ела мало, словно берегла еду для детей, как делала это в лихие годы войны. Яичко всмятку с кусочком тонирного хлеба составляли завтрак Кнар. Запивала травяным чаем, размешав в нём ложку мёда. На обед в поле она брала с собой варёную картошку, кусочек сыра, пару свежих помидоров и огурцов, зелёный лук со своего огородика. Как-то во время перерыва, разложив еду на пледе под раскидистым дубом на краю поля, Кнар полушутя-полусерьёзно пожаловалась подругам-колхозницам:

– Эх, сколько времени можно было бы сэкономить, если бы не эта унижительная потребность кушать.

– Тогда зачем нам коммунизм? – в том же тоне парировала бойкая молодуха Вардануш, схватив большое красное яблоко и шумно надкусив его. – Ведь для того и стараемся, чтобы каждый лопал до отвала, по потребностям и способностям своего желудка.

– Молчи, бесстыжая! – одёрнула демонстративно хрумкающую девицу её свекровь Алина. – С твоими аппетитами, боюсь, мы ни к чему не придём...

– Ну что ж, ради светлого будущего придётся умерить аппетит, – Вардануш картинно размахнулась и бросила далеко в поле огрызок яблока. – Надеюсь, хоть наши внуки нажрутсЯ вдоволь...

Сейчас шутить в стране дозволялось, но, разумеется, в меру, в ограниченном количестве и желательно в узком кругу. Прошли времена, когда можно было запросто угодить в жернова сталинских репрессий, имея неосторожность пожаловаться на положение некоторых вещей в государстве – к примеру, на то, что обещания улучшить с созданием колхозов жизнь крестьян так и остались словами. Всеобщее и окончательное избавление от наследия культа личности ознаменовалось выносом тела Сталина из Мавзолея²¹. Руководство компартии посчитало невозможным далее сохранять его мёртвое тело рядом с «нетленным» телом Ленина. Рассказывали, что старая большевичка, прошедшая сталинские лагеря, заявила с трибуны съезда партии, что ей во сне явился сам Ленин и сказал: «Мне неприятно быть рядом со Сталиным, который столько бед принёс партии». Тело бывшего «вождя народов» было вынесено из Мавзолея и захоронено у Кремлёвской стены ночью, во избежание лишнего интереса со стороны масс. Вот так странно началась эпоха строительства в советской империи коммунизма, который должен был прийти на смену социализму и окончательно похоронить капитализм...

Впрочем, Кнар и других скромных тружениц полей такие глобальные проблемы не волновали. Они продолжали работать, как трактор. Работали почти бесплатно, за трудодни и облигации. Однако теперь иногда позволяли себе пошутить про колхозное рабство, хотя при этом часто оглядывались по старинке: а не заберут?

Вожди не посещали их по ночам. Им до сих пор, спустя почти двадцать лет после окончания войны, снились мужья, братья и сыновья, которых они не дождались с кровавых полей сражений. И этим несчастным женщинам было невдомёк, что ещё замышляют живые вожди для обеспечения их «светлого будущего»...

Глава 10

Девушкам, а тем более видным, нравится, когда их добиваются. Некоторые готовы поначалу специально отказывать и отнекиваться, чтобы ещё больше разжечь ухажёра, если, конечно, сам ухажёр им нравится... Алек знал об этом, однако в случае с Элеонорой он терялся в догадках, не в силах определить, капризничает ли она или на самом деле считает их союз невозможным.

Элеонора держалась сухо и деловито. По её взгляду, скупым жестам и манере говорить было невозможно понять, что она думает в этот момент. Алек уже подходил к

ней три раза и слышал почти одно и то же: «я не хочу сейчас встречаться», «мне сейчас не до этого», «замуж пока не планирую». Она непременно находила «уважительную» причину: мол, надо проверить контрольные работы школьников или подготовиться к педсовету, и уходила, даже не удостоив своего поклонника прощальным взглядом.

«А может, я просто противен ей?» – болезненно колола молодого человека и такая мысль, после которой хотелось бросить всё.

Алек удивлялся резким перепадам своего настроения: пессимизм и оптимизм, казалось, сцепились в яростной схватке с переменным успехом. Когда чувство подавленности и униженности готово было взять верх, срабатывала некая защитная реакция: помимо своей воли Алек представлял Элеонору без макияжа и укладки, в шлёпанцах и домашнем халате у электроплиты на кухне – обычную, расслабленную, лишённую учительской ауры, и тут же развенчивался её почти магический образ. При этом сам он вновь наполнялся надеждой и уверенностью. Вспоминалась Алеку даже пословица о том, что «любая женщина кажется красивой в темноте, издали или под бумажным зонтиком». Вместе с тем он понимал, что такое «унижение» своей пассивности вряд ли поможет ему при реальной встрече и даже может навредить, подтолкнув на неосознанную грубость.

«Да, верно сказано, что овладеть сердцем женщины иной раз труднее, чем завоевать целый мир», – сознался он себе после долгих раздумий, которые в итоге привели к банальной истине о том, что насильно мил не будешь.

Алек прекрасно понимал, что попытка брать измором крепость лишь усугубит положение: упорное желание обладать кем-то, кто не отвечает взаимностью, похоже на одержимость. Это может привести к скандалу и удару по его безупречной репутации «ударника коммунистического труда». И даже если бы девушка уступила из жалости, безвыходности или по другим причинам, но не из-за любви, то это было бы просто унижительно для обоих... Алек решил спустить дело на тормозах, остыть и не проявлять некоторое время активности, дать ситуации самостоятельно развиваться, а самому попытаться спокойно и трезво оценить её. «Может, и Элеонора к тому времени одумается...» – пришла спасительная мысль.

До сдачи объекта оставались считанные дни. Строители завершали мелкие отделочные работы, а руководство школы уже разрабатывало программу торжественного открытия капитально отремонтированного учебного корпуса. Школьники вместе с учителями готовили концертную программу. У всех чувствовалось лёгкое волнение...

Волновался и Алек, хотя с профессиональной точки зрения в отношении его и работы его бригад упрёков не должно было быть. Он даже предвидел восхищённые и благодарные взгляды учителей и учеников, которые долгое время ютились в невзрачных и тесноватых кабинетах и классах, теперь неузнаваемо преобразившихся... Но смущал его один вездесущий и вечно строгий взгляд, под которым он невольно чувствовал себя провинившимся школьником.

«В конце концов, я тоже не влюблён без памяти, – успокаивал он себя, – а значит, ничто нас не держит и можно спокойно разойтись». Но тут неожиданно всплыл в памяти образ девушки, который явился, то ли во сне, то ли наяву, ещё до того, как он встретил Элеонору. В этот раз она улыбалась... И снова всё смешалось в душе у молодого человека, ибо бессознательное в нас очень часто пересиливает сознание. И вновь он не мог понять, знак ли это свыше или же шальная игра воспалённого воображения...

Советская система не поощряла ни веру в мистику и чудеса, ни приверженность к истинной религии. Ничто не должно было мешать вере в коммунизм – новой «религии», фанаты которой готовы были ради построения «светлого будущего» пойти на насилие с целью принудительной организации общества, при этом грубо попирая человеческую личность и свободу духа. Пытаясь заменить религию коммунистической идеей, руководство партии стремилось рационализировать жизнь до такой степени, чтобы исключить из неё всякую тайну и иррациональный элемент. В лучезарном царстве

социального разума правителем должен был стать безликий, но всесильный коллектив, и для достижения этого партия сегодня пыталась убить личность, подавить духовное начало в человеке, по сути, отрицая самого человека и живое содержание человеческой жизни. Стимулируя и направляя огромную, невероятную, нечеловеческую энергию на построение земного рая, коммунисты осуществляли грандиозный эксперимент, где социальный коллектив должен был заменить собой как разумного человека, так и самого Бога. Однако миллионы людей в стране, всё больше разочаровываясь в «вождях», продолжали верить в Бога, не афишируя этого.

Прадед Алека Аракел был священником. Именно за это пришедшие к власти в 1917 году большевики раскулачили «поповского сына» – деда Алека, Арустама, хотя его семья и так жила небогато. Забрали корову, оставив четверых детей без молока. Они жили впроголодь, часто болели, а самый маленький, трёхлетний малыш, и вовсе не выжил... Быть может, именно эта невидимая генетическая обида заставляла Алека не спешить вступать в компартию, хотя далеко не все партийцы могли тягаться с ним в энтузиазме и старании, с которыми он делал своё дело. С другой стороны, правнук священника, пусть и не совсем отдавая себе отчёт в этом, верил в сверхъестественную нематериальную силу и знаки свыше, «необычайные случайности» и «чудесные совпадения».

...«Неужели я ошибся в ней, и всё это – лишь мираж?» – вновь кольнула больная мысль.

Глава 11

Как алхимик, самозабвенно ищущий рецепт философского камня, Эрик пребывал в увлечённых поисках своей формулы спасения мира, которая помогла бы искоренить войны, покончить с политическими конфликтами, избавиться от нищеты, голода, различных угнетений и унижений человека, народов и рас.

«Я найду рецепт поэтического эликсира, целительной инъекции, убивающей вирус зла, который, словно червь, поедает человека изнутри, отравляет своим губительным ядом его душу, – уверял себя Эрик. – Почему величайшие умы человечества, постигающие всевозможные тайны Вселенной, не могут справиться с этой проблемой на протяжении столетий? Ведь фармакологу удаётся создавать лекарства, исцеляющие человеческий организм от разнообразных недугов. А вот душа вечно страдает от неизлечимой болезни...»

Подогреваемый юношеским максимализмом, полный радужных, восторженных надежд и горячих порывов, Эрик ощущал себя поэтом-пророком²², готовым поставить свой дар на службу человечеству. Созданный им чудодейственный словесный эликсир, сконцентрировав в себе уникальную по своей мощи энергию красоты, света и добра, разольётся внутри человека и смоев всю негативную энергию – разрушительную силу злых помыслов и дел, одухотворит всё человеческое существо, просветлит душу. Образовавшаяся гармония красивых мыслей и чувств выльется в благие слова и поступки. Истина и Добро соединятся в человеке, образуя нераздельное единство в его преобразованной душе, которая больше никогда не будет излучать смертоносную радиацию. И если до этого индивидуальные и коллективные заблуждения, безрассудства и безобразия приводили к бедам, войнам и смертям, то теперь общество возьмёт неуклонный курс на достижение всеобщего мира и благоденствия. Постепенно будут устранены разобщённость и раздробленность, людей перестанут делить на своих и чужих по расовым, религиозным, идеологическим, языковым критериям, исчезнут территориальные споры, борьба за сырьё и ресурсы, которые отныне станут общим достоянием для всех и по всей земле. Агрессивность в отношениях между людьми, эксплуатация себе подобных покажутся дикостью. Главным занятием человека в новом, по-настоящему гуманном обществе станет творческий созидательный труд на благо всех и

каждого. Нравственно ориентированное человечество будет последовательно развиваться как единая цивилизация...

Казалось, данная формула лежит в самой сущности мирового бытия и человеческого сосуществования, и всего лишь нужно добраться до неё, пробурить скважину и дать ей прорваться через толщу наносного и фальшивого, которая растёт с каждой некрасивой мыслью и злым поступком, заполняя сердце человека и подавляя добро и красоту, данные ему свыше. И если человек сумеет сосредоточить все силы души и ума на красоте, то станет замечать её во всём великолепии и разнообразии. Вселенная предстанет ему такой, словно она только что возникла – неиспорченной, благодатной. И венец природы, очарованный и потрясённый, словно прозревший слепец, от «первого», очищенного взгляда на мир, познает, вернее, вспомнит своё истинное предназначение. Он возгорится желанием сохранить первозданную красоту (то, что осталось от неё), будет лелеять её, как мать своего ребёнка...

Так думал Эрик, проводя свои бессонные опыты. «Ухватившись за голубое крыло своей далёкой мечты», лирический герой искрящегося юной энергией поэта уверенно шёл к «волшебной, как сказка, Зелёной долине, освещённой лучезарным солнцем». Словно родитель, напутствующий сына во взрослую жизнь, автор призывал своё поэтическое чадо «верить прежде всего самому себе на тернистых и узких дорогах», затем внушить веру своим друзьям. «Не сомневайся в выбранной стезе! Пусть шаги твои будут тверды, а следы поведут за собой других ...» – наставлял стихотворец.

Однако объективная реальность очень часто входила в противоречие с внутренним романтическим миром юного поэта, не соответствовала художественной действительности книг и никак не укладывалась в сформированное детскими сказками представление о всепобеждающем добре. Порой создавалось впечатление, что уничтожение родной планеты является делом чести каждого, а насильственные действия и даже массовые убийства совершаются как бы без злого умысла. Более того, грубое насилие нередко преподносилось как действие по отстаиванию ценностей свободы, демократии, защиты фундаментальных прав человека и народов. Именно в этой искусственной двойственности и стремлении выдать желаемое за действительное таилась коварная опасность. Нежелание видеть и признавать правду губило людей и вредило целым народам.

Несмотря на отсутствие глобальной войны, по всей планете продолжалась «холодная война». Именно такое название получило масштабное геополитическое, военное, экономическое и идеологическое противостояние, начавшееся почти сразу же после окончания Второй мировой войны. Главными центрами конфронтации были с одной стороны Советский Союз, а с другой – Соединённые Штаты Америки с их ядерным оружием, которое готово было испепелить всё живое и неживое. Ядро же самого конфликта составляло во многом искусственно нагнетаемое идеологическое противоречие между капиталистической и социалистической моделями государственного строя. Две сверхдержавы, стремясь ещё больше усилить своё влияние в мире, вольно или невольно вмешивались в развитие событий во всех частях света. Для этого они создавали свои военно-политические блоки, размещали на разных континентах военные базы. И хотя супердержавы не вступали в прямое военное столкновение, прекрасно осознавая, чем это чревато для крохотного, по сути, земного шара, их жёсткая конкуренция то и дело приводила к вспышкам насилия и локальным войнам в различных регионах, в результате которых гибли сотни тысяч людей. Между тем «холодная война», сопровождавшаяся лихорадочной гонкой обычных и ядерных вооружений, грозила в любой момент трансформироваться в новую мировую войну, чреватую ядерным самоуничтожением человечества...

Эрик пытался вникнуть в суть тяжёлых экзистенциальных вопросов и искренне, с неподдельным юношеским максимализмом верил в возможность их решения...

Глава 12

Нвард могла запросто ворваться в его комнату в любое время дня, предварив своё появление быстрым коротким стуком, а иногда и вовсе без всякого формального предупреждения.

Девушка из провинции жила в общежитии этажом выше Эрика. Она была приятной, нежной и заботливой, словно спустившийся с гор свежий ветерок. Приходила Нвард не с пустыми руками: она приносила погрузившемуся в свои поэтические опыты сокурснику то яблоко или гроздь винограда, то кусочек гаты или парочку конфет вместе с щепоткой чая или кофе, рассчитанного с аптекарской точностью на две чашечки. Рядом с ней Эрику было по-домашнему уютно и тепло, она казалась ему родной, единокровной, словно это его бедная крохотная сестра перевоплотилась в неё.

Нвард была своеобразной «повивальной бабкой» произведений Эрика. Он читал ей только ещё рождающиеся, неотшлифованные стихи, посвящал её в свои творческие планы и заветные помыслы. Девушка реагировала по-разному: от горячего одобрения, восторга и радостного кивания до недоумённого пожимания плечами и выражения протеста:

– Но ведь так в жизни не бывает! Ты просто мечтатель и фантазёр...

– Бывает!.. Вот увидишь! – восторженно отвечал Эрик.

И в такие минуты в его оптимистичной улыбке непременно мелькало что-то детское, словно в подтверждение афоризма о том, что устами младенца глаголет истина.

Внезапные визиты Нвард давали Эрику эмоциональную встряску, а иногда и повод для сочинения лирического стихотворения или дружеской эпиграммы. Но бывало и раздражали. Нвард могла вдруг прыгнуть коленями на его кровать, вырвать у него карандаш и отшвырнуть в сторону, потрепать тоненькими нервными пальцами его золотистые кудри со словами: «Хватит витать в облаках. Спустись, наконец, на грешную землю чайку попить». Такие панибратские выходки и фамильярность (без тени намёка на сексуальность) невольно ущемляли его мужское самолюбие...

Но Эрик был влюблён в другую музу, поэтому его ревность и раздражение в связи с периодическими вторжениями подруги выражались разве что в плане нарушения интимного общения с Поэзией. Самый заветный плод этого общения, зачатый в страстный миг совокупления с Природой и Космосом, обещал быть прекрасным и могучим, способным в корне изменить жизнь людей, открыть им дорогу к звёздам, как это в скором времени в буквальном смысле сделает Юрий Гагарин, совершив первый в мировой истории полёт в космическое пространство. Но до этого планетарного события было ещё пять лет, а Эрик уже сейчас пытался покорить Вселенную посредством сооружаемого им энергетического корабля из света и любви. Он горел желанием помочь людям заметить чудо жизни, осознать свою причастность к живому и разумному Космосу, найти гармонию в общении с Природой, навсегда избавившись от губительной беспечности и неразумности...

В последнее время Нвард, однако, была какая-то сама не своя. Увлечённый Эрик не замечал часто меняющееся выражение глаз и беспокойную мимику подруги. Нвард то пристально глядела на него изучающим взглядом, словно перед ней стоял незнакомый человек, то внимательно слушала, стараясь не пропустить ни слова, будто записывала важную информацию на невидимый внутренний бобинник²³, то, как бы протестуя против чего-то, хмурилась и резко мотала головой. Она явно была озабочена чем-то...

Однажды Нвард попросила у Эрика тетрадь со стихами почитать на ночь, а на следующий день не появлялась ни на уроках, ни в комнате у однокурсника.

Глава 13

Внимательными людьми подмечено, что мужчина испытывает более сильные чувства к женщине в начале отношений, а дальше взаимоотношения либо должны быть углублены, либо непременно пойдут на спад. И наоборот, женщина, как правило, не испытывает в начале отношений того же, той же силы влечения, как он. Впрочем, это не означает, что в один прекрасный день (а может, в безмятежный вечер или бессонную ночь) искорка, незаметно брошенная мужчиной в душу женщины, не вспыхнет неожиданным и неведомым ей доселе огнём... Однако о последнем Алек уже не мечтал и решил положить конец неопределённости и исходящим из неё замешательству и страданиям.

Чтобы не производить впечатления мужчины, обиженного женщиной, которая не ответила взаимностью, Алек придумал, как уйти, не ущемляя в первую очередь своё личное достоинство и одновременно чужое самолюбие.

В канцелярском магазине он купил большой напольный глобус из дерева. Алек был уверен, что это станет отличным подарком как для географички, так и для класса, с которым он успел подружиться. Блестящий пёстрым глянцем глобус имел не только познавательное значение, но и являлся отличным декоративным украшением для преобразившегося после капитального ремонта кабинета. Вечером, накануне торжественного открытия нового школьного корпуса, воспользовавшись своим служебным положением, Алек с лёгкостью старшеклассника перемахнул через заранее натянутую перед парадным входом здания торжественную красную ленту и, пройдя в кабинет географии, поставил глобус в углу возле шкафа...

Несмотря на серое утро, школьный двор дышал праздником. Как обычно, нарядный красный цвет явно преобладал над другими. Солнце, казалось, заменяли рвущиеся в небо огромные кумачовые шары, которые оттеняли лёгкие дымчатые облака на небе нежно-розовыми тонами. Растянувшиеся от окна к окну флажки колыхались от ветерка, шуршали, будто шептались о чём-то между собой. Весело, словно подмигивая им, мерцали гирлянды.

Наконец послышался ни с чем не спутываемый гомон, предвещающий появление самых маленьких героев праздника. Первыми из широких дверей старого корпуса вышли учащиеся младших классов, которых, словно курица цыплят, заботливо вела пожилая учительница в строгом бежевом костюме. Аккуратно сложенную на затылке копну её седых волос украшали по случаю торжества две крупные розовые заколки в виде цветов. Большие белые бантики на макушках детей напоминали кувшинки, колеблемые озёрной зыбью. На рубашках учеников красовался значок октябрёнка²⁴ с изображением маленького, кучерявого Володи Ульянова – будущего великого вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ленина.

«Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры²⁵ – дети рабочих!» – ещё издали выдала себя своей песней следующая категория учащихся. Во двор школы пионеры вошли стройной колонной и маршем. Мальчики были в серых штанах и напоминавших военные гимнастёрки рубашках с белым подворотничком. У девочек поверх коричневых платьев были праздничные белые фартучки. На шеях у них гордо развевались тщательно отутюженные алые галстуки. Они надевались не ради украшения, а имели символическое значение: маленький конец галстука обозначал пионерию, большой конец – комсомол²⁸, средняя часть – коммунистическую партию, а узел – связь трёх поколений. Колонной руководила юная энергичная пионервожатая. У неё был открытый высокий лоб, уверенный взгляд и упрямый подбородок, свидетельствующий о твёрдом характере и убеждённости в деле, которому она служила.

Высокий, спортивного сложения старшеклассник нёс плакат с уверенным, не допускающим возражения лозунгом: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Юноша возглавлял колонну комсомольцев²⁶ – подтянутых молодых людей и девушек с почти взрослыми лицами. Они имели прямое отношение к реконструкции своего учебного заведения: на уроках трудового воспитания

старшеклассники в качестве производственной практики помогали строителям ремонтировать школьное здание, подавали кирпичи, воду, готовили цементный раствор. Администрация школы относилась к трудовому воспитанию учащихся очень серьёзно: была поставлена задача не только передавать юным строителям коммунизма рабочие навыки и умения, но и формировать у них правильное отношение к своему и чужому труду, стимулировать инициативность и самостоятельность. От этого в итоге должны были выиграть как само подрастающее поколение, так и государство.

Последними выходили учителя во главе с директором – худощавым, сурового вида пожилым мужчиной. Вместо левой кисти у него под пустым рукавом пряталась кулеть. Это была его, бывшего фронтового разведчика, память о войне на всю оставшуюся жизнь, вернее – вечное, ежеминутное, ежесекундное напоминание о кроважном и ненасытном звере, периодически возвращающемся к своей нескончаемой кровавой трапезе... Но сейчас все думали только о добром и хорошем, и даже директор, всегда серьёзный и немного сердитый, позволил себе пару раз улыбнуться...

Ни одно торжество не обходится без «главных виновников». Согласно сценарию, Алек со своими тремя бригадами (в общей сложности из полусотни человек) должен был появиться под аплодисменты собравшихся со стороны второго входа, ведущего прямо в школьный двор. Нарядные, не по-рабочему одетые, некоторые в галстуках (в основном красных или красно-белых), они в какой-то мере походили на команду артистов, ждущих своего выхода. Алек был в модном, чуть приталенном светлом коротком пиджаке и просторных брюках со складками у талии. Широкий воротник белой нейлоновой рубашки затягивал неброский полосатый галстук. Молодой прораб не любил яркие цвета – что не совсем вписывалось в окружающую действительность, которую власти огромной страны всячески пытались облечь в красочные одежды.

Мельком оглядев своих подчинённых, Алек заметил, что большой пунцовый галстук на приземистом сварщике съехал набок, визуально перекосив его и без того невзрачную фигуру, которой он, судя по всему, хотел придать значимости и внушительности в глазах окружающих при помощи этой рдеющей полоски ткани. Прораб невольно вспомнил слова одного из партийных агитаторов, который утверждал ничтоже сумняшеся: «Красные идеи – это кровь, а пролетариат – носитель этих идей. Образно говоря, рабочие – это жилы, по которым течёт горячая революционная кровь...»

Сдерживая улыбку, Алек подошёл и заботливо поправил рабочему галстук, подумав про себя, что, с одной стороны, красный цвет символизирует пламя, агрессивность, месть, бунт, революцию, наконец, но с другой стороны – торжество, радость, любовь и полноту жизни.

«Короче говоря, это цвет крови, от которой, по большому счёту, зависит всё: и жизнь, и смерть, и победа, и поражение... – Алек удивился неожиданному обороту собственных мыслей. – Да, всё связано с тем, насколько подвижна у тебя в организме эта жидкость и с какой скоростью в тот или иной значимый момент жизни она движется по твоим жилам... Но способны ли выдержать кровеносные сосуды нужного темпа и давления, когда ты охвачен порывом чувства и решимостью совершить нечто большое и почти невозможное? Не перегорит ли от перенапряжения, как «лампочка Ильича», сердце, когда закипает кровь и темнеет в глазах от избытка сил и энергии?.. Вот от чего зависит триумф или полный провал, а порой и сама жизнь человека...»

Наконец подошёл завхоз школы и пригласил строителей. Алек шёл впереди вместе с бригадами. Несколько смущаясь от церемониальности и такого большого внимания к себе, строители с застывшими улыбками на лицах приветственно махали в ответ на аплодисменты школьников и их учителей. «Учиться, работать и жить по-коммунистически!» – выкрикнул кто-то лозунг, который тут же утонул во взорвавшихся с новой силой аплодисментах.

Алек, конечно же, сразу заметил в большой толпе Элеонору – как всегда, подтянутую и собранную. По случаю торжества на её груди красовалась алая роза-бантик.

Элеонора улыбалась и аплодировала вместе со всеми и, казалось, смотрела именно на него. У Алека неожиданно ёкнуло сердце, он чуть не споткнулся. А ведь казалось, что эта страница жизни перевернута. Но как нередко бывает, в финале увлекательного романа читатель не захлопывает книгу, а возвращается к предыдущим страницам ради уточнения для себя какой-то детали из жизни героя или героини. Нечто подобное, похоже, предстояло сделать и Алеку со своим, как оказалось, ещё неоконченным, а вернее, только начинающимся романом...

Спустя десять лет, отмечая розовую свадьбу²⁷, они вспомнят этот день с улыбкой и умилением... А пока Алек, внезапно объятый новыми сомнениями и внутренними противоречиями, словно не слышал пламенных речей ораторов о наступающей светлой эре коммунизма и слов благодарности его преданным строителям – в своём лице и в лице своих подчинённых. Точно загипнотизированный, он не мог оторвать глаз от той, которой ещё несколько минут назад, казалось, уже не существовало для него...

Глава 14

«Наступает долгожданный момент – церемония разрезания красной ленты! Почётное право открытия обновлённого школьного корпуса предоставляется директору школы Каспарову Адаму Аркадьевичу и прорабу строительного участка...»

Только услышав свою фамилию, произнесённую столь громко и отчётливо, словно кто-то пытался пробудить его от глубокого сна, Алек очнулся и вернулся к реальности.

Вместе с директором школы он направился к символической ленте. Нарядная пионерка подала ножницы на небольшом металлическом подносе.

– Вы знаете, в чём смысл этой церемонии? – неожиданно спросил директор, приглашая Алека взять свой инструмент для разрезания, и сам же ответил: – Лента – это преграда на пути к успеху и благополучию, а разрезание – преодоление всех барьеров и освобождение пути к победе...

«Вашими бы устами да мёд пить», – вежливо кивнув, откликнулся про себя Алек.

Вооружившись ножницами, каждый разрезал свой участок ленточки. Грохнули аплодисменты и крики «ура!».

Взяв, как положено, отрезанные лоскутки на память, директор и прораб двинулись во главе учителей и группы учащихся старших классов внутрь здания, похорошевший фасад которого дышал чистотой свежих красок.

Светлые коридоры, кабинеты и классы, казалось, стали шире и просторнее. По выражению лиц и репликам присутствующих было очевидно, что ремонт превзошёл их ожидания.

– Ай да молодцы! – громко похвалил директор, от цепкого и внимательного взгляда которого не ускользало ничто, и попросил Алека представить проделанную работу.

Тот, чувствуя на себе среди множества заинтересованных взглядов один, как ему казалось, немного насмешливый, замешкался, откашлялся и лишь произнёс:

– Ну что сказать... Ребята и вправду постарались. Трудились по-коммунистически, зря не теряли рабочих минут...

Пока он думал, что ещё сказать, директор подхватил:

– В самом деле, всё сделано ради человека и во благо воспитания новых, всесторонне развитых строителей коммунистического общества. Бригады из армян, азербайджанцев, русских, евреев и других представителей интернациональной семьи советских народов постарались сделать всё, чтобы учителя преподавали, а дети учились в хороших, удобных условиях. Так что, дорогие наши ученики, вам остаётся одно: учиться, учиться и ещё раз учиться, как завещал великий Ленин!

Слова директора дышали пафосом и как нельзя лучше отражали царившую вокруг атмосферу. Кто-то из учителей лихорадочно захопал, последовал взрыв аплодисментов.

Алек не заметил, как все оказались у кабинета географии. Элеонора Борисовна отделилась от толпы и встала по праву хозяйки у входной двери. Столкнувшись с ней взглядом в упор, Алек моментально вспомнил данное себе обещание не давать чувствам захлёстывать себя и, незаметно улыбнувшись в усики, заговорил ровным и отчётливым голосом:

– Ну а географический кабинет – это особое помещение...

Обступившие порог кабинета педагоги разных профилей вмиг притихли, обратившись во внимание, а точнее – в любопытство. Слово «особое», судя по всему, оказало на присутствующих магическое действие. Алек заметил, как Элеонора покраснела, словно ученица, хлопнув пару раз ресницами. Такой смущённой он видел её впервые. Это придало ему уверенности.

Между тем повисшая в воздухе пауза требовала от Алека расшифровки своего заявления. И он хладнокровно и профессионально разъяснил:

– Как и кабинеты других естественных наук, реконструкция кабинета географии требует особого, специального подхода. Мы предусмотрели две ниши для встраивания шкафов, чтобы освободить место для рационального размещения всего необходимого комплекта средств обучения, наглядных пособий...

Директор согласно кивнул серебристой головой. Обстановка разрядилась. Послышался одобрительный шёпот.

Алек поймал на себе пристальный взгляд Элеоноры и почувствовал, как его наполняет какой-то непонятный задор. Переведя дыхание, он добавил как ни в чём ни бывало:

– К примеру, вот для этого глобуса...

– Вот это глобус! – серые глаза завуча, женщины средних лет с плоским лицом, неестественно увеличилось под толстым стеклом очков, казалось, собираясь вылезти из них. – Всем глобусам глобус!

Стоящим перед кабинетом педагогам пришлось сделать различные телодвижения, чтобы заглянуть в дверной проём и посмотреть на загадочный объект.

– Откуда он взялся? – с искренним удивлением спросил завхоза директор.

Тот пожал плечами. Тогда директор направил свой вопросительный взгляд на учительницу географии.

Элеонора вновь смущённо хлопнула ресницами и искоса посмотрела на Алека, очевидно, догадавшись, откуда дует ветер. Алек почувствовал, что пробил его час:

– Это наш скромный подарок ребятам, с которыми мы успели подружиться за время их трудовой практики у нас. Думаю, он поможет учащимся легче усваивать географическую науку и проводить полезные практические работы...

Тут Алек несколько картинно повернулся к Элеоноре Борисовне:

– Надеюсь, уважаемая учительница географии не будет против.

– Да нет, почему же, наоборот... – скороговоркой, почти механически ответила та.

Вновь раздался аплодисменты. Кто-то коротко крикнул «ура!». Завуч подошла, потрогала, повертела глобус то в одну, то в другую сторону и будто вынесла вердикт:

– Чудо!

После этого многие уже не смогли устоять перед соблазном прикоснуться к чудо-глобусу. Алек же изо всех сил старался не выдать своего ликования.

– Что ж, сюрприз вам удался, – улучив момент, тихо прошептала Элеонора Алеку. – Поздравляю!..

По своей природе молодёжь склонна к секретности, что воспринимается ею как важный фактор юношеской зрелости: многие старшеклассники и студенты используют в борьбе за самостоятельность такое оружие, как скрытность и конспиративность. Это даёт молодым людям, готовящимся вступить во взрослую жизнь, ощущение собственной значимости и обладания некой таинственной силой, недоступной другим. Однако во все времена и при любом типе общества существует особая категория людей, вернее – профессионалов, которая использует в своих целях эту слабость, свойственную молодёжи.

Чаще всего инструментом в руках советских спецслужб – «интеллигентных» церберов государственной идеологии, становились студенты, обычно второго или третьего курса, когда они, полные сил, уверенности в себе и радостных предчувствий, практически уже готовы были сделать конкретные шаги навстречу своим амбициям. Честолюбивых молодых людей, которые чувствовали себя тесновато в существующей реальности и пытались хоть немного раздвинуть искусственные заграждения, сотрудники КГБ²⁸ старались прибрать в «хорошие руки» с тем, чтобы (не придумав ничего лучшего) вербовать из них информаторов – тайных осведомителей или, как с презрением называли их в народе, – «стукачей».

Это была настоящая охота за человеческими душами. К каждому вузу был негласно прикреплен свой куратор – оперативный работник органов госбезопасности, который непосредственно получал информацию о возможных кандидатах в агенты от лидеров комсомольских организаций и отдела кадров вуза. Процесс вербовки тщательно прорабатывался. Получив нужную предварительную информацию, вербовщик изучал личное дело интересующего его объекта, собирал подробные сведения о нём, искал в своей потенциальной жертве слабые места, за которые можно было бы зацепиться, чтобы затем, давя на них, манипулировать человеком. А для этого применялись различные способы и методы – от убеждения и внушения до провокации, шантажа и откровенной угрозы. При необходимости в ход пускались лицемерие, лесть и демагогия. Поначалу, как правило, пытались «по-хорошему» – обращались к патриотическим чувствам или общечеловеческим ценностям. Кандидату в агенты могли внушить, что его помощь просто необходима для нормального функционирования факультета или вуза, отстаивания интересов коллектива и даже социалистического общества в целом, а когда такой метод психологического воздействия не приносил нужного эффекта, то могли просто припугнуть, пригрозить разоблачением, оглаской реальных и надуманных негативных фактов из его жизни и привлечением к уголовной ответственности.

В жаргоне сотрудников секретных служб было вполне советское, рабоче-крестьянское выражение «работать в поле», что на самом деле означало – заниматься оперативной работой. Как умелому охотнику, тихо подкрадывающемуся к жертве, чтобы накинуть ей на шею аркан, опытному сотруднику органов не составляло особого труда прикинуться сочувствующим приятелем, втереться в доверие, узнать, чем «дышит» его «нечаянный» визави, каковы его интересы и окружение. Поводом познакомиться могло стать «случайное» столкновение на улице или же соседство в транспорте, в очереди в магазине...

Однако было немало молодых людей, которым работа на спецслужбы казалась занимательным, окутанным таинственным флёром романтики приключением, некой игрой в Джеймса Бонда²⁹. Знать о том, о чём и не догадывались или лишь догадывались миллионы людей, казалось почётным и возвышало в собственных глазах. Манило ощущение своей исключительности и превосходства над окружающими. И молодые люди с искажёнными амбициями сами охотно шли навстречу обману, который, заполняя в душу, постепенно овладевал человеком, меняя его сознание, его личность в целом. Выполняя небольшие, на первый взгляд, невинные поручения, молодые люди не замечали, как попадали на крючок, всё глубже втягиваясь в агентурные отношения. Ситуацию точнее всего можно было охарактеризовать поговоркой самого КГБ: «к нам вход – рубль, а выход – два»...

Нвард очень гордилась успехами своего друга на поприще поэзии и не упускала случая рассказать подругам и знакомым о литературных замыслах Эрика, особенно о его намерении в корне изменить мир посредством создания уникального поэтического эликсира. Большинство не воспринимало всерьёз рассказы девушки, списывая всё на юношеский максимализм, буйство фантазии и непомерный душевный жар, экзальтированность начинающего поэта. Некоторые и вовсе отзывались с откровенной иронией.

– Вот увидите, он добьётся своего! – с чувством искренней обиды парировала Нвард, приводя в качестве самого весомого аргумента в пользу своих слов то, как сам знаменитый Ширак восторженно хвалил стихи молодого поэта.

Но вот однажды, на репетиции мероприятия по случаю Первомая³⁰, её неожиданно эмоционально поддержала художественный руководитель студенческой группы самодеятельности, старшекурсница Аделина.

– Ой, как интересно! – воскликнула она в восторге. – Читала его стихи в газете. Очень оригинально и тонко передаёт свои мысли и ощущения. Настоящий самородок! Он ещё заявит о себе во весь голос...

Худрук, кажется, слово в слово повторила то, что каждый раз говорила Нвард скептикам. Воодушевлённая подруга поэта радостно изрекла:

– Так у него сейчас целая толстая тетрадь новых работ, совсем не похожих на прежние.

– Ой, а можно посмотреть?

– Я попрошу у него.

В выразительных глазах Аделины на долю секунды мелькнула хитринка. Она взяла Нвард под руку и отвела немного в сторону.

– А может, мы сделаем ему сюрприз? – худрук понизила тон, отчего голос её стал загадочным и таинственным. – Подберём без его ведома пару стихотворений, поставим оригинальный музыкально-поэтический номер. Вот бомба будет!..

Нвард задумалась, чувствуя себя сообщницей маленькой лжи. Однако успокаивала мысль, что это та самая «ложь во благо», которая в итоге поднимет настроение её другу, придаст ему больше уверенности в себе и вдохновит на новые творческие свершения.

– Что скажешь? – Аделина крепче сжала локоть девушки.

На лице худрука застыла выжидательная улыбка, которая казалась неестественной, потому что девушка улыбалась лишь губами, а веки и брови при этом оставались неподвижными.

– Сделаем парню приятный реприманд³¹? – лицо с улыбающейся нижней частью и застывшей верхней надвинулось так близко, что девушки почти соприкоснулись носами. Нвард стало не хватать воздуха.

– Хорошо, попробую, – инстинктивно желая скорее избавиться от этой странной улыбки, произнесла Нвард.

Будто сбросив маску, Аделина вмиг обрела свой обычный деловой, несколько озабоченный вид и удовлетворённо крикнула:

– Всё, ребята и девчата, перерыв окончен! Все на сцену, продолжаем работу.

Глава 16

Конечно, неординарный Эрик, охваченный идеей изменить окружающий мир, не мог не попасть в поле зрения спецслужб в качестве «интересного» студента. Он рано или поздно непременно оказался бы в негласном списке интеллигентов, отбивающихся от «стада творческих работников». Сами по себе эти тайные интриги государства в отношении своих граждан были предосудительны, однако настоящий ужас ситуации с Эриком состоял в том, что бесчестное дело в отношении одержимого великими проектами

юного поэта было осуществлено посредством душевно родного ему, любимого человека – охмурённая Нвард пошла на обман и передала собственными руками сексоту³² тетрадь с «идеологически вредными стихами»...

На перемене к Эрику подошёл куратор курса и, сообщив, что его вызывает к себе проректор института по воспитательной части, тут же встревожено спросил:

– Что-то случилось?

Точно такой же вопрос синхронно появился у Эрика, но, не озвучив ни вопроса, ни ответа, он лишь недоумённо пожал плечами. Однако оба были уверены, что случилось нечто не совсем приятное, ибо просто так к проректору по воспитательной части, старому коммунисту, жёсткому и нервному поседелому человеку, не вызывали...

В кабинете у проректора сидел мужчина неприметной наружности в сером костюме.

– Добрый день, – ответил незнакомец на общее «здравствуйте» Эрика и протянул для приветствия руку. – Наслышаны о вас. Рад лично познакомиться.

Тем не менее сам он не представился.

– Мне выйти? – не скрывая раздражения, спросил проректор, не удостоивший Эрика ни одним взглядом.

– Нет, зачем же, – невозмутимо ответил таинственный гость. – Мы на свежем воздухе поговорим... Если, конечно, молодой человек не против.

Эрик поймал себя на мысли, что у его собеседника какое-то размытое лицо – взгляду не за что было зацепиться, хотя всё, вроде бы, на месте: лоб, щёки, глаза, нос... «Скользкий тип», – первое, что пришло Эрику на ум.

– С вами желает встретиться очень серьёзный человек, – произнёс мужчина в сером, едва вышли во двор вуза. – Не волнуйтесь, это не займёт у вас много времени. Да и идти недалеко – всего метров триста.

Эрик, конечно, догадался, куда приглашают его. Он лишь спросил, скорее чтобы сказать что-то:

– А по какому поводу?

– Я подробностей не знаю, – не глядя на Эрика, уклончиво ответил мужчина. – Мне всего лишь поручили сопроводить вас.

Дальше шли молча, благо идти было недолго. Человек с незапоминающейся внешностью тихо сказал что-то дежурному у входа в большое каменное здание, и тот, молча кивнув, пропустил их. Пройдя следом за своим сопровождающим по длинному, тихому и темноватому коридору, Эрик оказался в небольшой безлюдной приёмной.

– Подождите минуту, – с этими словами непрощеный спутник исчез за толстой деревянной дверью.

Эрик оглядел скромную обстановку помещения, его неброский интерьер и подумал, что «серый» человек наверняка работает в этой приёмной, скорее всего, помощником начальника отдела.

Вскоре предполагаемый помощник вышел и вежливым жестом руки пригласил Эрика пройти в кабинет. Пропустив гостя вперёд, он остался на пороге и закрыл за ним дверь. Вместо кабинета Эрик оказался в узком тёмном пространстве и немного растерялся – он впервые видел дверной тамбур. Но тут до него донёсся зычный повелительный голос: «Входите!» Эрик открыл вторую дверь и вошёл в просторный светлый кабинет.

Первое, что бросилось в глаза, это большой портрет «рыцаря революции» Феликса Дзержинского³³ на обшитой деревянными панелями стене. Можно было подумать, что это он каким-то волшебным образом заговорил, пригласив гостя войти, так как кресло под портретом пустовало и, казалось, в кабинете не было никого.

– Добрый день. Проходите, – только тут Эрик заметил невысокого коренастого мужчину у массивного сейфа в правом углу кабинета.

Он был в униформе защитного цвета с погонями майора государственной безопасности. Офицер закрыл дверцу сейфа, повернул ручку на два оборота. Небольшой столик у сейфа, словно напоказ, был завален деньгами.

– Не обращай внимания, не успел убрать в сейф, – улыбнувшись, хозяин кабинета заговорил с гостем как со старым знакомым.

Эрик невольно задержал свой взгляд на столике, пестреющем разноцветьем купюр разного достоинства – от одного рубля до десяти. Он заметил и одну двадцатипятирублёвую банкноту, с которой победно смотрел вождь мировой революции – Владимир Ильич Ленин.

– Бери сколько надо, – радушно предложил майор. – Не стесняйся. Я знаю, как трудно приходится студенту из провинции в большом городе. Сам проходил этот путь.

От неожиданного предложения Эрик передёрнулся.

– Давай-давай, не стесняйся, бери. Люди должны помогать друг другу...

Эрик понимал, что чекист³⁴ прощупывает его на «вшивость».

– Нет, спасибо, я совсем не нуждаюсь, – наконец обрёл он дар речи.

– Ну вот, опять ненужная гордость, – улыбка благожелательности не сходила с лица майора. – Потом как-нибудь расквитаешься, когда станешь большим человеком.

– Чужие деньги мне не нужны, – холодно ответил Эрик.

Офицер сокрушённо покачал головой и, жестом пригласив садиться, произнёс:

– Эх, как же мешает нашей молодёжи гордыня... Я ведь в курсе, как жизнь ломала тебя с малых лет: безотцовщина, надрывающаяся, чтобы прокормить малышей и обеспечить «достойную» бедность, мать...

– Откуда вы всё это знаете? – прервал его Эрик.

– Мы всё знаем, молодой человек, – чекист улыбнулся загадочной улыбкой, – или почти всё. Такова наша работа.

Затем он, к изумлению Эрика, декламировал отрывок из его стихотворения «Мой путь»:

– «Не шёл я проторенной дорогой. Борясь с кустами и колючками, прошёл свой путь. И тяжесть дороги казалась мне сладкой, когда вершина приближалась с каждым шагом...»

Тяжёлая догадка кольнула сердце. Перед глазами встало растерянное лицо Нвард.

– Где вы читали это стихотворение? Оно ещё не опубликовано.

– А мы читаем мысли людей, – пошутил спецслужбист, широко улыбнувшись. При этом в его рысжих глазах мелькнул лукавый огонёк.

– Нет, всё гораздо проще... – Эрик едва сдерживал своё негодование. – А зачем, собственно, вы пригласили меня сюда?

– Ну ладно, раз вы не хотите нашей помощи, то приступим к делу, – вместе с переходом на «вы» голос майора стал холодным и официальным. – Откуда в вас столько пессимизма?

– Я не понимаю вас, – ответил Эрик с искренним недоумением.

– «Душа была гола и тосклива, весна не казалась зелёной...» Это ваши строки? На что вы рассчитываете, сочиняя подобные стихи? Где тут социалистический реализм? Или вас не устраивает существующий порядок? Вы хотите новой революции?

– Я лишь хочу облагородить наше общество и сделать людей счастливее.

– Цель, конечно, похвальная. Но это не ваше дело... Вы, не в обиду будет сказано, слишком маленький для этого человек. Этим занимаются Коммунистическая партия и Правительство, а вы лишь мешаете делу.

– Чем же я это мешаю?

– Зря будоражите умы людей и отвлекаете от полезных дел, – голос майора постепенно наливался металлом. – Вы выбрали весьма опасный путь, молодой человек. Знаю, что ходите к этому бунтарю Шираку, показываете ему свои стишки, просите совета и одобрения. Опомнитесь, пока не поздно. Иначе засосёт опасная трясина...

- Могу я узнать, в чём конкретно моя вина?
- В вашей отрешённости от жизни, идеологически вредных взглядах, неправильной направленности мыслей. Всё это в итоге приводит к антисоветской агитации и пропаганде... Что, вам коммунистической идеологии недостаточно? Или вы не верите в коммунизм?
- Я верю в человеческий разум и совесть. В то, что красота спасёт мир.
- Коммунизм – это та высшая красота, которая спасёт мир, – произнёс майор не допускающим возражения тоном, а затем добавил с нескрываемой иронией: – Не кажется ли вам, что лечением животных вы принесли бы больше пользы обществу? Ведь вы учитесь на ветеринара. Не так ли? Или вам не дают покоя лавры Пастернака³⁵?
- Поэзия – моё настоящее призвание.
- А что мешает вам писать о позитивном и оптимистичном? «Нет благороднее задачи, чем стоящая перед нашим искусством задача: запечатлеть героический подвиг народа – строителя коммунизма», – говорит Никита Сергеевич³⁶. Вот и пишите о людях труда: хлеборобах, строителях, шахтёрах, ударниках БАМа³⁷ или же о лётчиках-полярниках. Вам прекрасно известно, что пару месяцев назад мы запустили первый советский искусственный спутник Земли³⁸. Первыми в мире! Американцы тут нам не ровня. Все об этом только и говорят. Вот и вы об этом пишите. Восхваляйте свою страну, партию, советскую Родину... Это как раз тот случай, когда «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»³⁹.
- А разве невозможно быть и поэтом, и гражданином?
- Вот и я о том же...
- А мне кажется, мы на разных языках говорим, – довольно резко, сам не заметив того, парировал Эрик. – Только свободный человек способен быть настоящим гражданином, любящим и ценящим свою страну. Без света свободы в душе целые поколения запутаются в лабиринте собственных грёз и иллюзий...
- Будете упорствовать в своём заблуждении, молодой человек, сильно пожалеете, – офицер заглянул Эрику прямо в глаза тяжёлым «профессиональным» взглядом. Затем, резко понизив голос и смягчив выражение глаз, почти прошептал:
- Я ради вашего же блага говорю. Ещё не поздно всё исправить. Не надо думать, что у нас карательный орган. Мы многим молодым людям помогли в жизни устроиться. Вот и вам предлагаем взаимовыгодное сотрудничество.
- С этими словами офицер протянул листочек с номером своего телефона.
- Будут проблемы – звоните. В любое время дня.
- Эрик не взял визитку...

Глава 17

Никто и ничто не властно над пробуждённой женщиной – она похожа на проснувшийся вулкан, который невозможно остановить. Но разбудить спящую красавицу столь же трудно, как покорить вершину горы или глубину океана. Для многих это просто недостижимо. Однако порой достаточно одной-двух деталей, слов или поступков и даже жеста или мимики, чтобы женщина сама покорилась и раскрылась перед своим поклонником, расцвела, как роза из бутона...

После сцены с глобусом в Элеоноре вдруг произошло нечто удивительное и невероятное – во всяком случае, для Алека. Да и сама девушка вряд ли объяснила бы неожиданную метаморфозу. Алек словно заразил её своим настроением, а вернее, свалил «с больной головы на здоровую» свои переживания и тревоги, не дававшие ему сомкнуть глаз по ночам. Элеонора не могла понять, что вдруг на неё нашло, и если бы пару дней назад кто-то сказал, что с ней произойдёт такое, то в ответ она лишь усмехнулась бы беззаботно.

Что же подействовало на девушку столь завораживающе? Алек не был писанным красавцем, не отличался ни красноречием, ни безоглядной, граничащей с наглостью, смелостью, почти наверняка приносящей свои плоды в общении с противоположным полом. Наоборот, несмотря на внешнюю уверенность, молодой человек, по мере усиления симпатии к своей равнодушной пассии, всё больше боялся быть отвергнутым в любви, что он считал позором. И именно это помешало ему быть более решительным и напористым. Но сейчас, когда он сбросил с себя потенциальный груз мнимого унижения и освободился от внутренних комплексов, раздражения и уныния, представ в своём естественном виде, со своей настоящей энергетикой и аурой, что-то вдруг ёкнуло внутри у Элеоноры, и она посмотрела на него другим, настоящим женским взглядом, взором сердца, послав, сама того не замечая, в пространство знак... нет, не любви, но откровенной заинтересованности. Алек сразу почувствовал невидимую, тонкую силу и вмиг преобразился под её влиянием.

Вместо угловатого молодого человека теперь стоял совершенно другой мужчина – окрылённый и дерзновенный. Он улыбнулся смелой и открытой улыбкой в ответ на слова Элеоноры об удавшемся сюрпризе. Затем абсолютно непринуждённо дал ей пару советов относительно того, как должны вести себя ученики, особенно на перемене, чтобы ремонт и социалистическое имущество оставались в целостности и сохранности не один год. Впрочем, это больше был повод для поддержания разговора, тон которого обнадёживал.

В один момент Алеку даже показалось, что по лицу Элеоноры скользнула тень застенчивой улыбки. В любом случае в ней не осталось и следа от чопорности, которая, скорее, была неким капризом женщины, знающей себе цену, или же защитной реакцией порядочной девушки в общении с незнакомым молодым человеком. Теперь же, словно сломав невидимую оградительную стену, она открылась и даже направила флюиды благосклонности в сторону своего ухажёра. Однако это ещё не означало, что девушка вот-вот бросится в объятия парня.

Вдобавок к советским общественным установкам, родители воспитывали Элеонору и двух её сестёр в согласии с обычаями и традициями предков, а также личным примером, внушая детям с подросткового возраста, что семья – не просто первичная ячейка общества, но сама суть существования, а первый долг и жизненное предназначение женщины – быть верной спутницей мужу, образцовой домашней хозяйкой и достойной матерью. Не удивительно, что скромной и целомудренной девушке потребовалось ещё немало времени, чтобы убедиться в правильном выборе спутника жизни, ощутить настоящее эмоционально-энергетическое родство с ним. Она долго боролась сама с собой, нервничала и тревожно спрашивала себя, не слишком ли импульсивно поступает, не ошибается ли в своих чувствах? И как отнесутся к её выбору родители и ближайшие родственники?..

Лишь спустя два месяца они стали встречаться, а ещё через месяц Элеонора повела знакомить Алека со своими родителями.

Глава 18

Отец Элеоноры был столяром, но не обычным ремесленником. Про таких в народе в шутку говорили: «руки растут из головы». Как Буратино у папы Карло⁴⁰, в руках у мастера любое изделие словно оживало. Бориса Леоновича в городе знали все известные и состоятельные люди, армяне, азербайджанцы, русские, евреи. Даже некоторые представители партийной элиты считали за честь заказывать мебель, двери и другие предметы из дерева у него в мастерской, расположенной в центре города.

Что касается матери Элеоноры, Эвелины, то это была скромная, тихая домохозяйка, родом из Нагорного Карабаха.

Немногословный и сдержанный Алек сразу пришёлся ко двору. Папа девушки почувствовал в молодом прорабе родственную душу трудового человека. У них сразу завязался предметный разговор, а в дальнейшем – некая корпоративная дружба. А мать была рада, что Алек оказался земляком. Узнав об участии отца Алека, Борис Левонович и Эвелина Амбарцумовна и вовсе преисполнились настоящей родительской жалости к парню.

– Эвок, – с умилением обратился Борис Левонович к супруге, – нам надо поскорее познакомиться с этой героической женщиной, которая одна вырастила и воспитала достойных сыновей.

В ближайшую субботу Алек отправился за матерью в деревню.

Кнар, конечно, обрадовалась вести, но приглашение знакомиться с родителями невесты застало её врасплох. За всю свою жизнь она всего лишь дважды выезжала из деревни в город – оба раза когда сыновья поступали в институт: Алек – в Баку, а Эрик – в Ереване.

– Ой, даже не знаю, как быть, – растерялась мать. – Всё так неожиданно. Я никогда сватьей не была... Мне надо подготовиться...

– Мама, надо ковать железо, пока горячо, – шутил Алек. – А то могут передумать.

– Они должны танцевать от радости в укромном месте, что ты выбрал их девушку, – в тон ему парировала мать.

На самом деле Кнар не сказала ничего высокомерного или оригинального – это было распространённое после войны полушутливое-полусерьёзное изречение, ибо даже спустя пятнадцать лет после войны число женщин в Стране Советов, согласно статистике, было на двадцать миллионов больше, чем мужчин, и многие девушки вынуждены были засиживаться в девках, а то и вовсе отказаться от мечты о замужестве.

Кнар стала готовиться к необычной для себя, крайне волнительной встрече. Она попросила молодую соседку помочь покрасить хной волосы. Вдобавок та сделала на голове Кнар скромную, но достаточно стильную причёску с начёсом на макушке, подстригла ей брови.

Кнар порылась в большом старом комодe и нашла несколько новых платьев, блузok и костюмов, отправленных ей в подарок Алеком на дни рождения и в женские праздники. Были тут и пара модных шляпок, шали и косыночки, изящные перчатки и даже туфли на высоких каблуках, которые Кнар и не примеривала. Она была искренне удивлена обилию вещей, так как о многих подарках со временем просто забыла. Молоденькие модницы мечтали бы о таком гардеробе, Кнар же могла носить один и тот же жакет или кофту в течение нескольких лет, при этом умудряясь сохранять их в почти новом виде. Ей и многим её сверстницам, рассеянным по всей огромной стране под названием Советский Союз, не было надобности, вставая рано утром, накладывать макияж и одеваться в нарядные одежды, потому что некому было показать себя – ведь их любимые мужья погибли или пропали на фронтах ненасытной войны. Широко рекламируемый за пределами Союза образ богато одетой и ухоженной до кончиков волос европейской женщины конца 1950-х был явно не про них...

Кнар долго не могла выбрать подходящую одежду, стесняясь позвать на помощь сына. Невольно вспомнила малышку Гоар, её огромные агатовые глаза. «Вот помогла бы дочурка, посоветовала, – Кнар вытерла навернувшиеся на глаза слёзы. – Не уберегла малышку... Цавт танем⁴¹!»

Наконец она остановилась на светлом костюмчике в горошек, выбрала нарядную блузку к нему, а в качестве аксессуара – цветастую косыночку.

Алек был изумлён, увидев мать в образе горожанки. Она, казалось, помолодела лет на десять. Ежедневный тяжёлый труд на поле не испортил её хрупкую фигуру. Сутуловатые, но мягкие покатые плечи, тонкая талия, стройные ноги на, пусть и невысоких, но каблуках. Крестьянку в Кнар выдавали лишь заскорузлые, узловатые кисти

рук. А обветренное лицо не только не портило образа в целом, но, наоборот, придавало ему своеобразную изюминку – шарм загоревшей на морском курорте женщины.

– Мам, ты прямо Брижит Бардо⁴²! – воскликнул Алек.

– А кто это?

– Французская актриса кино, мировая красавица.

– Не знаю и не хочу знать. От таких красавиц все беды в мире...

– Но разве быть красивой плохо, мама?

– Эти бесстыжие кривляки только и могут, что охмурять мужчин. Не та любима, что красива, а красива та, кого любят. И любят не глазами, а душой. Надеюсь, ты не обманулся на внешность своей девушки.

– Нет, мама, Элеонора другая... Вот увидишь, она тебе понравится...

Глава 19

Из здания республиканского Комитета государственной безопасности Эрик вышел удручённый и опустошённый, ощущая чужое дыхание на затылке. Сразу несколько мыслей и чувств угнетало его. Тяжелее всего давила обида – ему плюнули в душу: сначала предал близкий человек, после чего некий совершенно чужой ему субъект пытался подкупить его самым унижительным образом, потом, поняв тщетность своих усилий, стал читать, словно ребёнку, грубые нравоучения, а затем и вовсе угрожать...

Юноша углубился в ближайший сквер, подальше от городского шума и суеты, устало, словно старик, опустился на скамейку под большим платаном, с трудом (будто воздух стал липким и вязким) вздохнул и стал прокручивать в своём возбуждённом мозгу ситуацию.

«Что это было? Подлое предательство?.. Но нет, она не способна на такое! Скорее глупость, святая простота. Они обманули её, превратили наивную девчонку в инструмент для достижения своих целей...»

Пообещав себе объясниться с Нвард спокойно и без гнева, Эрик стал разбирать идеологическую беседу с офицером КГБ. Он, конечно, прекрасно понимал, что «профилактическая» работа является частью процесса массового идеологического воздействия, своеобразного группового гипноза, конечная цель которого заключается в создании армии не просто законопослушных граждан, а общности разноплеменных людей, оторванных от своей исторической памяти и фанатично преданных догматам социалистической идеологии. Иными словами, делалось всё, чтобы принести личность в жертву государству и растворить индивид в большом коллективе.

Казалось бы, канули в лету сталинские палачи и гулаговские⁴³ каратели, бесчеловечные репрессии против инакомыслящих. Однако, выходит, изменились только методы работы государственной машины: сейчас не сажали и не расстреливали диссидентов, а прибегали к «мягкой силе» для подавления индивидуальности человека, лишения гражданина свободы выбора и его превращения в некое энергоинформационного робота. Для этого необходимо было сформировать соответствующим образом мировоззрение людей и, в первую очередь, лишить их представления о своей свободе, убить веру в её возможность, направив всю энергию человека на следование разным общественным правилам, механическое выполнение различных установок.

«Но возможно ли, отняв свободу у человека, построить для него коммунистический рай, где все будут равны, да ещё и счастливы? Конечно, такого не может быть: без свободной воли человек – не человек. Кому нужны блаженные роботы?..»

Неожиданно в памяти Эрика всплыл эпизод из детства, выведя его из трудных размышлений. Он увидел себя как наяву: маленький, с большой светлой кудлатой

головой, сидящий на корточках на берегу ручья и пытающийся поймать убегающую волну. Но всё тщетно – вода утекает сквозь пальцы...

«Вот и эти взрослые люди, подобно наивному мальчику, пытаются поймать и подчинить себе время, изменить его течение, дать ему своё направление и даже покрасить его в свой красный цвет, лишив окружающий мир многоцветья», – молодой поэт горько улыбнулся, но в следующий миг настроение у него резко переменялось.

Его наполняло знакомое волнительное чувство – восторженное ожидание рождения нового произведения...

Глава 20

Светлая лакированная мебель, оттоманки, портьеры на окнах, живописные картины на стенах, забитые книгами полки, фарфоровые статуэтки на этажерках, скатерти с бахромой и, наконец, настоящая роскошь – собственный телефон в квартире... Кнар словно попала в другой, неведомый ей мир. От непривычности обстановки у неё закружилась голова, и она механически присела на краешек ближайшего стула, спрятав свои натруженные руки в складки платья. Эвелина предложила будущей сватье пересесть на мягкий диван, но Кнар отказалась, сказав, что ей так удобнее. Окинув удивлённым взглядом гостиную, она не удержалась от вопроса:

– Зачем вам столько всего?

Простодушная прямота Кнар умилила Эвелину.

– А это всё Боря, – с неподдельной улыбкой ответила она, – своими руками. Говорит, что в наше время сапожник не должен быть без сапог...

Посмотрев на напольные маятниковые часы в полированном деревянном корпусе, Эвелина добавила:

– Боря скоро придёт. Он позвонил и сказал, что принимает важный заказ. Попросил прощения...

В доме у родителей Элеоноры Кнар впервые увидела телевизор. Пока он был бережно накрыт ажурной салфеткой, уголок по центру экрана, Кнар не замечала его. Но когда Эвелина нажала на кнопку и ящик заговорил человеческим голосом, а спустя пару мгновений на прояснившемся экране появилась дикторша с «последними новостями», Кнар, не отрывая от неё округлившихся глаз, осторожно подошла к чудо-технике и, прислушавшись и присмотревшись к нарядно одетой женщине, спросила:

– Она тоже видит нас?

– Нет.

– А что же не доделали-то? – разочарованно произнесла Кнар. – Я уже собиралась ей ручкой помахать.

Эвелина и Элеонора дружно рассмеялись, впрочем, так и не поняв, была ли это шутка или всерьёз. Алек же натянуто улыбнулся, явно чувствуя неловкость за маму. Однако атмосфера в доме была настолько непринуждённой, что у Алека в ответ тоже вылетела «серьёзная» шутка:

– Мам, её нельзя отвлекать – на неё вся страна смотрит.

Наконец появился Борис Леонович с огромным бумажным пакетом в обнимку.

– Пари ор⁴⁴! – широко улыбаясь, поздоровался он на карабахском диалекте, и, положив пакет на изящное трюмо в прихожей, энергично подошёл к Кнар и по-родственному приобнял её за плечи. В ответ Кнар неожиданно поцеловала его руку, чем сильно сконфузила свата.

– Это я должен целовать твои ручки, героическая женщина, за то, что одна воспитала такого сына.

Алек стоял рядом с Элеонорой весь в смущении от поступка матери.

– У тебя они золотые, – Кнар улыбнулась, спрятав свои кисти за спину. – Эвелина всё рассказала.

Борис разразился раскатистым смехом, от которого задрожала посуда в серванте. Его гомерический хохот подхватили и остальные.

Успокоившись, он обратился к супруге:

– Ну теперь черёд нашей хозяйюшки продемонстрировать свои золотые руки. Эвок, чем ты удивишь нас? Давай, не мори нас голодом.

Чувствовалось, что хозяин делает всё, чтобы будущая родственница из провинции ощущала себя как можно раскованнее и уютнее.

– Да-да, пора обедать, – словно спохватилась Эвелина. – Всё уже готово. Элечка, помоги накрыть на стол.

Ароматная долма в виноградных листьях, цыплёнок табака, заливная осетрина, чёрная икра, печень трески, оливки и маслины, копчёная и докторская колбаса, бурдючный сыр мотал, плов с сухофруктами, винегрет, столичный салат, советское шампанское, грузинское вино, армянский коньяк... Красивая хрустальная и расписная посуда, в которой были поданы гастрономические изыски, значительно усиливала эффект праздничного стола. Аскетичная Кнар в свои сорок пять лет впервые видела такое.

– Эх, Борис, зачем было так тратиться? – с искренней досадой произнесла она. – Иранский шахиншах позавидовал бы такой роскоши.

– Про иранского шахиншаха не знаю, а вот Америку мы должны догнать и перегнать⁴⁵, – пошутил хозяин. – Советский труженик должен хорошо питаться.

– Но ведь сколько ещё полезных дел успел бы сделать за свою жизнь человек, если бы не эта потребность кушать каждый день...

Алек умоляюще посмотрел на мать.

– Ладно, довольно споров. Все за стол! – бодро произнёс Борис, манерно потирая руки.

Кнар сидела за столом, как бы полуотвернувшись от тарелки, и, несмотря на усердное потчевание хозяина и хозяйки, почти не притрагивалась к еде. Борис же своими разговорами и шутками всё старался замять неловкую ситуацию...

Глава 21

Если всего лет пять назад во всё ещё оправляющейся от шока войны и послевоенной разрухи стране свадьбы проводились очень скромно, а чаще жених и невеста просто расписывались в ЗАГСе и отмечали это событие в кругу семьи, то сейчас, наоборот, новое молодое поколение, словно во всеобщем порыве презрения к войне и в духе назревающего в обществе юношеского протеста под лозунгом «Свобода и экспрессивность во всём», стремилось к блеску и шику. Брачный ритуал теперь проводился на фоне парадных интерьеров новых ЗАГСов. Мило держа друг друга за ручки, влюблённые в торжественной обстановке подходили в сопровождении родных и свидетелей к «алтарю» – книге записей актов гражданского состояния, чтобы поставить заветную подпись и связать себя узами Гименея.

В свою очередь советское государство, заинтересованное в повышении рождаемости и восстановлении демографического баланса в стране, понесшей огромные потери в войне, приветствовало каждый новый брак и всячески поддерживало желание граждан официально оформить отношения, пропагандируя на всех партийно-государственных уровнях создание семьи – ячейки социалистического общества. Постоянным свидетелем на бракосочетании был сам Владимир Ильич Ленин, бюст которого непременно стоял на столе, покрытом красной скатертью. А со стен за брачующимися наблюдали со строгим и требовательным выражением на лицах члены

политбюро ЦК КПСС. Выполненные в стилистическом единстве портреты высокопоставленных «товарищей», безусловно, подчёркивали важность и ответственность момента.

В стране стали возводиться дворцы бракосочетаний, в которых непременно звучал марш Мендельсона⁴⁶, вся музыка которого была категорически запрещена на его родине с приходом к власти радикального антисемита Гитлера. В свадебную церемонию вернулась прежняя атрибутика: нарядное белое платье невесты, обмен кольцами в знак верности и бесконечной любви, красочные букеты цветов и пр. Даже самые неказистые невесты в туфлях на каблучке, с высокой торжественной причёской, увенчанной нежной кружевной фатой, яркой недорогой косметикой на лице пытались произвести впечатление пери или принцессы из сказочного королевства. Благоухающие «Тройным одеколоном» женихи в цветастой рубашке и с бутоньеркой на праздничном костюме старались соответствовать своим нарядным избранницам.

По мере возможностей государство поддерживало молодых и материально: выделялись деньги на покупку обручальных колец, талоны на приобретение некоторых отсутствующих в свободной продаже дефицитных товаров. А в деревнях колхозы предоставляли продовольствие для свадебного пира, корову и другую живность для налаживания молодожёнами собственного хозяйства.

Сельская свадьба – это отдельная история. На ней гуляла вся деревня. Во дворах частных домов накрывались длинные дощатые столы с лавками по обеим сторонам. Недостающую часть посуды занимали у соседей. Мужчины считали своим долгом приходить с бутылкой самогонной водки, вино текло рекой. На таких свадьбах народ гулял долго и безудержно, с задорными песнями и бесшабашными плясками. Все выглядели беззаботными и счастливыми. Страшное прошлое, казалось, раз и навсегда отпустило людей. Но не всех...

Конечно, праздновать свадьбу старшего сына Арутюна и Кнар пришла бы вся деревня, а Борис Левонович с его обширным кругом друзей и знакомых мог бы закатить для любимой дочери пир горой, пригласив на него чуть ли не половину города... Но как веселиться и гулять, если человек, который должен был сидеть во главе праздничного стола, благословлять молодых и поднимать тосты за их счастье и благополучие, словно канул во времени и пространстве? Как не замечать во всеобщем ликовании потускневшие от неизбывной печали глаза Кнар?..

Быстро, словно заранее сговорившись, пришли к консенсусу о скромной свадьбе, в кругу самых близких родственников и друзей, а медовый месяц молодые решили провести на курортах Крыма...

Глава 22

Эрик ещё не раз мысленно вернётся к этой сцене. И каждый раз у него больно сожмётся сердце, вновь и вновь он не сможет простить себя за то, что не сдержал данного себе слова разобраться в случившемся спокойно и без эмоций.

Обиженно оттопыренная нижняя губа, скорбно изогнутые брови, блестящие капли слёз в уголках газельих глаз... Съёжившись подобно испуганному зверьку, Нвард молча выслушивала гневную тираду товарища, периодически вытирая тыльной стороной нервной ладони непослушные скулы своего бледного, как мел, лица. Ничто не напоминало в ней её прежнюю – озорную, беззаботную девчонку.

– Какой же наивный я был! – эмоционально распекал себя Эрик, при этом адресуя упрёк прежде всего Нвард. – Но теперь всё, я повзрослел. С сегодняшнего дня я уже не тот доверчивый ко всему и ко всем паренёк с глупой романтикой в голове...

Каждое его слово ранило девушку, убивало толику её чувствительной натуры. Нвард подсознательно понимала, что после этой сцены она станет другая и, быть может,

сама себя не узнает. Эрик же не осознавал в горячке, что каждым всплеском своего гнева он стирает в себе её улыбку, невинную ужимку, словечко, шутку – всё то, что когда-то и ещё совсем недавно ему было так дорого... Пропасть между ними росла с каждой секундой, а он не мог остановиться...

Специалистами замечено, что тайна человеческой души заключена в психических драмах детства. С малых лет хлебнувший лиха, Эрик перенёс не один удар по своей вере в людскую справедливость, к которой у него со временем сформировалось крайне обострённое чувство. И как ни старался юноша глубоко спрятать в душе свои маленькие и большие драмы и трагедии, они то и дело напоминали о себе, откликаясь ассоциациями на различные внешние раздражители жизни, а иногда и вовсе без видимой причины. Многие вроде бы давно отошло в прошлое, но мозг услужливо рисовал параллели с настоящим. Эрик на всё реагировал по-разному: мог иронично усмехнуться или молча пережить причинённую ему боль, а мог и потерять контроль над собой, разразиться пароксизмом гнева и настоящей истерикой. Последнее происходило крайне редко, и в подобные минуты его, обычно добродушного и немного застенчивого, трудно было узнать. Как проснувшийся вулкан, он выплёскивался наружу мощным извержением, горячей лавой, грозясь испепелить своего оппонента и всё окружающее. Но вдруг мгновенно остывал, словно исчерпав всю свою энергию и изрыгнув ожившую боль. Потом долго жалел о своих словах и собственной слабости, выраженной столь мощно и импульсивно. Однако природное упрямство вкупе с какой-то нездоровой стеснительностью мешали потом признать это вслух – глядя в глаза тому, кого, сам того не желая, незаслуженно обидел.

Нвард впервые видела его таким: багровое из-за резкого прилива крови лицо, выпученные красные глаза, напряжённые ноздри, дрожащие губы, резкие движения и прерывающаяся, местами нечленораздельная, переходящая в крик речь...

Наблюдая за этой сценой, можно было предположить, что юноша, столь экспрессивно бичующий себя, прощается с самим собой прежним и готовится в корне изменить свою жизнь. Однако это было не так: Эрик давно сросся со своими мечтами, которые вынашивал ещё со школьной скамьи. И рубить на корню эти мечты было бы равносильно физическому самоубийству. К этому он не был готов...

А вот с Нвард пришлось расстаться навсегда. Ослеплённый яростью неоправданного возмущения, Эрик перешёл в своих упреках невидимую запретную черту в её интимном мире, за которую ни одна уважающая себя девушка не пускает никого...

Нвард ушла из института, исчезнув из жизни Эрика насовсем...

Глава 23

Пройдёт много времени с того злополучного дня, и, встретив, наконец, свою вторую половинку (совсем рядом, в соседней деревне), Эрик, уже известный поэт, поймёт после долгих творческих мытарств и поэтических экспериментов, что высшей формой творчества является сотворение живых отношений между людьми.

Сама Лара, впрочем, казалась произведением искусства, а не реальной девушкой из плоти и крови, возвышенным, неземным существом, воплощением непорочности, невинным цветком... В непреходящем волшебном состоянии влюблённости и со сжимающимся в сладкой истоме сердцем Эрик посвящал ей стихи, не скупясь на эпитеты. Тридцатилетний молодой человек, казалось, заново окунулся в раннюю юность, был просто опьянён счастьем – он нашёл свой идеал! Упоительное чувство восторга и необычной теплоты наполняло его от сознания, что ему это удалось, в то время как многие гениальные поэты и просто утончённые натуры тщетно искали своих героинь в реальном и придуманном ими мирах, бесконечно фантазируя в собственных мечтах о женском совершенстве...

Лара пребывала в самом расцвете невинной девичьей красоты: чистый высокий лоб, вокруг которого, несмотря на смугловатую кожу, казалось, реяло небесное сияние; светло-каштановые волосы, разделённые посередине коротким пробором; милые завитушки на нежных висках и лебединой шее, придававшей всему образу особую изящность. Широкие с изломом брови свидетельствовали о широте души. Большие ясные каре-зелёные глаза излучали чистоту и искренность. Гармонично сочетающийся с плавной линией лба слегка курносый нос говорил о породе. Лёгкая, застенчивая улыбка полных, красиво очерченных губ, бархатистые овалы щёк, плавно переходящие в нежную линию подбородка... От девушки, всей её ладной, словно нарисованной влюблённым художником фигуры, веяло умиротворённостью, мягкостью и какой-то милой незащищённостью, заставляющей любоваться ею как прекрасным хрупким цветком, альпийской фиалкой, разливающей вокруг восхитительный аромат любви и безотчётной радости.

Поздний ребёнок в большой и дружной деревенской семье плотника Григория и традиционной домохозяйки Натальи, Лара была самой любимой и лелеемой – как со стороны родителей, так и четырёх сестёр. А единственный брат, который уже принимал эстафету хозяина дома у стареющего и слабеющего отца, выступал её защитником. Он не сразу признал жениха, когда тот вместе с дальним родственником, который хорошо знал семью Лары, пришёл просить руки девушки.

– В Африке есть традиция: жених обязан положить к ногам своей избранницы львиную шкуру, – отозвав Эрика в сторонку и надвинувшись на него своим внушительным торсом, говорил Левон, глядя с вызовом прямо ему в глаза. – А для этого он должен убить копьём льва в честном поединке один на один. Понимаешь?.. Льва в наших краях нет, но его заменю я. Одолеешь меня в коже⁴⁷?

– Нет уж, лучше я со львом поборюсь, – не поведя бровью, парировал Эрик.

Левон слегка опешил от молниеносного обоюдострого ответа, но шутку оценил. Она неожиданно обезоружила его.

– А ты, я вижу, парень весёлый ... Но смотри, обидишь Лару – шкуру спущу с тебя!

Примитивная угроза Левона, конечно же, задела Эрика, но одновременно и обрадовала. Это было фактическое согласие со стороны брата девушки, что в патриархальных семьях было крайне важно.

Деликатный Эрик «с ног до головы» понравился матери Лары, пожилой женщине, всё ещё носящей вопреки новым веяниям моды старинный архалук⁴⁸ из тёмно-зелёного шёлкового материала с красными узорами цветов и округлый головной убор, украшенный по краям плотным рядом серебряных монет-драмов, закрывавших весь лоб до бровей.

Своеобразно выразил свою симпатию к жениху отец девушки: «Только, видать, зяблый. Зимой мёрзнуть будет». Будущий тесть, скорее всего, намекал на тонкие, с почти прозрачной кожей руки Эрика, который после нескольких лет столичной жизни вообще походил на коренного горожанина. Судя по всему, он имел в виду и то, что по традиции местные крестьяне справляли свадьбы в основном зимой, большей частью на Масленицу.

Нежная женственность и мягкий характер Лары покоряли всех. Родственники и друзья Эрика поздравляли его, восхищались невесткой и не скрывали «доброй зависти». Только вот Кнар неожиданно проявила какую-то отчуждённость и неприветливость. Не помогла и разбитая вдребезги у порога отчего дома Эрика тарелка, которая, согласно свадебному ритуалу, должна была принести молодым счастливую спокойную жизнь...

Глава 24

Как настоящая хозяйка, Лара убралась в своём новом доме, всё перемыла, постирала. Распаковав тюки, сундуки и ящики с приданым, она застелила кровати свежим постельным бельём и накрыла их красивыми одеялами ручной вязки, аккуратно

расставила на полочках старого шкафа чайный сервиз и добротную новую посуду. На стену повесила цветастый шерстяной ковёр – подарок матери, специально сотканный ею для любимой дочери. А на полу постелила безворсовый ковёр-ковёр собственноручной работы (в этих краях девушки сызмальства учились ковроделию, и умение ткать считалось обязательным для добропорядочной невесты). Отцовский дом Эрика преобразился, наполнившись новым дыханием и ароматом вкусных блюд и свежеспеченных пирогов. Даже улыбка Арутюна с портрета на стене казалась ещё добрее и теплее...

Любой мужчина мечтал бы иметь рядом с собой такую прелестную и заботливую красавицу, а свекровь не нарадовалась бы на такую покладистую и умелую хозяйку. Но...

Ревность матери, несмотря на внешне благородные мотивы, может обладать большой разрушительной силой. Своенравной Кнар было не по душе, что невестка наводит свои порядки в доме: мало того, что «отняла у неё поварёшку», ещё и «захомутала» Эрика, единственного мужчину, находившегося в зоне её влияния. Становилось совершенно очевидно, что мать не готова окончательно перерезать невидимую пуповину, всё ещё соединяющую её с сыном. Она, властная и одинокая женщина, явно опасалась утратить своё влияние на него, потерять своё место и значимость в сыновнем сердце.

Эрику было больно и досадно видеть, как мать не упускает случая представить Лару в неприглядном виде, унижить, ущемить её. И чем больше безропотная невестка старалась угодить, делать всё ещё лучше, тем сильнее была ревность свекрови. Эмоции и мощный материнский инстинкт ослепляли её.

«Я ему всю свою жизнь без остатка посвятила, а он... Разве я хуже готовлю и стираю? Никто и никогда не будет так заботиться о тебе, как я...» – бормотала она сама с собой за вязанием гулпы⁴⁹, болезненно вспоминая, как кормила грудью, баюкала сыночка, вытирала ему слёзки, как купала в корытце во дворе под искристыми лучами солнца, положив его золотистую головку себе на локоть и поливая из большой алюминиевой кружки крохотное тельце, как учила его выговаривать первые слова и держаться на ногах, как, наконец, старалась компенсировать отсутствие отца в военное лихолетье...

Теперь она не переносила элементарных проявлений привязанности и ласки со стороны повзрослевшего сына к своей молодой жене. Кнар не скрывала презрения к «телячьим нежностям», так как сама почти не видела их в своей жизни – времена были другие, суровые, не признающие сантиментов. Эрик и Лара были вынуждены скрывать или маскировать свою любовь и нежность друг к другу...

Бывало, зайдёт Кнар посреди ночи в спальню, чтобы по старой привычке подоткнуть Эрику (как тогда – маленькому в детской постельке) одеяло. А рядом – «чужая» женщина...

Или же ни свет ни заря позовёт: «Вставай, сынок. Я тебе глазунью приготовила из свежих яичек»...

Эрик разрывался между двумя одинаково дорогими ему женщинами, испытывая то удушающее чувство вины, что он «плохой» сын, то комплекс несостоявшегося мужа, «маменькиного сынка», не способного защитить свою безропотную половинку. Невольно вспоминал слова любимого поэта-философа Омара Хайама: «Сорванный цветок должен быть подарен, начатое стихотворение – дописано, а любимая женщина – счастлива, иначе и не стоило браться за то, что тебе не по силам». Казалось, это было про него...

Стремясь разорвать заколдованный круг недоразумений, Эрик несколько раз пробовал поговорить с матерью.

«Но я не могу по-другому, ты же мой сыночек... Я же о тебе забочусь...» – приводила свои «неопровержимые» доводы мать.

На некоторое время в доме воцарялся мир, но вскоре всё повторялось с новой силой. Однажды в порыве гнева Кнар разбила вдребезги о пол красивую расписную чашку из приданого невестки за то, что та вежливо попросила свекровь уступить ей место у мойки, чтобы самой вымыть посуду после ужина.

«Ахчи⁵⁰, я у себя дома!.. На неё смотрите – всё к своим рукам прибрала! – упрекала Кнар. – В архив меня хотите списать?! Я ещё не старая, я ещё поруковожу вами... А она пусть знает своё место!..»

В доме установилась пасмурная погода, исчезли солнечные блики из глаз, полыхающая печка не согревала, не в силах заменить простую душевную теплоту.

Постоянные эмоциональные потрясения и тягостные переживания разрушали в Эрике внутреннюю гармонию и мешали быть самим собой. Он словно психологически выгорал на медленном огне. На душе становилось тоскливо, бесцветно и пусто. Перестала посещать и Муза. В последний раз пришла, чтобы заставить его признать своё бессилие:

Я – щепотка земли,
Лучик солнца,
Капелька воды...
Но ты, любимая,
Целый мир
Требуешь от меня...

В результате видимой и невидимой перманентной войны молодожёны приняли трудное решение отделиться и переехать жить в областной центр...

Глава 25

Тем временем у Алека всё шло достаточно гладко как на работе, так и в семье. Его, передовика труда, убедили вступить в ряды компартии и обещали продвигать по партийной линии.

Словно по генеральному плану архитектора, Алек строил семейные отношения, основанные на разумном расчёте, взаимном понимании и доверии. Это отвечало духу времени, в котором брак больше рассматривался как товарищеский союз двух равноправных и свободных строителей светлого будущего.

Молодожёны поселились в небольшой, но зато своей, отдельной двухкомнатной квартире в новом добротном кирпичном доме-хрущёвке⁵¹, в постройке которого участвовал сам Алек со своей бригадой. Чтобы крепко зацементировать и семейные отношения, он старался всё время быть на одной волне с супругой, чувствовать, а порой и предугадывать её состояние, понимая, что такие женщины, как Элеонора, грамотные, интеллектуальные и немного взбалмошные, требуют прежде всего уважения к собственной индивидуальности.

Свои кирпичики в сооружение семейного очага клали и родители Элеоноры, всячески (но ненавязчиво) поддерживая молодых. Борис Левонович помог обставить квартиру, подарив изящный сервант для столовой и кухонный буфет собственной работы, а также кресла и стулья. В выходные дни, согласно заведённому порядку, имели место взаимные визиты. После ужина все вместе играли в лото или карточного дурака. Бывало, женщины уединялись для обсуждения хозяйственных вопросов, а Алек с тестем садились на веранде сражаться в шахматы. Иной раз Алек «тактично» проигрывал тестю, чтобы выиграть в стратегии укрепления родственных отношений...

К своим незамужним свояченицам Алек относился как старший брат – внимательно и слегка покровительственно, быть может, перенося на них, сам того не сознавая, свою нерастраченную любовь и заботу в отношении несчастной сестрёнки Гоар. Эмма, студентка четвёртого курса, училась на экономиста, а второкурсница Ангелина – на филолога. Зять искренне интересовался их успеваемостью, помогал доставать нужные для учёбы книги, преподносил небольшие канцелярские подарки.

Конечно, не забывал Алек и о матери, периодически отправлял ей посылки с халвой, рахат-лукумом, нугой и другими сладостями, с дарами моря: икрой, копчёной рыбой, крабовыми консервами...

Молодая семья жила в ожидании ребёнка. Памятуя слова тёщи о том, что эмбрион напрямую связан с организмом матери и поэтому беременная женщина должна быть любима и счастлива, Алек окружил супругу особой заботой и вниманием. Сама Элеонора, в буквальном смысле живущая, дышащая и питающаяся теперь не только ради себя, стала привередливей, и супруг, в волнительном предвкушении отцовства, не только исполнял, но и старался предвидеть каждый её каприз. Спеша с работы домой, Алек никогда не забывал купить свежих фруктов: яблок, груш, апельсинов, гранатов...

Когда плод начал шевелиться, Алек стал «знакомиться» с ребёнком: бережно клал руку на живот жены и нежно гладил, зовя на контакт загадочное существо, чтобы ощутить биение зарождающейся жизни. Человечек поначалу замирал, словно играл в какую-то игру, затем вдруг оживал и начинал колотить ножками по стенкам матки. От толчков изнутри мама радостно охала и ахала, а восторженный отец раскатисто смеялся.

– Мальчик! – воскликнул Алек, когда однажды, продавив стенку утробы матери, крохотная, но неожиданно сильная ладошка прижалась к его натруженной руке. – По-мужски поздоровался со мной!

Теперь он вёл задушевную беседу с сыночком, делясь с ним планами на будущее, ожиданиями и мечтами...

Спустя несколько месяцев, в один из прекрасных майских дней, и в самом деле родился сын – маленький розовощёкий богатырь. Новоиспечённые папа и мама были на седьмом небе от счастья, но больше всех, казалось, радовались родители Элеоноры – ещё и потому, что это был долгожданный первый мальчик (пусть и внук) в их семье. Алек уже убедил супругу назвать сына Арутом, но Кнар неожиданно воспротивилась. Ей не хотелось, чтобы над внуком тяготела судьба деда и та непостижимая сила, столь жестоко разлучившая её с супругом...

Через месяц после рождения Бори (малыша назвали именем другого деда) Алек привёз мать пожить с ними, помогать ухаживать за малышом. Но ещё больше он хотел, пользуясь случаем, проявить к ней самой свою сыновнюю заботу – Алек успел изрядно соскучиться по матери и чувствовал за собой определённую вину за то, что вынужден жить в нескольких сотнях километров от неё и видеть её лишь периодически – тогда, когда позволяют бездушное время, дела и обстоятельства...

Кнар со своим опытом воспитания в одиночку (да ещё и в военное время) сразу двух сыновей могла бы стать незаменимой помощницей невестке, предостеречь от ошибок, неизбежных для каждой молодой мамы. Поначалу всё так и происходило: бабушка помогала пеленать, купать внука, советовала, как уберечь от запоров и облегчить колики, делилась другими маленькими полезными хитростями по уходу за малышом. Убаюкивая его, Кнар напевала старые колыбельные песенки, которые когда-то сочиняла для своих детей. Качая люльку, она порой тихонько плакала, вспоминая своего маленького ангелочка. «Была бы дочка жива, не чувствовала бы я себя сиротой», – одновременно жалела себя и дочь Кнар.

Но вскоре в заботливой бабушке вновь во весь голос заговорила мать – властная и ревнивая. Опять какая-то невидимая, непонятная и необъяснимая сила стала окутывать её, заставляя отталкивать от себя родных и близких людей. Кнар не нравилось, что Эвелина часто навещает внука и, как ей казалось, пытается перехватить у неё инициативу. Советы из уст подозрительной и недоверчивой свекрови теперь звучали как замечания и упрёки: нельзя целовать ребёнка, так как вместе с поцелуями передаются микробы, не надо приучать ребёнка к рукам, иначе разбалуется и станет капризным, необходимо допаивать малыша кипячёной водой...

Однако зная себе цену Элеонора не собиралась стать безответной мишенью для придирок. Да и какая мать позволит бабушке отнять у неё право растить своего ребёнка?

– Возможно, ты права, мама, но у меня на этот счёт есть своё мнение, – тактично, но твёрдо отвечала невестка.

Отказ принимать некоторые её советы Кнар воспринимала как личную неприязнь и оскорбление.

– Я всего лишь предостерегаю тебя от неправильных шагов, – сухо говорила она, не скрывая своей обиды. – Смотри, не пожалей потом...

Свою уязвлённость Кнар иной раз демонстрировала посредством утрированной заботы об Алеке.

– Бедняга, не жалеет себя, – вполголоса жаловалась она, глядя на часы и считая минуты до конца рабочего дня сына. – Что же не идёт? Небось, проголодался...

Это было своеобразной подготовкой к наступлению. Кнар вдруг начинала торопить невестку накрывать на стол, сама начинала суетиться на кухне, повторяя с неподдельной тревогой в голосе, что Алек вот-вот придёт голодный с работы, а кушать нечего...

В Элеоноре зарождались непривычные чувства негодования и раздражения в отношении свекрови.

Глава 26

Двухэтажный дом неподалёку от центральной площади имени Ленина выделялся своей капитальностью среди других частных построек растущего день ото дня областного центра – Степанакерта. Он принадлежал известному в городе каменщику Симону, такому же основательному, как его жилище, кряжистому мужчине средних лет со сталинскими усами на крупном, грубоватом лице. Здание из обтёсанного булыжника и природного камня было сооружено большими мозолистыми руками мастера. Хозяину с его семьёй вполне хватало одного этажа, и некоторые комнаты он сдавал в аренду. В цокольном помещении поселились Эрик с Ларой.

В довольно просторной комнате было всё самое необходимое: две железные кровати с тумбочкой посередине, старомодный, но добротный комод с большим зеркалом, шифоньер, раздвижной круглый стол, два старых венских стула и табурет. Лара, любящая создавать вокруг себя чистоту и красоту, быстро оживила новое, пусть и временное жильё. Она убрала всю пыль и паутину, почистила уксусом пятна на потускневшем от времени зеркале, вымыла стёкла двух небольших окон, непривычно расположенных вровень с землёй, повесила свежие занавески, застелила кровати новой постелью, накрыв их вязаным одеялом ручной работы, расстелила красивую скатерть на столе, аккуратно разложила по местам одежду и посуду, поставила изящную вазу на комод. Комната задышала и заиграла красками, стала гораздо уютней и теплей.

Во дворе была общая кухня для постояльцев. В центре стояла большая дровяная печь с духовкой, где одновременно можно было запекать сразу несколько блюд, а в углу приютилась простенькая двухконфорочная газовая плита, которая позволяла при минимальных усилиях и трате времени приготовить на завтрак чай или подогреть молоко, сварить яички всмятку или пару сосисок.

Эрик пошёл преподавать в сельхозтехникум, а Лара осталась в роли хранительницы очага и домашнего уюта. Она находилась в хрупком и загадочном состоянии – готовилась стать матерью. Однако об этом пока можно было догадаться лишь по её умиротворённому лицу, какому-то особому, излучающему доброту и нежность взгляду и обращённой как бы внутрь таинственной улыбке...

Мягкими летними вечерами молодожёны выходили погулять, подышать живительным воздухом чистенького города, окружённого со всех сторон живописными

лесистыми горами. Они садились на скамейки в зелёных сквериках, овеваемых ласковым ветерком, и, нежно держа друг друга за руки, мечтали о будущем под тихий шелест листвы. Сквозь волшебную призму любви и здоровой молодости это будущее казалось безоблачным и безграничным, радужным и счастливым...

К Эрику вернулась муза. В полночь, когда затихал шум на улице, находящейся совсем рядом, на уровне глаз, муза неслышными шагами спускалась к нему в полуподвальное помещение. Чтобы не мешать сну Лары – другой музе (из плоти и крови), Эрик тушил лампочку Ильича⁵², задёргивал плотную занавеску, делящую комнату на две части – спальню и столовую, и уединялся в углу с невидимой гостьей. При зыбком свете парафиновой свечи он черкал карандашом в обычной школьной тетради: то спокойно и умиротворённо, то вдруг страстно и торопливо, словно спеша зафиксировать кажущееся эфемерным, готовым в любой момент исчезнуть, раствориться в воздухе рождающееся творение его души, чтобы потом бережно переписать драгоценные строки шариковой ручкой в большой самодельный блокнот. Эту авторучку, ещё не появившуюся в массовой продаже, подарил ему на день рождения брат, и Эрик воспринимал её как счастливый талисман – с ней он чувствовал себя творцом, демиургом, которому всё по плечу...

Глава 27

Спустя неполный месяц проживания у старшего сына Кнар вернулась в деревню. Домик, с ёмкой и выжидательной тишиной которого она так привыкла общаться, был для неё своеобразным островком спасения. Только здесь Кнар чувствовала себя в своей тарелке. Тут она была хозяйкой и наводила порядок по своему разумению и хотению. Она вновь обставила всё так, как было до прихода Лары, сложив часть приданого, которую молодожёны не вывезли в город, в углу веранды. Хозяйка вернула жилью прежний аскетический дух и вновь зажила как монашенка в келье. Только не молилась она, ни Отцу Небесному, ни народным вождям. Вместо икон святых мужей и образов «канонизированных» руководителей партии и советского государства на стене висел скромный портрет не вернувшегося с фронта супруга...

В деревне Кнар уважали все – несмотря на некоторые странности характера, она была образцом труженицы, стойкой женщины-матери и примером верности памяти мужа. Непрерывающийся беззвучный и невидимый для других диалог с супругом постоянно подпитывал её силы, компенсируя ощущение одиночества, обособленности от людей и общества. Казалось, она вовсе не ощущала собственной изолированности и не искала кого-либо в качестве спасительного средства от одиночества. Наоборот, сознательно или нет, Кнар отталкивала от себя других, никому не позволяла войти в свой внутренний, искусственно ограниченный, но сложный мирок. Даже самые близкие и родные, казалось, не принадлежали её миру: они были не чужими, но другими...

Вскоре Кнар освободили от каждодневных полевых работ, колхоз стал выдавать ей, как вдове участника войны и ветерану колхоза с почти сорокалетним стажем, зерно, овощи, мясо и другие продукты, а также небольшую пенсию. Впрочем, неприхотливая Кнар вполне могла сама прокормить себя.

Низко склонившись над бороздой на приусадебном огороде, она сажала картошку, лук, фасоль, помидоры, огурцы, перец. Земля благодарила заботливую крестьянку хорошим урожаем.

Кнар завела курочку с красивым голубовато-серым оперением и высоко поднятым над головой хохолком, придающим ей величавый вид. Птица ходила за хозяйкой по пятам как дрессированная и исправно носила каждый день по яичку. Кнар беседовала с ней, а хохлатка, вытянув голову и повернувшись одним ухом к хозяйке, внимательно, пристально глядя большим карим умным глазом, слушала, ловя оттенки её голоса. Подрагивающий время от времени гордый хохолок передавал внутреннее волнение

птицы. Иногда, словно в знак одобрения, из её груди вырывалось радостное короткое кудактанье или же, будто протестуя, курица, востепенувшись всем телом, возмущённо хлопала крыльями.

Так проходили вдовьи дни. В центр деревни она выходила лишь покупать в магазине самое необходимое: сахарный песок, подсолнечное масло, керосин. К соседям почти не ходила, в общении с ними ограничивалась общими фразами о житье-бытье, погоде, перспективах на урожай. Коротать время с пользой помогало рукоделие. Как и много лет назад, подставив ссутуленную спину лучам солнца, Кнар вязала тонкими железными спицами шерстяные носки, шарфы и свитеры для отправки теперь уже не на фронт бойцам, а сыновьям в город – несмотря на периодические размолвки с ними, инстинкт заботливой матери, постоянно переживающей за благополучие своего чада, неизменно брал своё...

Вечером, ложась в одинокую постель лицом в сторону портрета мужа, Кнар, вздохнув, нет, не жаловалась, а просто констатировала реальность: «Ну вот, ещё один серый день прошёл...»

День этот был близнецом дня вчерашнего, не длиннее и не короче, не обыденнее и не ярче. Ночь же казалась длиннее предыдущей, а безмолвный лунный свет, украдкой заглядывающий сквозь шторы, унылей...

Глава 28

Крохотное личико застыло в отвлечённой полуулыбке. Лара, сияя в предрассветном полумраке изумрудом глаз, жестом пригласила также уже проснувшегося супруга взглянуть на ребёнка в люльке и очень тихо, словно выдавая большую тайну, прошептала:

– Что-то необычное снится моей малышке.

Новоиспечённый папа расплылся в умилённой улыбке:

– С ангелами, наверное, общается... Они открывают ей бесконечные голубые дали космоса, и детка пытается дотянуться до звёздочки и сорвать её с неба...

– А может, цветочки собирает на сказочной полянке и складывает в забавные букетики, – растроганно проговорила Лара, вся светясь мягким любящим теплом.

На этот раз муза пришла внезапно – Эрик ответил стихами:

– Моя девочка спит, даже шорохи в доме притихли...

Он быстро встал, накинул на плечи халат, прошёл на цыпочках к столу и записал под волнующимся светом свечи первые строки рождающегося стихотворения. Дышащая свежестью наступающего утра фантазия разыгрывалась, принимая формы крайнего оптимизма и веры в совершенство человеческой природы, органически слившейся с могущественной Вселенной. Мерцающий звёздочкой огонёк свечи придавал таинственность рождающимся строкам, которые, несмотря на явный внутренний трепет пишущего, ложились ровным и аккуратным рядом на желтоватую бумагу. В воображаемом бескрайнем поэтическом пространстве перед маленьким человечком открывались сказочные миры и их диковинные обитатели; добрая фея вела девочку за ручку по волшебным дорожкам детства; в один миг, на стыке космического и земного, кажется, приоткрылась даже завеса судьбы, чтобы обнажить секрет её, но вдруг всё снова окуталось таинственной пеленой...

Лара тихонько подошла и нежно прикоснулась влажными губами к колючей щеке Эрика.

– На работу опоздаешь, тебе ещё побриться надо... Яичко всмятку приготовить? Чай или какао?

Только тут Эрик вернулся в реальность и заметил, что свеча давно догорела и её заменяет уже достаточно яркий солнечный свет, пробивающийся сквозь шторы низкого окна. Он положил карандаш, закрыл тетрадь, тихо подошёл к люльке и стал умилённо

наблюдать, трепетно прислушиваясь к дыханию дочки. На полуоткрытых ангельских губах играла блаженная улыбка. «Моя девочка спит...» – повторяя про себя эти слова, словно констатируя нечто необычное, Эрик направился к умывальнику...

Супруги были счастливы. Крошку с огромными карими глазами назвали Анаит, в честь мудрой красавицы из древней легенды о любви простой девушки и царевича Вачагана, – действие которой, согласно преданию, разворачивалось в родной деревне Эрика.

Впрочем, Эрик, с юных лет поглощённый с головой поэзией и неземными грёзами, никогда не мечтал о ребёнке, и только с рождением дочки понял, что произошло настоящее чудо, которое он тщетно искал многие годы в высоких и отвлечённых сферах. Казалось, после долгого сна, в котором он добрался до небес, а затем медленно, как космонавт в капсуле на парашюте, спустился на землю, снова привыкая к хождению по твёрдой поверхности, Эрик осознал, что лишь в гармонии материального и духовного, в органическом взаимодействии земных и неземных стихий можно приблизиться к пониманию того космического начала, которое несёт в себе человек. И только осознав эту истину, можно попытаться наладить в грубом чувственном физическом мире настоящую духовную жизнь. Реалии же пока говорили об обратном...

Сколько лишних вздохов, то восторженных и экзальтированных, то возмущённых, отчаянных и мучительных, вырывается из груди человека за всю его жизнь откликом на окружающее! А всё потому, что тварь разумная никак не может соотнести желаемое и ожидаемое с действительностью. До недавнего времени все верили в торжество провозглашённого компартией лозунга: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»⁵³. Это грандиозное обещание, сделанное четыре года назад, внушало доверие – ведь за несколько месяцев до этого, поистине планетарной весной 1961-го, Советский Союз первым в мире отправил человека в космос⁵⁴. Страна испытывала небывалый эмоциональный подъём – всё вокруг казалось родным, очевидным, близким. Даже звёзды вдруг утратили свою недосыгаемость и одновременно – романтический флёр. А построение коммунизма всего через пару десятков лет уже не выглядело сказкой. Новые лозунги апологетов «высокоорганизованного общества свободных и сознательных тружеников» торопили приход невиданной доселе эры, когда человек «полностью освободится от забот о куске хлеба и займётся исключительно созидательным, творческим трудом». Некоторые даже искренне сожалели о том, что Маркс и Энгельс, столь пророчески предсказывавшие победу коммунизма, сами не увидят торжества нового общества...

Но земной, материалистический рай с изобилием предметов и средств потребления – всего того, что способно вообразить обывательское сознание в качестве высшего блага жизни, оказался невозможен в отрыве от законов космоса, а тем более – вопреки им. Общество, где моральный кодекс строителя коммунизма пытался заменить собой десять заповедей Бога, изначально было обречено. Приоритет призрачного будущего над реальной жизнью нынешнего человека приводил к притеснению и даже откровенному насилию в отношении последнего.

Высокопоставленные прожектёры и мечтатели считали цели и перспективы настолько прекрасными и значительными, что готовы были оправдать любые жертвы ради их достижения. И никто не имел права сомневаться в этом или колебаться, расшатывать всеобщую идеологию – на этот случай были предусмотрены специальные репрессии по идеологическим мотивам. То есть – грубо подавлялась данная свыше свободная воля людей, и надо было быть слепым, чтобы не замечать очевидного: прогресс в жизни человеческого общества определяется именно уровнем понимания и учёта взаимосвязи человека и космоса, а не приземлённой борьбой классов, в которой каждый выступает со своей «правдой» и стремится во что бы то ни стало, даже ценой крови и убийства, отстоять и доказать её. Но какое счастливое будущее можно построить на костях невинных людей, уничтоженных карательной машиной? Разве правильно и справедливо,

что вчерашние дети пожертвовали своим детством ради того, чтобы сегодняшние их ровесники могли просто бегать, прыгать и играть в свои игры, лакомиться шоколадкой «Алёнка» вместо вождельного для первых петушка на палочке со вкусом жжёного сахара? Разве сын может быть старше отца, а внук – деда?..

В довольно скором времени придёт массовое отрезвление, и люди поймут, что «рай», где всем, в том числе закоренелым вора́м и убийцам, хорошо и уютно, – несусветная утопия. Три года усиленного «строительства» коммунизма, штурмовщина, жёсткие и жестокие командно-административные методы управления дали обратный ожидаемому эффект: господство коммунистической эры обернулось серьёзными экономическими проблемами, а затем – суетливыми потугами выдумывать разного рода хитрое, смертоносное и разрушительное оружие, чтобы хотя бы выжить «в одной отдельно взятой стране»⁵⁵. А сама извращённая мысль о необходимости спастись только самим, в ущерб всем остальным, в свою очередь грозила катастрофой планетарного масштаба.

Неестественные лозунги типа «Рекорд станет нормой!», «Пятилетку⁵⁶ – за четыре года!» лишь подтверждали, что «великие» человеческие свершения делались не для простого, обычного человека, а, по сути, против него, ради изначально несостоятельной идеи и в угоду непомерных амбиций властителей и диктаторов. Коммунистическое правительство пыталось поставить космическую сущность бытия на примитивное служение человеку, при этом лишив последнего его истинного предназначения быть «отражателем» всего прекрасного, созданного свыше. Иными словами, под направляющие лозунги и призывные крики космическое начало в человеке было принесено в жертву житейскому, мещанскому, пагубному, биологическому, стадному. По сути, игнорировалось основополагающее правило: «не хлебом единым жив человек». Людей отучили созерцать звёздное небо, а коллективный мозг общества и его физическое тело направлялись лишь на решение животных проблем и удовлетворение физиологических потребностей...

Для того, чтобы «догнать и перегнать Америку», нужно было безрассудно тратить человеческие ресурсы и нещадно эксплуатировать «венец природы» и саму природу. Чтобы завершить пятилетку в четыре года, приходилось изматывать нервы и мускулы людей, заставляя их работать в три смены. Микрокосм был превращён в производственного робота, денно и нощно выдающего на-гора⁵⁷ тонны материальных благ, которые, даже насытив тело, не были в состоянии обогатить человеческую душу, но, наоборот, опустошали её. Игнорировалось очевидное: все преобразования, какими бы заманчивыми ни казались их результаты в будущем, должны быть нацелены на реального и конкретного живого человека, учитывать его интересы здесь и сейчас. В противном случае они идут вразрез с законами природы, нарушая её гармонию.

В итоге мощь Вселенной лишь подчеркнула бессилие человека, отошедшего от своей сути социально-планетарно-космического существа, жизнь которого невозможна без постоянного взаимодействия с питающим её излучением свыше...

Разменявшего уже восьмой десяток, но полного желания поработать ещё несколько лет Никиту Хрущёва тихо отправили на пенсию, и незаметно убрали из партийных документов все упоминания о построении коммунистического общества в ближайшей перспективе. При пришедшем на смену Хрущёву Леониде Брежневу⁵⁸ разговоры о коммунизме стали затихать. Взамен лозунга «Вперёд к коммунизму!» было скромно объявлено о строительстве в стране «развитого социализма»...

Глава 29

Наступление эры коммунизма отодвигалось на неопределённый срок, но и строить развитой социализм оказалось делом непростым. Лихорадочное форсирование событий,

имевшее место в предыдущие годы, вскоре сменилось каким-то благодушным самоуспокоением руководства КПСС. Прежняя, слишком высокая планка притязаний сейчас была заметно опущена. Всё громче при этом звучали рапорты об успехах и достижениях...

Конечно, развитие страны не прекратилось, строились новые города и посёлки, сооружались заводы, фабрики, дворцы культуры, стадионы, школы и больницы. Советский Союз начал осваивать космос и выбился в мировые лидеры в этой сфере. В целом, на фоне психологически угнетающей «холодной войны» с Соединёнными Штатами, наращиванием производства оружия (в том числе ядерного и ракетного), во всех сферах жизни наблюдалась стабильность, отсутствовали серьёзные политические и экономические потрясения. Однако население огромной страны увеличивалось с каждым часом и днём, выросло новое поколение, совершенно свободное от синдрома войны, с качественно иными потребностями: не просто одеться, а одеться модно, не просто питаться, а кушать вкусно и разнообразно. И, несмотря на значительный импорт, с каждым годом всё острее ощущался дефицит промышленных товаров и продуктов питания. Реальная жизнь при отсутствии существенных, отвечающих новым требованиям времени экономических и социальных реформ стала заметно отставать от декларируемых лозунгов.

В то время как советские космические корабли пересекали просторы Вселенной и устремлялись к звёздам под лозунгами типа «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», колбаса (обычная колбаса из животного мяса) становилась вожеленным товаром для граждан страны, стремящейся к мировой гегемонии и переустройству всей планеты. Звездолёт и колбаса... Космическое вновь неожиданно входило в явное противоречие с земным. Палка хорошей колбасы стала для многих семей мерилom довольства и качества жизни, а вкус колбасы – знаком благополучия страны в целом...

В промежутке между своими поэтическими изысканиями Эрик как-то вывел на полях тетради ироническую фразу: «Глобальная задача строительства коммунизма свелась к проблеме изготовления нормальной колбасы». Поразмыслив, он вырвал эту страничку и, сложив вчетверо, спрятал её глубоко в ящик стола. Конечно, сейчас за такое не расстреливали, но общество было не готово к подобным «открытиям»: люди думали одно, говорили другое, а делали третье. И хотя коммунистические идеологемы уже не воспринимались огромными массами людей всерьёз, тем не менее миллионы граждан выходили под марши и музыку на демонстрацию Первого мая – как в столицах, так и захолустных городках Страны Советов, праздновали День Великой Октябрьской социалистической революции, и мало кто решался в открытую выступать против заведённого порядка, писаных и неписаных законов, опасаясь быть преданным анафеме со стороны коммунистической партии и правительства. Эрику, почти переставшему витать в облаках и входящему в роль любящего мужа и заботливого папы, меньше всего хотелось этого. Тем более что Лара уже вынашивала под сердцем второго ребёнка...

А колбаса между тем теряла свой вкус, и Эрику – поэту по своей сути, но ветеринару по профессии, было обидно за это. Он даже чувствовал некоторую свою личную вину за то, что в стране из-за неграмотных реформ сократилось поголовье скота, итогом чего стал спад производства мяса. Пытаясь спасти колбасу, учёные принялись за разработку новых технологий: в излюбленном миллионами мясoproдукте появились соевый и молочный белок, пшеничная мука, картофельный крахмал. Поговаривали, что в колбасу добавляли и туалетную бумагу, хотя последняя сама была ещё дефицитнее. «Не в колбасу ли уходит туалетная бумага?» – этот шутивно-иронический вопрос из актуального общественного дискурса как нельзя лучше отражал сложившуюся ситуацию: если раньше даже самые популярные, доступные всем варёные колбасы («Любительская» и «Докторская») состояли из мяса, причём высшего сорта, то сейчас колбаса стала пахнуть непонятно чем – то ли курицей или яйцом, то ли рыбой, то ли манной кашей... Чем угодно, только не колбасой.

У Эрика колбаса ассоциировалась со вкусом детства. Он то и дело вспоминал с улыбкой, разбавленной стыдом, как ребёнком, спрятавшись под столом, слопал палочку копчёной колбасы. Теперь, спустя почти четверть века после войны, колбаса самым неожиданным образом вновь превращалась в предмет мечтаний для многих рядовых граждан. Дефицит продуктов питания, товаров и услуг касался каждого или почти каждого советского человека, порой обретая причудливые формы – к примеру, в виде той же туалетной бумаги. Глаголы «достать», «раздобыть» занимали умы строителей «развитого социализма», отвлекали от важных дел и развивали в них чувство эгоизма. Искусственные очереди отнимали у граждан «светлого будущего» значительную часть отпущенного природой времени. Люди становились раздражительными и нервными, вечно суетились, куда-то спешили и постоянно опаздывали...

С годами Эрик стал по-другому воспринимать слова матери, произнесённые ещё в годы военного лихолетья: «Эх, сколько времени можно было бы сэкономить, если бы не эта нужда кушать...» Он сам часто размышлял над тем, почему так несовершенен человек – вечно голодный, ненасытный и спешащий куда-то...

«Я не спешу, чтоб не отстать от спешащих...» – писал по вечерам Эрик, а в выходные дни удалялся в небольшой огород в пригороде. Свободной земли вокруг города было много, и власти поощряли развитие подсобных хозяйств – горожане могли возделывать любой приглянувшийся им незанятый земельный участок.

Тут была другая реальность, иное измерение. Земля успокаивала его, парня из деревни, словно втягивая в себя весь негатив городской суеты, а горный воздух наполнял всё нутро живительной силой, освежая мысли и омывая душу. Окружающие виды почти нетронутой природы радовали взор и настраивали на ностальгический и одновременно оптимистичный лад... Перед глазами стояла развесистая шелковица его детства. В разгар застывшего в знойном оцепенении лета её густые ветви всегда были усеяны множеством спелых сладких ягод – любимым всеми лакомством. Увы, они не могли насытить тоску детских сердец. Всё время казалось, что отец вот-вот выглянет из-за толстого, полного вековых тайн ствола, и скажет с доброй, озорноватой и немного усталой улыбкой, что игра в прятки закончилась; сядет с ними в спасительной тени широкой кроны и, положив ладони им на плечи, расскажет сказку... Ту самую, которую так и не успел рассказать...

В душе шевелились девственные наброски будущего стихотворения:

«Дерево моего детства – шелковица,
ровесница наших далёких предков.
В стремнине буйных времён незыблема ты,
хранительница отцовской святой теплоты...»

Глава 30

Впрочем, если строительство развитого социализма в стране продвигалось с трудом, то в отдельно взятых семьях – «обкомовских», «райкомовских», «генеральских», «дипломатических», «академических», «космических» – даже коммунизмом пахло. Подобным семьям «избранных» были доступны продукты, которые обычный советский человек ни разу в жизни не пробовал. В народе даже ходил такой анекдот: юноша из простой семьи восторженно рассказывает, что его дед видел, как некий немец кушал севрюгу. Шутки шутками, но высокопоставленные номенклатурщики получали часть зарплаты так называемыми чеками «Внешпосылторга» и «Внешторгбанка». Эта своеобразная параллельная обычному рублю валюта обеспечивала «коммунизм» для кучки избранных. Им служила целая сеть закрытых магазинов по всей стране. В этих магазинах были все блага спецжизни в виде высококачественных импортных и отечественных товаров: настоящий шоколад и натуральный кофе (без каких-либо

примесей и добавок), разные масла и сыры, в том числе с благородной плесенью, глазированные сырки в шоколаде, редкие консервы «Севрюга», «Белуга», «Сом», икра чёрная зернистая, икра чёрная паюсная, икра красная, всевозможные варёные, копчёные, сыровяленые колбасы, в которые уж точно не добавляли туалетную бумагу. Да и сама крайне дефицитная туалетная бумага, которую в обычных семьях заменяли нарезки из газет и тетрадные листы, у «чекистов» имелась в достатке. За такие чеки можно было приобрести не только деликатесы, модную одежду, изысканные ковры и изящный хрусталь, но и автомобили, считавшиеся, вопреки лозунгу, настоящей роскошью для рядового гражданина, а не простым средством передвижения...

Немало других семей пользовалось благами «развитого социализма». Движущей силой тут был хороший «блат»⁵⁹, в том числе выгодное знакомство с первой категорией немногочисленных граждан, раньше времени шагнувших в «коммунизм». И упрекать их было трудно – все хотели жить хорошо. Разве крали люди, покупая качественное мясо с заднего крыльца? Нет, они приобретали нужный им товар на свои деньги, при этом нередко переплачивая. А то, что остальным гражданам оставалось низкосортное мясо и кости, – так это не их проблема... Подобным образом думали люди, в основном мещанского склада, сумевшие построить в своих, отдельно взятых семьях, подобие «развитого социализма». Иными словами, претворение в реальную жизнь лозунга «от каждого по способностям, каждому по потребностям» очень часто было обусловлено не наличием талантов и профессиональных навыков, а умением находить нужных и полезных знакомых...

Семья Алека Багумяна была неким средним вариантом, почти идеальной моделью трудовой семьи общества своего времени. Свободная от мещанства и культа потребления, она в то же время ни в чём не нуждалась и жила в полном достатке: большой холодильник «ЗИЛ-Москва» был всегда полон качественной и разнообразной еды, в шкафу висела добротная и модная одежда, на изящном трюмо стояла различная женская и мужская парфюмерия с тонким живым ароматом. У Алека были хорошие знакомые во всех структурах и сферах. При этом он не пытался заводить полезные связи и деловые знакомства, всё получалось естественным образом и было основано на взаимном уважении и симпатии. А в случае чего мог подстраховать Борис Левонович, искусные творения рук которого украшали квартиры многих «горкомовских» и других элитных работников разных национальностей.

Семья была счастлива – к сынишке, который уже делал первые самостоятельные шаги, прибавилась дочка. Глядя в её блестящие каштановые глаза, на умильный носик и нежный подбородок, домочадцы таяли. Крохотная, субтильная Ануш обладала удивительным магнетизмом. Теперь всё вращалось вокруг очаровательной малышки, её не спускали с рук, нянчили по очереди – мама, тётки, бабушка. Даже вечно занятый и деловой дедушка, не решаясь касаться малышки, с удовольствием наблюдал за суетой вокруг неё.

Алеку достаточно было поиграть с дочуркой несколько минут, чтобы снять с себя усталость рабочего дня и зарядиться новой энергией. И лишь маленький Боря ревновал к сестрёнке. Нет, конечно, он тоже любил её, но ещё больше, как всякий ребёнок, любил себя и никак не хотел мириться с тем, что малышка отняла у него пальму первенства во внимании к себе со стороны взрослых. Поэтому он мог вдруг взять и разбить о пол игрушку-погремушку сестрички или же царапнуть её по щёчке.

Алеку и Элеоноре пришлось учиться «правильно» распределять на двоих свою безграничную родительскую любовь.

В канун празднования Первомая Алека пригласили в министерство строительства. Невысокий мужчина средних лет с тонкими усами на рябоватом смуглом лице энергично поднялся с кресла и шагнул навстречу Алеку с протянутой рукой и широкой улыбкой:

– Мы слышаны о ваших трудовых подвигах, товарищ Багумян, – замминистра дружески взял Алека за предплечье и повёл к приставке массивного рабочего стола.

Он сел не в своё должностное кресло, над которым висел на стене большой живописный портрет Ленина, а опустился на стул напротив Алека и тут же предложил чаю. Алек вежливо отказался.

Ослабив узел широкого багрового галстука, чиновник поинтересовался почти породственному:

– Как семья, дети?

Алек ответил, что всё хорошо, поблагодарив чиновника за участливость, однако инстинктивно почувствовал в столь приятном обращении высокого начальника нечто сродни опасности и подвоху. Между тем визави, искоса взглянув на портрет вождя мировой революции, перешёл на книжный, несколько патетический тон:

– Самоотверженный труд во благо родины всегда получает достойную оценку Коммунистической партии и Советского государства. Социалистическое государство поощряет новаторство и творческое отношение к работе. Вот и сейчас, в честь великого праздника трудящихся мира, Москва требует представить наших самых достойных передовиков социалистического труда к ордену Трудового Красного Знамени...

Замминистра коротко кашлянул в кулак, перевёл дыхание, после чего торжественно произнёс:

– Вы, товарищ Багумян, подходите больше всех!

Чиновник посмотрел на Алека взглядом учителя, гордого успехами своего ученика, и добавил:

– Мы хотим представить к высокой награде именно вас.

Алек не вздрогнул и не поёрзал от радости на стуле – он заранее внутренне готовил себя к любым сюрпризам, как хорошим, так и плохим. Совладав с лицом, он произнёс как можно хладнокровнее:

– Спасибо, товарищ Велиев... Для меня это неожиданно...

– Вы вполне заслужили, – поспешил перебить его высокопоставленный собеседник и, вновь, теперь уже несколько натужно, кашлянув в кулак, сказал: – Но...

Огонёк в глазах у чиновника вдруг потух, упитанное лицо посерело и обмякло. Он ещё больше расслабил узел галстука, расстегнув верхнюю пуговицу рубашки, отдышался и проговорил совсем другим, немного вороватым тоном:

– Есть одно «но»... Ваша фамилия нас смущает.

– Простите, не понял, – лицо Алека выразило неподдельное удивление.

– Нет, нет, у вас красивая фамилия. Но... нужен представитель коренной национальности... Чисто формально...

Пока Алек осмысливал услышанное, чиновник, не глядя ему в глаза, выпалил:

– Мы предлагаем вам поменять окончание в фамилии на «-ов».

Алек дёрнулся, словно от удара током, решительно поднялся с места и зло произнёс:

– Ни в коем случае!

И тут же, указав на портрет над чиновничьим креслом, добавил:

– А я всё думаю, почему товарищ Ленин у вас в кабинете на азербайджанца похож...

Будто ужаленный осой, Велиев резко оторвал свой увесистый зад от стула. Лицо чиновника побагровело, слившись с галстуком, и приняло начальственное выражение.

– Что вы себе позволяете?! – выкрикнул он, косясь выпученным от неподдельного ужаса глазом на живописного вождя мировой революции.

– А кто вам позволил оскорблять меня? Ради какого-то ордена я должен предать фамилию своего погибшего на фронте отца?!

Тяжело вздохнув, начальник достал платок и вытер мелкие капли пота, обильно выступившие на его невысоком, искажившемся в нервных морщинах лбу. Успокоившись, он произнёс примирительным тоном:

– Не преувеличивайте, вы не так меня поняли... Если вы примете наше предложение, то там и до Героя Социалистического Труда недалеко...

– Мне не о чём больше с вами разговаривать, – на скулах Алека выступили каменные желваки, глаза сверкнули медным блеском.

– Я бы на вашем месте не торопился. Пожалеете потом... – неуверенно произнёс немного струсивший чиновник.

Не слушая его, Алек махнул рукой, словно отгоняя настырную муху, и направился к двери.

– Подумайте над нашим предложением, – бросил вслед Велиев, скорее для самоуспокоения.

Но это лишь ещё больше возмутило Алека...

Выйдя из здания министерства, он решил прогуляться по городу в надежде на то, что свежие ветры, дующие с моря, помогут ему остыть и прийти в себя. Проходя мимо старых и новых жилых и общественных сооружений, Алек невольно отмечал про себя здания, построенные армянскими архитекторами. Ещё студентом-первокурсником он не раз слышал об их роли в истории Баку – превращении маленького поселения (ставшего после разрушительного землетрясения 1859 года в Шемахе губернским центром) в столицу нового государственного образования. Таланту архитекторов-армян город был обязан театрами, клубами, банками, гимназиями и училищами, муниципальными объектами и жилыми домами. Значительная их часть сооружалась на средства армянских предпринимателей. Строители-рабочие, возводившие эти здания, тоже в большинстве были армянами.

Со студенческой скамьи Алек знал, что на протяжении многих лет главным архитектором Бакинской городской управы являлся Николай Баев⁶⁰. Среди его работ, отличавшихся уникальным архитектурным стилем, особо выделялось легендарное здание Маиловского театра, построенное в рекордные восемь месяцев и названное в честь известных русских нефтяных магнатов, бизнесменов и меценатов армянского происхождения братьев Маиловых⁶¹.

«Что заставило этих выдающихся армян поменять окончания своих фамилий? – вдруг кольнула Алека мысль. – Разве своими успехами они обязаны этим двум многострадальным буквам?..»

Глава 32

Примерно три года назад в Кремль было направлено письмо из Нагорного Карабаха с просьбой о воссоединении края с Арменией⁶². Подписанное десятками тысяч карабахских армян послание с предложением восстановить историческую справедливость было резко осуждено бакинскими властями, а группа интеллигентов-инициаторов подверглась репрессиям: многие были уволены с работы, а самые активные депортированы из Карабаха...

Несмотря на то, что социальная политика советской власти создала на первых порах условия для сближения народов, заглушив национальные противоречия, добиться декларированной советской пропагандой идиллической «дружбы народов» не удалось. И хотя на бытовом уровне взаимоотношения простых людей носили вполне лояльный характер, а многие даже искренне дружили, тем не менее в глубине души каждого армянина и азербайджанца были взаимное недоверие и определённая неприязнь,

связанные с кровавыми межэтническими столкновениями начала века⁶³, а также перекраиванием большевиками этнической карты региона с произвольным начертанием границ в ущерб жизненным интересам народов.

Если в послевоенном Баку, куда 18-летний Алек приехал поступать в институт, русские, армяне, евреи и представители многих других национальностей чувствовали себя достаточно комфортно, могли свободно реализовать себя в любых сферах и, по сути, сообща творили историю города, то в последние годы и в особенности после событий в Нагорном Карабахе бакинские армяне стали явственно ощущать оказываемое на них давление. То и дело проявлялись шовинистические тенденции, участились случаи дискриминации: власти республики продвигали по службе преимущественно национальные кадры, нередко плоды интеллектуального и творческого труда армян приписывались азербайджанцам. Национальная жизнь армянской общины постепенно затухала, всё меньше детей отдавали родители в армянские школы. В семьях говорили в основном на русском, и новые поколения бакинских армян постепенно утрачивали родной язык. И если до 50-х годов многие вывески на учреждениях, магазинах, мастерских города были на русском и армянском языках, то сейчас армянские указатели становились редкостью...

Всё это сильно беспокоило Алека. Он, не афишируя того, гордился своей национальной принадлежностью, живо интересовался историей и культурой родного народа, сопереживал его неудачам и радовался успехам. Считая себя прежде всего армянином-карабахцем и уже потом бакинцем, Алек глубоко переживал историческую несправедливость, допущенную большевистскими властями в отношении его малой родины, и втайне страдал от бессилия что-либо изменить...

И вот высокопоставленный чиновник, по заданию ещё более значимого начальства, пытался убедить его изменить свою настоящую фамилию, наследственное родовое имя, на нечто чужое и неопределённое. Разумеется, это до глубины души оскорбило Алека, защемив чувствительный внутренний нерв и заставив молодого человека выразить резкое негодование, развернуться и уйти, хлопнув дверью. Также было очевидно, что подобная (вполне естественная для уважающей себя личности) реакция не сойдёт ему с рук.

После встречи в министерстве поступил донос в КГБ, в котором Алека Багумяна обвиняли в национализме и антисоветской деятельности. Ведь советская система внушала, что любое проявление национального самосознания вне единой политико-идеологической общности незаконно.

С тех пор Алек часто ощущал на своей спине чей-то взгляд...

Глава 33

Кнар словно пребывала вне времени, в своём ограниченном патриархальном пространстве, где она чувствовала себя полновластной хозяйкой. Уже разменявшая шестой десяток лет, сухонькая, несколько сторбленная, но по-деревенски деятельная и подвижная, она вела образ жизни средневековой монахини. Вихрь жизненных бурь обходил её далеко стороной, как, впрочем, и всю маленькую и тихую деревушку, потерявшую на войне добрую половину своего взрослого мужского населения...

С утра Кнар возилась в огороде, который с лихвой кормил неприхотливую хозяйку. Казалось, она обходилась лишь помидорами с грядки; от них исходило живое солнечное тепло, которого ей так не хватало.

В полдень Кнар садилась за рукоделие и до сумерек пряла веретеном пряжу, вязала, вышивала, напевая что-то грустное себе под нос тоненьким, часто жалобным голоском. Работы у неё прибавилось, теперь она вязала и для внучат: шерстяные носочки, жилетики, шапочки.

Порой, отложив спицы, Кнар подходила к перилам веранды полюбоваться апельсиновым закатом, по привычке прислушивалась к тишине наступающей ночи, впрочем, никого и ничего не ожидая. Ложилась поздно, бывало, даже не снимая одежды, а в шесть утра уже была на ногах. Продолжала ограничивать себя во всём, отказываясь от простых человеческих радостей, даже от телевизора или радиоприёмника, которые теперь были почти во всех домах деревни. Пенсию свою копила для внуков – на имя каждого открыла сберегательные книжки, исправно вкладывая в них небольшие суммы.

Курочка-хохлатка уже не носила яиц. Она тоже постарела, потеряла вместе с поредевшим хохолком свою величавую красоту и прыть. Теперь птица не ходила за хозяйкой по пятам, присмирела, не кудахтала по поводу и без. Да и Кнар редко беседовала с ней, больше разговаривала сама с собой, а иногда и с портретом на стене.

В деревне соседи ходили к соседям, родичи навещали родичей, а Кнар лишь через изгородь как-то лениво перебрисывалась малозначащими словами и фразами с соседками Федрум и Айкануш, тоже вдовами. Бывало, оживляясь, старушки отпускали грубые шутки и даже отборные нецензурные словечки, строя из себя мстительных фурий, бросающих вызов женской природе и существующему порядку вещей, своей несчастливой судьбе...

В месяц раз Кнар месила в деревянном корыте – таште – тесто на закваске, затем, дав ему пару часов настояться, лепила комочки, бережно клала их двумя аккуратными рядами на широкий деревянный поднос и, водрузив его на плечо, спускалась к общему тониру под большим жестяным навесом в нижней части деревни. Молодые крестьянки, уступив свою очередь, охотно помогали ей испечь с дюжину лепёшек, которые она умудрялась растягивать на целый месяц.

У пылающего тонира, распространяющего вместе с жаром благодатный аромат рождающегося хлеба, Кнар порой вдруг преображалась: застывшая в жилах кровь согревалась и бежала быстрее, поднимая настроение, в обычно недоверчивых глазах появлялся весёлый огонёк. Моментами её и вовсе невозможно было узнать: лицо Кнар то и дело озарялось лукавой улыбкой, она подтрунивала над молодухами, давала им шуточные наставления, гадала на ладонях, предрекая много детей. При этом предупреждала: «Ахчи, смотри не рожай девок!» Потакая ей, раздумываясь, словно помидор, молодуха, подмигнув с хитрецей подругам, отщипывала теста и бросала комочек на уголья тонира. По форме теста, согласно поверью, можно было определить пол будущего ребёнка.

«Ой, мальчик будет! – весело смеясь, восклицала молодуха, указывая на дно тонира. – Перчик видите?»

Все разражались неудержимым хохотом, переходящим в визг...

Это было похоже на извержение спящего вулкана. Возвращаясь домой и снова погружаясь в атмосферу тихого одиночества, Кнар искренне удивлялась своей непосредственности и активности. Но, очевидно, жизненная магма в ней ещё не совсем застыла...

В конце каждого месяца Кнар, накинув на себя тёмную шаль, направлялась к обелиску в память солдат, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. На коллективном памятнике героям в самом конце было высечено и имя Арутюна – ведь прошло уже четверть века с тех пор, как он пропал без вести. Душа, исполненная веры и любви, конечно, способна ждать годами и десятилетиями, но надежда не может быть вечной – даже она бессильна перед неумолимым временем...

Положив собранные по пути полевые цветы к подножию обелиска и заботливо проведя рукой по именам братьев и мужа, Кнар вытирала краешком шали выступающие на глазах слёзы. «Побеседовав» с родными с четверть часа, она медленно, словно неся на своих хрупких плечах тяжёлую ношу, возвращалась, минуя струдившиеся на зелёных холмах домики из плоского белого камня, которыми уже не человеческая рука, а сама природа «вымостила» узенькие дороги деревни.

Всего в деревне было шестьдесят три дома – очага или «цох», что на карабахском диалекте армянского языка означает «дым». Но самого дыма в некоторых очагах уже не было, либо же они загорались лишь летом, когда из города приезжали отдыхать дачники.

Были и ветхие домишки с наглухо забитыми окнами и покосившимся крыльцом, на которое давно не ступала человеческая нога. Такие дома уже не ждали своих хозяев: некоторые представители нового поколения, не желая всю жизнь «копаться в земле и пасти скот», навсегда уехали искать счастье в далёких городах необъятной «самой большой и самой счастливой страны мира»...

Понимая, что выманить своенравную мать из деревни отныне будет почти невозможно, сыновья вырывались, кто как мог, из цепких лап городов, по отдельности навещали её, а на майские праздники приезжали вместе, чтобы сообща посетить на День Победы сельский мемориал, поклониться отцу и всем погибшим на войне. Они испытывали вину за нечастые визиты, но и не особо пытались уговорить мать приехать погостить у них, хорошо зная о её упрямом нежелании общаться со своими невестками. Сыновья возвращались домой хотя и с облегчением от того, что навестили маму, но неизменно с новыми думами и тревогами, слегка опечаленные.

Однако когда у Эрика родился сын, Кнар приехала сама. Правда, не сразу, а спустя почти три месяца, но зато с подарками собственного производства – вязаным костюмчиком, шапочкой, носочками. Посмотрела с внимательным прищуром на большеголового сияющего малыша в люльке и вынесла вердикт:

– Вот это другое дело!

И тут же добавила с упрёком:

– А то разродились девками...

Младенец улыбнулся, словно понял слова бабушки.

– Наша кровь, сразу видно, – подмигнула Кнар Эрику, нарочито не замечая Лары.

Бабушка наклонилась к внуку, будто собираясь поцеловать его, но не решаясь. Ребёнок потянулся одной ладошкой к ней. Она протянула указательный палец, малыш на удивление крепко схватил его.

– С ним мы точно подружимся, – засмеялась Кнар.

С невесткой она не беседовала, ограничиваясь несколькими необходимыми общими фразами, от угощения отказалась. Кнар поиграла с подросткой Анаит, нарисовала ей забавные рожицы, показала, какие интересные фигурки можно слепить из пластилина. Но мысли её всё время были там, с маленьким Арменчиком в люльке.

То и дело Кнар подходила к карапузу, внимательно разглядывала его. Малыш улыбался, широко открыв рот и весь сияя.

– У него звезда на лбу, счастливый будет, – заключила бабушка.

Заигрывая с малышом, она закрывала своё лицо ладонями и, распахнув их через секунду со словами «ку-ку», представала с новой смешной гримасой перед округлившимися то ли от неожиданности, то ли от удивления карими глазками.

– Ы-ы-ы... – от переполняемых эмоций у малыша захватывало дыхание.

Кнар никогда не было так хорошо. Её, казалось, иссохшее сердце наполняло необычное чувство, словно вдруг вышло из-за туч и засияло ярким светом солнце, а вокруг распустились и заблагоухали цветы. Лара впервые видела на лице свекрови такое, по-детски наивное, умиление.

Кнар вдруг спохватилась:

– Я же на автобус опоздаю!

От приготовленного Ларой обеда свекровь отказалась, но стакан чая с маленьким кусочком сахара выпила.

На прощанье поцеловала ручку малыша:

– Ну, до свидания, дружок! Не скучай. Вот чуток подрастёшь, заберу тебя к себе в деревню.

Глава 34

Человека, ударника труда, собирались наградить орденом, но в итоге ограничились... выговором. Это похоже на анекдот, но именно так поступили с Алеком Багумяном. Вскоре после «хамского поведения с высокопоставленным представителем власти» (именно таким манером отрапортовал замминистра вверх по инстанции) на строительный участок была направлена инспекция республиканского министерства, которая очень постаралась найти «недостатки и упущения» в организационной работе главного инженера. Тут же появились неминуемые в таких ситуациях коллеги и подчинённые с затаённой обидой, пошли доносы. А последовавший выговор «за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей» и снятие портрета со стены в уголке ударников коммунистического труда стали венцом грязной травли человека, «вина» которого состояла лишь в том, что он отказался предать фамилию своего рода...

В груди у Алека клокотало возмущение, приправленное ощущением гадливости к инициаторам и участникам клеветнической кампании: не просто ограниченные и злые люди, но и чиновники обкомов, райкомов и горкомов партии, чинуши разных уровней, казалось, делали всё, чтобы погубить официально провозглашённые светлые идеи справедливости, свободы, равенства и братства. Ещё больше его задело предательство некоторых из коллег. Алек был крайне удивлён и искренне считал, что ни в коей мере не заслужил этого. Он дружелюбно и всегда отзывчиво относился к коллегам, помогал молодым советом и делом. Движимый неким внутренним воодушевлением, Алек – сначала прораб, а затем и главный инженер – никогда не строил из себя начальника, не наказывал, а предупреждал и убеждал, стараясь возбудить в подчинённых живой интерес к поставленным задачам и к работе в целом, не просто как к источнику материальных благ, но и как к способу самосовершенствования, познания себя и своих возможностей. Он очень ценил чувство ответственности за коллектив, дорожил общением с людьми разных национальностей, разного склада характера, темперамента и особенностей поведения. И в каждом прежде всего видел *человека*, к каждому старался найти индивидуальный подход, помочь и поддержать в случае необходимости... И вот тебе раз – некоторые из них повели себя как настоящие хамелеоны и перевёртыши, прихвостни злобных номенклатурщиков, винтики налаженной машины морального и физического подавления, созданной в идеологическом отделе ЦК КПСС. Кто-то «вспомнил», как Алек якобы говорил с пеной у рта о принадлежности Карабаха армянам и дискриминации их со стороны республиканских властей. Кто-то уверял, что он придирался к рабочим не своей национальности и болел за ереванскую футбольную команду «Арарат», а не за бакинский «Нефтяник». Удивительно, но среди наговорщиков оказался и один из земляков, к которому Алек относился с особой благосклонностью, принимая во внимание его трудное семейное положение. Но именно этот «товарищ», как выяснилось позже, предлагал в своём тайном сообщении проверить законность предоставления Багумяну «трёхкомнатной квартиры в центре города», хотя на самом деле она была двухкомнатная и находилась далеко не в центре...

Вопрос о главном инженере, коммунисте Алеке Багумяне был поставлен на партийном собрании стройуправления. Всё происходило будто в каком-то тумане, из которого то и дело выплывали некие воодушевлённо-сердитые образы с обличительными речами. Лица сидящих в президиуме людей в скучных однотипных костюмах и ярких, преимущественно кровавого цвета галстуках слились в глазах Алека в одну размазанную, фантастическую физиономию. Словно из какого-то другого мира доносились обрывки гневных фраз молодого секретаря партийной ячейки: «потеря политической бдительности...», «использование служебного положения...», «крайне недопустимы любые проявления национализма...»

Алек невольно вспомнил, как несколько лет назад прежний партсекретарь Константин Абрамов убеждал его вступить в их ряды. На возражение о том, что в составе партийной организации не самые достойные люди и лучшие работники, а подчас – карьеристы и откровенные демагоги, Абрамов, уже почти старик, по-отечески обнял его за плечи и, пронзив насквозь строгим рентгеновским взглядом, стал упрекать:

– Вот вы, честные и перспективные трудяги, не хотите вступать в партию, строите из себя этаких красных девиц, недотрог, а те самые честолобцы и пустозвоны без царя в голове будут решать на партсобраниях вашу судьбу и судьбу всей страны... Отбрось в сторону все сомнения и готовься, рекомендацию мы тебе дадим.

Так, больше из личного уважения и доверия к товарищу Абрамову, бывшему большевику-подпольщику, который прошёл всю Великую Отечественную от её коварного начала до победного конца, серьёзно подорвав здоровье, но оставшись при этом глубоко порядочным человеком, Алек согласился, хотя и понимал, что отчасти потеряет свободу и самостоятельность в выборе своей дальнейшей судьбы...

И вот теперь какой-то молодой карьерист с задором боевого петуха публично распекал его. Страстную обвинительную речь секретаря подхватили и другие партийные функционеры. Все они были как будто на одно лицо, вернее, без лиц, с одинаковыми масками вместо лиц. Кто-то из них напомнил, что «партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», назвав предателями тех, кто позорит высокое звание коммуниста... Алеку всё ещё казалось, что он попал в этот зал совершенно случайно и происходящее его не касается.

– Не хотите ли объясниться, товарищ Багумян? – зычный вызывающий голос секретаря расколдовал Алека и вернул его в реальность.

Выдержав тяжёлую паузу во внезапно воцарившейся мёртвой тишине, он тихо произнёс:

– Мне не в чем оправдываться перед вами. Я считаю ниже своего достоинства и чести отвечать на клевету. Судья мне – моя совесть...

Затем, повернувшись спиной к сидящим в президиуме чиновникам, Алек степенно направился к двери.

Зал вздрогнул от неожиданности, загудел. В этом шуме Алек уловил и голоса в свою поддержку. Секретарь стучал кулаком по столу и что-то кричал то вслед удаляющемуся «товарищу», то в зал. Никто его не слушал...

Если ещё пять лет назад любое публичное проявление политического инакомыслия неминуемо влекло за собой арест, то сейчас органы КГБ, в частности специально созданное управление по борьбе с «идеологическим диверсиями», работали с «националистами» и «антисоветчиками» более утончённо и замаскированно. Однако в результате психологического прессинга, подрыва профессиональной карьеры, клеветы, различных провокаций и запугивания объекту давления нередко оставался лишь выбор между маргинализацией и эмиграцией...

Учитывая очевидные заслуги Багумяна, а вернее, под их давлением, партсобрание ограничилось выговором «за притупление политической бдительности». Однако было совершенно очевидно, что этим дело не кончится. Ощущение чужого взгляда на спине усиливалось день ото дня: на строительном участке, в стройуправлении во время отчёта и даже на прогулке с женой и детьми в парке в выходной день. Что-то, казалось, изменилось в лицах коллег и подчинённых. Чувство подвоха нарастало...

Однажды за ужином Алек, положив вилку, посмотрел в глаза Элеоноре необычным, то ли отчаявшимся, то ли, наоборот, полным безрассудной решимости взглядом. Она всё поняла ещё до того, как он произнёс слова, предрешившие их дальнейшую судьбу...

«Время такое», «время было такое»... Этим убийственным аргументом часто пытаются оправдать ошибки, упущения и даже самые злостные преступления.

Идеологам компартии, наверное, и не приходило в голову, что когда-нибудь и им пригодится этот довод. Они были уверены, что подчинили или вот-вот подчинят себе само время и мировое пространство, дабы беспрепятственно проделывать свои грандиозные эксперименты над человечеством с целью установления абсолютного контроля над единственным в природе разумным существом – Божьей идеей и творением, подавления данной ему свыше свободной воли и способности мыслить и выбирать. То есть человеческая личность должна была нивелироваться, раствориться в некоем размытом, безликом социальном коллективе, а всё живое в человеке – подчиниться абстрактной и изменчивой совести коллектива и его совокупному разуму...

Вряд ли о таком «совершенном» обществе свободы и процветания мечтал вождь мирового пролетариата, но, видно, всё пошло другим путём⁶⁴. А пока имелось то, что имелось: правда и ложь затейливым образом перемешались и, пытаясь ужиться, вводили честных людей в заблуждение и уныние. Добрые и великие по своей сути идеи трансформировались в условную риторику, зачастую прикрывающую собой реальное зло и несправедливость. Как результат, в стране «развитого социализма» планомерно исчезала вера в коммунистические идеалы, в обществе утверждалась двойная мораль.

Упорное стремление контролировать массы и каждого человека в отдельности формировало у людей два различных образа мышления – публичный и личный. Первый предназначался для общения с начальством, выступлений на собраниях, высказываний в коллективах, второй – для разговоров в узком кругу друзей и близких. В зависимости от ситуации и обстановки мозг человека помимо его воли, самостоятельно, переключался на нужный режим. В качестве переключателя служил обострённый, можно сказать, выдрессированный инстинкт самосохранения.

Правда категорически не поощрялась. Вернее, она должна была появляться только в строго указанных местах и в приличной форме. Если правда появлялась без приглашения, сама по себе, не в нужном месте и не в соответствующих одеждах, то тут же следовали окрик, запрет, угрозы и конкретные санкции. Ударника труда, честного и порядочного человека, такого, как, скажем, Алек Багумян, можно было в одночасье превратить в разгильдяя, негодяя, отщепенца и даже «врага народа», натравив на него коллектив, а по сути – стаю «товарищей», всегда готовую растерзать изгоя, который ещё минуту назад был героем. Живые, нестандартные, инициативные люди не нужны были системе. Личность должна была быть «как все», не высовываться и полностью подчиняться группе. Партийно-государственная бюрократия поощряла казённое лицемерие, которое становилось залогом успеха и карьерного продвижения. Как-то незаметно исчезла из общественного сознания граница между добром и злом. Вопреки усиливающимся оптимистичным лозунгам, в обществе распространялось чувство какой-то беспросветности, предопределённости завтрашнего дня и заданности будущего.

Однако если управлять массами в кризисные революционные и военные периоды, в условиях диктатуры было легко, то теперь жизнь всё более усложнялась, упрощённое представление о светлом будущем человечества всё ясней обнаруживало свою несостоятельность. Молодое поколение эпохи мирного сосуществования имело свои взгляды и планы на жизнь, стремилось к новизне, и запутавшимся в собственных умозаключениях партийным идеологам становилось всё труднее убеждать их и ставить на «правильный» путь. Молодёжь хотела быть самой собой, искала другие способы познания мира и себя. Диктат моральных норм тяготил её. Движимые природным инстинктивным желанием, молодые люди просто хотели жить своей единственной жизнью, отпущенной если и не Творцом, то уж точно не компартией. Новое юное поколение не собиралось долго ждать абстрактного, одного общего на всех светлого будущего, а хотело жить сегодняшним днём, настоящим моментом.

Несмотря на запреты и осуждение, часть молодёжи Страны Советов открыто проявляла интерес к западной массовой культуре с преобладающей ориентацией на развлечение и удовольствие. Рок-музыка и хиппи⁶⁵ стали своеобразным социальным протестом. Власти считали представителей новой молодёжной субкультуры тунеядцами и маргиналами, начисто утратившими социальные и моральные ориентиры, травили их. За длинные волосы (признак внутренней свободы), нестандартный вид и манеры хиппи нередко избивали прямо на улице.

Конечно, движение хиппи казалось крайностью, но их нежелание быть духовно и морально искалеченными, воспитанными на запретах людьми и стремление вырваться из искусственного порочного круга вполне можно было понять. И не они стали инициаторами поправа святынь, разрушения естественной связи времён. Они, скорее, были жертвами этого...

Тем временем двойная – официальная и реальная (тоже во многом искусственная) – жизнь в огромной многонациональной стране продолжалась. На фоне банкротства идеологов коммунистического общества усиливалось настроение самодовольства партийной и государственной элиты, интенсивнее приукрашивалась действительность, всё елейнее восхвалялся инертный и уж больно полюбивший славу и суету Леонид Ильич⁶⁶, вконец извративший идеи великого Ильича...

Глава 36

Эрик испытывал не просто радость и восторг, но благоговение и живительный трепет. В сыне он видел не столько себя, сколько своего отца. Маленький Армен помог ему наладить оборвавшуюся в душе связь времён. Его появление не только утешало, покрывая пластырем ноющие раны прошлого, но и вселяло настоящую веру в будущее. Помимо продолжения рода, сын подарил отцу надежду на осуществление того, чего он не сумел, не успел или потенциально не мог сделать в жизни – отпущенному человеку коротком промежутке времени между рождением и смертью, за который целеустремлённые люди пытаются добиться чего-либо значимого и долговечного.

Душа вновь парила в небесах, стремясь приобщиться к высшим тайнам. Стихи служили своеобразной молитвой: слёзы, сокрытые в сердцевине слов, казалось, превращались в вино, а вино – в кровь, животворящую и спасительную. Поэтические фантазии и мечты Эрика обретали новое дыхание и звучание, воплощаясь в самые разные светлые и оптимистичные образы. Он уверял, что пронесёт сквозь бури и грозы знамя, с которым его отец одолел врага, пока окрепнет наследник и примет священную эстафету, чтобы, пройдя отмеренный ему путь, передать реликвию своим потомкам. Тем самым знамя, символизирующее мир, – один из высших идеалов человеческой жизни, будет переходить из поколения в поколение. Не в силах вклиниться в дружные ряды этого марша поколений победы люди-ястребы превратятся в изгоев, белых ворон. Отойдут в прошлое войны, и на планете Земля утвердится мир, которого так страстно желают все нормальные люди. Не будут больше расплачиваться за чьи-то грехи и ошибки целые поколения. Взрослым уже не придётся оставлять свои семейные очаги, чтобы идти умирять ценой собственной жизни войну, ибо сами дети не дадут ей начаться – перед многомиллионной армией детей, ведомой могучей идеей Мира, будут бессильны полчища тёмных сил зла. Ведь во Вселенной нет более могущественной идеи, чем идея, время которой пришло...

А время Мира, казалось, настало. Как и большинство советских людей, Эрик был уверен, что ещё долго (а может, и никогда больше) не будет войн, во всяком случае, глобального масштаба. И с точки зрения здравого смысла и логики это было вполне справедливо: отцы и деды жертвовали собой для того, чтобы их дети и внуки, наконец, зажили нормальной человеческой жизнью...

Космический полёт поэтической фантазии позволял Эрику взглянуть на планету глазами Гагарина. Восхищаясь её удивительной красотой как поэт, он, бывший ребёнок-сирота, одновременно напоминал людям, насколько земля, кормящая и согревающая, укрывающая и защищающая, сама нуждается в помощи и заботе. При этом земля у Эрика ассоциировалась не просто с образом матери-кормилицы, а с рано овдовевшей женщиной, маленькой и хрупкой, изо всех сил оберегающей своих детей, жертвуя собой во имя их благополучия. Такой, как его мать...

А ещё он сравнивал землю с садом в холодном космосе и призывал людей воспринимать и беречь как частичку самого себя каждое деревце, плодоносную веточку, цветок на этом живом островке. Ведь другой такой планеты нет во всей Вселенной – как не бывает у человека второй кровной матери...

Глава 37

Если известного футбольного бомбардира Эдуарда Маркарова⁶⁷ никак не хотели отпускать из бакинского «Нефтяника» в Ереван, то большого поклонника его игры, строителя, ударника социалистического труда Алека Багумяна удерживать не стали.

В адрес футболиста посыпались упрёки и оскорбления, его называли предателем и эгоистом, а группа фанатов команды даже кидала камни в окна его дома. За всем этим стояли не только обида, злость и раздражение на бывшего кумира, но и политика – не зря знаменитого на весь Союз игрока позвали в Москву разбираться, почему это он вдруг собрался переехать к своим соотечественникам...

Кампания травли Багумяна была хоть и несколько завуалированной, но более жестокой и одновременно абсурдной – на него, по сути, наклеили ярлык националиста, что было равносильно клейму врага народа. Произошло удивительное: честный, порядочный и целиком преданный своему делу человек был обвинён со стороны облачённых в «интернационалистскую» тогу высокопоставленных националистов в... национализме и предан анафеме.

В итоге оба армянина, немало сделавшие для города, казавшегося им родным и многообещающим во всех смыслах, оказались в 1971 году в Ереване. Для Маркарова это решение стало судьбоносным. Тридцатилетний футболист, которого в прежней команде уже причисляли к «старикам», обрёл в «Арарате» второе рождение. В каждую игру он выкладывал все свои силы и душу, и вскоре его команда впервые вступила на всесоюзный пьедестал почёта, завоевав серебряную медаль в чемпионате страны. А впереди ждали и вовсе фантастические успехи...

Теперь Алек мог открыто болеть за любимую команду и вдвойне гордиться своим кумиром, по-новому заблиставшим в ней. Для полноты картины надо сказать, что Ереван в те дни жил большой единой семьёй, где всех, без преувеличения, объединял футбол. Стар и млад, папы и мамы, дедушки и бабушки, парни, девушки и дети – все, даже люди, совершенно не разбиравшиеся в футболе, обсуждали невероятные успехи команды, которая вдруг стала обыгрывать всех подряд не только в чемпионате страны, но и в престижных европейских турнирах. Даже знаменитая немецкая «Бавария» с легендарным Францем Беккенбауэром была вынуждена признать своё фиаско⁶⁸. Победа над ведущим клубом Западной Германии на фоне продолжающейся «холодной войны» была воспринята в советском обществе чуть ли не в контексте разгрома фашизма в годы Великой Отечественной войны.

Однако если команда и болельщики приняли Маркарова восторженно, и он сразу вписался в игру, то Багумяну пришлось потратить уйму усилий и времени, чтобы обустроиться и привыкнуть к новой жизни и менталитету окружающих его людей...

Прошло четыре месяца после того, как Алек произнёс за ужином судьбоносные слова: «Уедем отсюда». Это прозвучало как нечто среднее между утверждением и

вопросом, но в двух простых словах Элеонора своим женским чутьём уловила столько отчаяния, что сердце её сжалось в комок от сочувственной боли и понимания неизбежности предстоящего шага.

Найти квартиру для обмена удалось неожиданно легко – по объявлениям, расклеенным по всему городу. Одинокая пожилая азербайджанская пара, видимо, желая провести старость на родине, готова была обменять свою двухкомнатную квартиру в Ереване на аналогичную в Баку. Уже в ближайшую субботу Алек вместе с тестем поехал смотреть жильё. Квартира располагалась близко к центру города, была достаточно просторная, но нуждалась как минимум в косметическом ремонте. Для Алека, впрочем, это было сущим пустяком, он в любом случае перестроил бы обстановку и интерьер в доме на свой лад – разумеется, с учётом вкуса и предпочтений супруги. Борис Левонович, почти одноклассник с хозяевами, сразу же нашёл с ними общий язык. Он приправлял деловую беседу шутками из армянского и азербайджанского фольклора. Это помогло быстро договориться. В течение двух недель все формальности были улажены, а ещё через неделю состоялся сам обмен.

Так как время близилось к сентябрю – началу нового учебного года в школах, Алек первым делом позаботился о работе для Элеоноры. Учительницу географии с десятилетним стажем, безупречной характеристикой и соответствующими анкетными данными приняли на работу в школу с русским языком обучения без проблем. А вот в делах самого Алека не всё складывалось гладко. Выговор по партийной линии был чем-то вроде «волчьего билета» в формально наднациональном, тотально идеологизированном обществе. Корпоративно сплочённая по всему Союзу коммунистическая элита не была склонна разбираться в деталях проблемы отдельного рядового коммуниста, а потому Алеку приходилось не просто представлять в партийных ячейках строительных организаций объективную картину организованной бакинским чиновником травли, но и... оправдываться за свою правду. В итоге же ему удалось устроиться лишь прорабом на стройке.

Глава 38

Армен оказался мальчиком с характером, шумным и требовательным. Он кричал при малейшем дискомфорте, напрочь отказывался от дневного сна, не мог мирно лежать в кровати, ёрзал и всё норовил встать и выбраться из неё. Матери постоянно приходилось быть рядом, следить за каждым его движением. Даже на родительских руках он постоянно вертелся, изгибался, пытаясь то ли найти более удобное положение, то ли выскользнуть из заботливых объятий. Эрик с Ларой искали новые способы успокоить, убаюкать его, однако то, что помогало сейчас, не годилось через час. Невозможно было понять, где заканчивались реальные потребности малыша и где начинались прихоти.

Озадаченный и сбитый с толку Эрик даже обратился к малышу в стихотворной форме:

Что за силища в тебе, сыночек?
Беззащитный с виду ты комочек!
Маму с папой криками стращаешь
И легко в игрушки превращаешь...

Проявлять жёсткость к чувствительному сыну было нельзя – от этого он стал бы кричать ещё сильнее, ещё настырнее настаивать на своём. У Лары было постоянное ощущение, что малышу просто невозможно угодить. Порой ей казалось, что она плохая мать и не справляется со своими обязанностями.

На самом деле проблема была не в ней. Да и проблемы как таковой не существовало, просто малыш вступил в этот мир с особыми запросами и требовал соответствующего отношения к себе. В чём заключалась его особенность? Ребёнок вкладывал массу энергии во всё, что ни делал: если кричал, то очень громко, если ему было весело, то он заливался звонким смехом, бурно протестовал, махая ручками, когда хотелось кушать... Создавалось впечатление, что он чувствует всё ярче и глубже других детей и потому так бурно на всё реагирует.

Врачи советовали родителям не беспокоиться, уверяя, что у них растёт сильный характером и чуткий душой ребёнок и что при внимательном отношении и мудрой заботе из него вырастет независимый, творческий и отзывчивый человек, способный отдать родителям и окружающим гораздо больше, чем сам требовал когда-то...

А тем временем хозяин дома попросил Эрика освободить арендуемое цокольное помещение. Причина была банальной до обидного: малыш слишком шумный и мешает другим жильцам. Молодая семья сменила ещё два съёмных жилья, пока Эрик наконец не добился очень скромной, но зато своей квартиры. И помог ему в этом не некий влиятельный знакомый, а его собственный поэтический дар – заявление в городской совет Эрик написал в необычной форме – в стихах, упрекнув чиновников в бездушии и безразличии к проблемам и скитаниям молодой растущей семьи. То ли ответственный работник горсовета оказался ценителем поэзии, то ли он испугался появления стихотворения-жалобы в газете, но результат оказался весьма удовлетворительным. Выделив малогабаритное жильё, молодую семью не сняли с очереди на квартиру с учётом того, что дети были разнополые, и к тому же ожидалось новое пополнение – это предполагало предоставление большей жилплощади.

Полгода спустя в семье Эрика и Лары появилась вторая дочь. В отличие от сына (а тем более по сравнению с ним) малышка Астхик была очень спокойная и тихая, зря не капризничала. А когда улыбалась, глаза её излучали первозданную радость, а на нежных щёчках появлялись наивные и забавные ямочки. От этой ангельской улыбки маленький дом озарялся сиянием счастья, словно по мановению волшебной палочки исчезали толстые стены, раздвигался давящий потолок и перед мысленным взором открывались бесконечно высокое голубое небо и широкие солнечные просторы под ним.

Эрик любил заглядывать в большие невинные глаза дочки, будто искал в них ответы на свои тайные вопросы, застрявшие где-то в прошлом и ожидаемые в будущем. И однажды, словно переместившись во времени на много лет назад, он увидел бедняжку Гоар на кушетке в невзрачном деревенском медпункте. Рядом лежали такие же малыши, заражённые смертельным вирусом. Некоторые не шевелились, уйдя то ли в глубокий, то ли в уже вечный сон. Родителей не пускали в помещение, и убитая горем мать, вытягиваясь на цыпочках и едва касаясь лбом холодного стекла, пыталась увидеть дочку, которая угасающим, но всё ещё удивлённым взором в последний раз глядела на мир, так и не ставший для неё домом...

Неожиданная слеза обожгла лицо, вернув Эрика в реальность.

«Теперь всё по-другому, – то ли успокаивал, то ли убеждал себя он. – Дети больше не будут чувствовать себя сиротами, потому что навсегда уйдут в прошлое войны и искусственно созданные непреодолимые обстоятельства, которые заставляют взрослых чувствовать себя такими же беспомощными, как их дети... Родители и дети всегда будут рядом, помогая друг другу достойно и радостно прожить жизнь, данную всего-то един-единственный раз...»

Глава 39

Деревня Аци жила размеренно-обыденной и вместе с тем по-своему необычной жизнью на отведённом ей маленьком клочке земли под солнцем, которое, казалось,

светило здесь как-то особенно ярко и с большим старанием, дольше задерживаясь над утопающими в зелени холмами, лугами и полями. Быть может, для того, чтобы попытаться согреть старых вдов, которым всё не хватало тепла даже в самый сильный зной...

Кнар уже разменяла седьмой десяток, но, казалось, делала всё, чтобы опровергнуть закон природы о том, что человек может уставать, болеть, нуждаться в заботе. Она по-прежнему была трудолюбивой, как пчела, и сильной, как муравей. Умудрялась таскать в город, в дом к младшему сыну, какие-то котомки и торбы с мукой, овощами, сушёными фруктами и ягодами, вареньями и дошабом. При этом Эрик не мог встретить её на вокзале, так как она никогда не предупреждала о своих визитах. Каждый раз всё повторялось, как в дежавю: кто-то из соседских мальчишек вдруг стучался в дверь с известием, что бабушка Кнар стоит с вещами у подъезда. Эрик или Лара (если мужа не было дома) спускались и заставляли одну и ту же картину: весь двор, от больших входных железных ворот до крыльца подъезда, был заставлен мешочками и кошелёчками, полными даров природы. Они располагались на расстоянии полутора-двух метров друг от друга – таким способом Кнар по очереди таскала тяжёлые сумки от вокзала до дома, примерно полкилометра. По пути, конечно, кто-то помогал ей, про себя наверняка поругивая её детей и внуков за безразличие к пожилой женщине, так старающейся для них. Эрик каждый раз возмущался и в сердцах распекал мать, но тщетно. Кнар парировала не то в шутку, не то всерьёз: «Это не для вас, а для Арменчика». В подтверждение своих слов она кричала с порога: «Мальчик мой, посмотри, что я тебе привезла!» Бабушка доставала плюшку или булочку, специально испечённую для любимого внука, и следила, чтобы он тут же их съел, «пока свежие». Конечно, это не нравилось Ларе, но во избежание конфликта она старалась многое не замечать в поведении норовистой свекрови, даже если своими словами и действиями та подрывала её родительский авторитет в глазах ребёнка. В свою очередь мальчик, сам не ведая того, помог во многом решить тягостный конфликт во взаимоотношениях бабушки с собственным сыном и невесткой и восстановить между ними пусть и хрупкий, но мир.

Кнар пребывала в непривычном для неё состоянии. С появлением на свет Армена в душе у неё засияло маленькое солнышко, которое согревало её вернее большого, одного на всех солнца. Бабушка души не чаяла в ребёнке и явно выделяла его среди других внуков. Она даже объявила мальчика перевоплощением Арутюна, найдя во внуке видимые только ей физические и психологические сходства с дедом. Её общение с Арменом отличалось большой эмоциональностью. «У тебя на лбу звёздочка. Ты знаешь об этом?» – говорила она, словно раскрывая тайну. Или же: «Ты у нас солидный парень, с тобой можно секретничать». А однажды даже сказала с улыбкой: «Если бы удалось вернуть время вспять на много лет, и я стала бы такой же юной, как ты, то влюбилась бы в тебя...» Мальчик, конечно, ещё не понимал, что значит «влюбиться», но чувствовал, что это нечто необычное и хорошее. В самой же беззаботной с виду шутке Кнар таилась горькая правда всей её жизни...

Но теперь жизнь пошла по-другому: с рождением необычного (во всяком случае, для бабушки) внука для Кнар начался новый отсчёт времени.

Когда мальчику стукнуло пять лет, бабушка забрала его на лето в деревню. Необъятные просторы полей, откуда ветер приносил тёплый и умиротворяющий аромат созревающей пшеницы, жизнерадостные подсолнухи, напоминающие нарисованные ребёнком солнышки, сказочные виды гор и холмов, пёстрые раскидистые кусты, откуда могла неожиданно вылететь с шумом птичка (мог выскочить и суетливый заяц), разлитая в воздухе незримая и немного пугающая свобода завораживающе действовали на мальчика, будоражили детское воображение.

Бабушка пекла для него вкусные пирожки со сладко-кисловатым яблочным джемом, варила компоты из разных фруктов и ягодные соки. Свои «фирменные» блюда Кнар сдабривала уникальными историями собственного сочинения, героями которых

часто выступали ближайшие члены её рода и далёкие предки. Внук с интересом слушал бабушку и часто просил повторить понравившиеся сказки. Бывало, поправлял её или подсказывал, если она отходила от предыдущего содержания своих импровизаций. Общение с ребёнком врачевало старческую душу, а сам малыш набирался опыта, обогащая свой внутренний мир и развивая память и внимание.

Ближе к закату, когда солнце уже начинало прятаться за макушки вековых деревьев, они ходили в ближайший лес собирать лещину и грецкий орех, мушмулу, алычу, кизил, ежевику. Природа щедро делилась своими богатствами. Мальчик удивлялся, как бабушка легко взбиралась на дерево и через несколько минут спускалась с торбой, полной сочных груш или яблок. Ему же, как в своё время своим сыновьям, Кнар советовала быть осторожным во всём и пугала последствиями непослушания: не лазь на дерево – шмякнешься оземь, не лезь в воду – унесёт потоком, не взбирайся на горку – покатишься вниз, не бегай – споткнёшься о кочку... Это, конечно, ущемляло мальчишеское самолюбие, но Армен вёл себя как маленький рыцарь и не перечил бабушке. Да и внушаемые ею страхи не особо действовали на мальчика: в душе он мечтал поскорее подрасти, хотя бы годика на два, и ходить с деревенскими мальчишками охотиться с рогаткой на птичек или ловить в речке рыбок...

Спустя много лет, навестив в военном госпитале раненого внука, состарившаяся, но всё ещё не утратившая живого и наблюдательного взгляда бабушка скажет: «Изгони прочь из сердца страх, а боль сама потихоньку пройдёт». Но Армен с удивлением обнаружит, что, несмотря на огромную боль, страха в сердце вовсе нет. Словно и не было страха даже в тот момент, когда смерть коснулась его, посмотрев в упор, но всё-таки прошла мимо...

Глава 40

Человек, в самом деле, достаточно быстро привыкает ко всему новому, хотя память, порой некстати включаясь в дело, вольно или невольно пытается помешать этому, тормозит и тянет назад, словно стремясь парализовать волю своего хозяина, сбить его с толку, заставить свернуть с выбранного пути.

Несмотря на разные психологические и материальные трудности, семья Алека Багумяна встала на ноги, новая жизнь потихоньку вошла в свою колею.

Харизматичная Элеонора Борисовна быстро завоевала уважение коллег и любовь учеников. Бесконечно преданная своей профессии, она старалась передать детям все свои знания без остатка, и школьники, чувствуя это, искренне хотели учиться, стремились не отстать друг от друга. Вместе с тем Элеонора Борисовна была очень требовательной, проявляла равный подход ко всем без исключения. Ануш, учившаяся в той же школе, не любила, когда мать заменяла их постоянного учителя по географии – к дочке она относилась с особой строгостью, часто вызывала к доске и «мучила», задавая дополнительные вопросы по теме урока. Некоторые учителя даже не знали, что она её мама...

Алек и на новом месте зарекомендовал себя как профессионал с недюжинной энергией и работоспособностью. Ему всё чаще доверяли строительство ответственных объектов, а вскоре выдвинули в главные инженеры. Сам Алек не менялся вместе с новыми должностями, всегда чутко относился к людям, хотя жизнь приучила его к осторожности, заставляя невольно видеть в каждом потенциального предателя. Однако, умудрённый той же жизнью, он прекрасно понимал, что в иных случаях сами сомнения являются изменниками, а потому относился ко всем с изначальным кредитом доверия, что, впрочем, не мешало ему изучать каждого, а иногда и незаметно проверять по ходу совместной работы.

Сын Борис вырос в красивого, спортивного сложения юношу и собирался поступать в физкультурный институт. Атмосфера состоявшихся в Москве XXII Летних Олимпийских игр⁶⁹, на которых были установлены десятки мировых и олимпийских рекордов, вдохновила его на завоевание высот собственной мечты.

Ануш же, миниатюрная восьмиклассница-отличница, сильно увлекалась, к удивлению родителей, математикой. Хотя математиков в их роду не было, царица наук настолько покорила девушку, что она твёрдо решила связать свою судьбу с ней.

Вот так жила небольшая советская семья в маленькой горной республике, решая повседневные проблемы и в меру сил осуществляя шаг за шагом свои мечты. Планов на будущее было много, и их претворение в жизнь казалось делом времени. Однако в огромной социалистической империи, несмотря на внешнее благополучие, происходили невидимые большинству тлетворные процессы...

Глава 41

Незыблемое ощущение того, что «Советский Союз – это навсегда», было как у апологетов советской системы, так и у многих её ярых противников. Однако именно это чувство усыпляло бдительность и мешало видеть наметившиеся разрушительные политические, социальные и экономические тенденции в советской империи.

Долгое пребывание у руля огромной страны начисто лишило Леонида Брежнева самокритичности, сформировав в нём некую убеждённость в собственном величии. Дошло до того, что он уже сам награждал себя орденами, медалями и почётными званиями. И тут была своя ложная и порочная логика: человеку начинает казаться, что продолжительное нахождение на высоком посту само по себе является оправданием любых его решений и действий. Пребывать в этом приятном для генсека и крайне пагубном для страны и народа заблуждении помогали Леониду Ильичу «президиумские сидельцы», безудержно восхвалявшие его и целенаправленно формировавшие нечто вроде нового «культа личности». Как и всякое непомерное возвеличивание, всё это было уродливо, но вдобавок ещё и крайне комично: масштаб личности явно не соответствовал размерам культа. Об этом красноречиво свидетельствовали и четыре золотые звезды Героя Советского Союза на, казалось, безразмерной груди Ильича.

Рассказывали (то ли быль, то ли анекдот): однажды Брежнев сказал, что ему, небось, уже пора на пенсию.

«Что ты, Лёня! – стали в один голос заверять засидевшиеся на своих местах члены Политбюро. – Ты нам нужен как знамя. За тобой идёт народ. Ты должен остаться».

И вождь после дружных уговоров «великодушно» согласился остаться. Это был скорее пробный шар на проверку верности и личной преданности. Но в Политбюро люди были тёртые, никто не «лопухнулся».

В обмен на потворство и потакание постаревшему и больному вождю партийные должности стали превращаться в пожизненную награду – в «службу» и в «дружбу». При этом на всех уровнях процветали очковтирательство и обман, воровство и казнокрадство, росли бюрократия и чиновничий произвол...

Конечно, можно было смеяться над детской любовью вождя к разным орденам и медалям. Или снисходительно улыбаться, прислушиваясь к его маловразумительным речам. Или же закатиться в хохоте, наблюдая по телевизору за тем, как любвеобильный старик страстно и с полной самоотдачей осуществляет своё фирменное приветствие (по одному поцелую в обе щеки и финальный – в губы). Говорят, лишь единицам из руководителей зарубежных стран удавалось увернуться от «тройного Брежнева». А вот президенту Югославии повезло меньше всех – от поцелуя у него лопнула губа...

Историки утверждали, что здоровье Брежнева стало ухудшаться после подавления Пражской весны⁷⁰, когда он сутки напролёт почти не спал. А нарушение дикции связывали с бесконтрольным приёмом успокаивающих средств.

...Тем временем расслабленный вождь с его прогрессирующим слабоумием, спотыкавшийся на ровном месте не только языком, но и ногами, порой не понимавший, где находится и что должен делать (иногда переводчику приходилось говорить за него), стал объектом бесчисленных весёлых анекдотов. Но если «зреть в корень», всё было крайне серьёзно и плачевно, и при дальнейшем царствовании лёжа на боку ситуация грозила выйти из-под контроля. Нараставшие с каждым днём симптомы кризиса требовали срочных изменений. Однако одряхлевшее политическое руководство страны (средний возраст членов Политбюро к 1980 году превысил 70 лет) уже органически было неспособно к переменам и, доживая свой век, даже не догадывалось, судя по всему, о надвигающейся катастрофе.

Да и у подавляющего большинства советских граждан было ощущение, что так будет всегда: бесконечные пленумы и совещания, речи унылых кремлёвских старцев (многочисленные изображения которых во главе с портретом «дорогого Леонида Ильича» были везде: в газетах, на стенах домов, в школьных классах), пятилетки, требующие не просто выполнения, но и перевыполнения, желательно за четыре года, и очереди, очереди, очереди...

Глава 42

На душе у Армена, как и у всех школьников и их учителей, было тревожно. В воздухе витала лёгкая паника. «Начнётся ли война? Будет ли третья мировая?» – эти вопросы задавались вслух и про себя, в учительской, в классной аудитории, в фойе и коридорах школы, на уроке и перемене...

Семиклассник Армен Багумян впервые видел такую растерянность на лицах педагогов, никто не находил нужных слов, чтобы толком объяснить ситуацию. Удивительно и одновременно вполне логично (на фоне многолетней фетишизации деятельности партии и её вождя), что смерть Леонида Ильича Брежнева⁷¹ была воспринята во всём Советском Союзе почти панически, тем более что всего за три дня до этого лидер страны принимал парад, посвящённый очередной годовщине Октябрьской революции. Большинству казалось, что одним только своим существованием властвовавший (пусть и в последний период формально) почти двадцать лет вождь СССР гарантировал мир и стабильность во всём мире...

Вспомнился забавный эпизод из детства. Это сейчас, в ретроспективе, он виделся комичным, а тогда Армен (пяти- или шестилетний мальчишка) воспринял слова бабушки со всей серьёзностью и ответственностью, так как тон, с которым они были произнесены, явно не терпел возражений. Отчитывая внука за то, что он ушиб колено во время игры с деревенскими мальчишками, Кнар, ткнув пальцем в огромный портрет Брежнева на передовице старой газеты, нарочито назидательно произнесла: «Посмотри, почти ровесник тебе, а какие дела делает!» Конечно, на самом деле Леонид Ильич был почти ровесником самой бабушки (старше её на несколько лет), но мальчик не стал спорить во избежание новых ограничений с её стороны.

Да, Брежнев делал важные дела, особенно в первый период своего правления советским государством. Безусловными его достижениями являлись политическая разрядка 70-х годов, когда были заключены соглашения с Соединёнными Штатами об ограничении стратегических наступательных вооружений, Хельсинкские соглашения о целостности и нерушимости границ Европы, советско-французская декларация о нераспространении ядерного оружия. Советский Союз постоянно выступал с мирными инициативами, что повышало его авторитет на международной арене. Правда, всё это

было перечёркнуто вводом советских войск в Афганистан⁷². Именно тогда США вновь объявили СССР «холодную» войну, она возобновилась с новой силой. Ситуация грозила третьей, катастрофической для всего человечества, мировой войной – к началу 80-х каждая из сторон была способна уничтожить всё живое на земле более 30 раз...

Смерть генсека погрузила страну на несколько дней в траур: гнетущая музыка по радио и телевидению, мрачное убранство городов, повисшая в воздухе тягостная тревога, выражение печали на лицах людей... Впрочем, сам по себе уход из жизни Брежнева не заставил людей плакать навзрыд – так, как рыдали многие, и взрослые, и дети, когда умер Сталин. И это при том, что в период властвования Брежнева, в отличие от эпохи Сталина, исчезла атмосфера всеобщего страха, и даже диссиденты особо не боялись за свою жизнь, хотя и запросто могли угодить в психушку на принудительное «лечение»...

Конечно, на церемонии похорон Леонида Ильича, «пламенного марксиста-ленинца», «виднейшего деятеля международного коммунистического и рабочего движения», «выдающегося руководителя Компартии и Советского государства», «неутомимого борца за мир и дружбу народов», звучали официальные речи, слова возвеличивания, благодарности, сочувствия и соболезнования, однако многие в душе вздохнули с облегчением, потому что больше уже не было сил глядеть на тяжелобольного старика, едва держащегося на ногах и мало кем воспринимаемого всерьёз...

Казалось бы, где Леонид Ильич, а где изящная словесность! Но Брежнев был не только Генеральным секретарём, председателем Президиума Верховного Совета СССР, Маршалом Советского Союза, но и лауреатом Ленинской премии по литературе. Анекдоты на эту тему также появлялись в изобилии. В одной из расхожих баек стареющий вождь произносит: «Все говорят, что «Малая земля» – отличная книга. Все читали. Может, и мне почитать?»

Но шутки шутками, а союзная литературная критика признала книги Брежнева (написанные с его слов, но не им лично) чуть ли не вершиной современной советской литературы. Они издавались миллионными тиражами, вошли в школьную программу, а апофеозом стала Ленинская премия по литературе, присуждённая Леониду Ильичу за два года до его смерти.

Говорят, Брежнев когда-то сам сочинял стихи, но крайне наивные и неискusstvenные. Однако в итоге официальное признание и премию он получил, несмотря на то, что телевизионный образ немощного лидера резко контрастировал с рассказами о его героической боевой молодости, вызывая ощущение фальши. И это притом, что многие настоящие, талантливые писатели творили в отсутствие каких-либо гарантий на заслуженный публичный успех, а некоторые и вовсе рисковали своим будущим, так как совесть для них оказалась важнее покоя и безопасности.

Особенно чувствительно политика насаждения единомыслия и растворения человеческой личности в государстве отражалась на людях искусства. Подлинно творческому человеку вечно приходилось чем-то жертвовать. Для того чтобы издать сборник стихотворений, начинающему поэту в качестве своеобразного теста на лояльность порой приходилось сначала отдать дань Лениниане⁷³ – поместить на первых страницах книги пару-тройку стихотворений о вожде мирового пролетариата, о засиявшей заре коммунизма, о радеющей за народ партии и её мудром вожде... Лишь после этого дозволялось приоткрыть свою душу, выразить тревогу о том, что человек оказался в духовном вакууме, перестал слушать и слышать природу, потерял связь между земным и небесным... При этом в ответ он получал от критиков обвинения в пессимизме, нигилизме и безыдейности...

Отращение к официальной пропаганде усиливалось как среди интеллигенции, так и в других социальных слоях населения. Общество устало жить в условиях постоянной мобилизации и идеологической взвинченности, раздутой «всеобщей ответственности». Люди стали терять веру не только в обещанное светлое будущее, но и в простую человеческую справедливость. Социализм в советском исполнении изживал себя, умирал

естественной смертью, и своеобразным символом этого процесса были кремлёвские старцы, готовые почтить в своих высоких креслах, но не уступить место молодым, перспективным кадрам.

Да, брежневский авторитарно-консервативный режим был обречён. Однако людям не надо было выходить на массовые митинги, чтобы выразить свой протест в связи с существующей идеологией и порядками. Они, не сговорившись, просто стали жить для себя, тем самым проявляя своё неприятие существующего государственного и общественного строя, фактически превратившегося в ненужный ритуал.

Вместе с тем мало кто мог представить себе, что огромное здание советской империи, сооружаемое на протяжении многих десятилетий разными поколениями, может в одночасье развалиться на ровном месте, без мировых войн и катаклизмов...

Глава 43

Эффект «кремлёвских старцев» сыграл злую шутку со страной, которая за три года трижды погружалась в траур по случаю смерти государственных лидеров.

После Брежнева на пост Генерального секретаря был избран Юрий Андропов⁷⁴, до этого в течение пятнадцати лет возглавлявший КГБ. В целом советское общество восприняло это как доброе предзнаменование. Как личность Андропов отличался от большинства политических деятелей своего поколения высоким уровнем культуры, компетентностью, чётким представлением реального положения дел в стране, личной скромностью и сдержанностью. Естественно, он предпринял попытки наведения порядка в обществе. Однако присущие новому советскому лидеру жёсткие манеры действий, попытка реанимации административной системы управления посредством подавления имеющейся относительной свободы внутри страны на фоне усиливающейся конфронтации во внешней политике и изнурительных военных расходов, отсутствия экономических преобразований и чёткой концепции дальнейшего развития общества не могли в корне изменить ситуацию. Да и что кардинального мог изменить в стране «рыцарь без страха и упрёка» всего за пятнадцать месяцев своего нахождения у власти?..

Иногда политик больше запоминается не по своим значимым делам, а по одной оригинальной детали внешности, изюминке в манере поведения, драматическому или курьёзному эпизоду из профессиональной деятельности или личной жизни.

Все, кто наблюдал вживую или на экранах телевизоров за торжественной церемонией похорон Юрия Андропова на Красной площади, вряд ли забудут странную, можно сказать, трагикомическую сцену: будущий преемник усопшего главы государства Константин Черненко⁷⁵ отчаянно, словно сопротивляясь невидимой силе, пытается поднять правую руку, чтобы дотронуться до края своей широкой шляпы и отдать честь умершему соратнику по партии. Будто в замедленном кадре дотягивается, наконец, дрожащими пальцами до мочки уха, но не проходит и нескольких секунд, как рука падает в полном изнеможении... Всем стало ясно: «И этот не жилец!»

Подобный кризис правящей элиты не переживала ни одна держава в мире. У людей вновь появилось ощущение надвигающейся катастрофы...

Но было бы несправедливо занести Константина Устиновича в анналы истории лишь в качестве немощного старика, неспособного даже руку поднять. За год и неполный месяц своего правления он не только продолжил, но и расширил некоторые реформистские начинания своего предшественника. К примеру, борьбу с теневой экономикой, увеличение прав предприятий, ускоренное внедрение достижений научно-технической революции, что было призвано приостановить наметившиеся в экономической и социальной сферах жизни кризисные явления и модернизировать производство.

Во внешней сфере Черненко санкционировал возобновление переговоров между Советским Союзом и Соединёнными Штатами. Но что самое примечательное: в рамках идеи создания новой Программы КПСС развернулась общественная дискуссия о «стадии развития общества», которую предлагалось именовать не застойным брежневским «развитым», а динамичным «развивающимся» социализмом, предполагая, что это даст мощный импульс развитию народного хозяйства и страны в целом...

Ну а ученику выпускного десятого класса Армену Багумяну Константин Черненко особенно запомнился тем, что именно при нём официально был введён праздник День знаний⁷⁶.

С уходом из жизни Черненко, самого престарелого из советских лидеров, когда-либо получавших пост Генерального секретаря ЦК КПСС, завершилась «эпоха пышных похорон».

На пост лидера СССР заступал представитель нового поколения, непривычно молодой для вождей последнего времени и немного эксцентричный Михаил Сергеевич Горбачёв⁷⁷. У людей появилась надежда, что энергичный (по советским меркам) политик сможет вернуть страну к стабильности и процветанию.

Глава 44

Михаил Горбачёв вошёл в историю как крайне неоднозначная фигура: его любят и ненавидят, восторгаются и беспощадно критикуют. На Западе он обрёл репутацию амбициозного и энергичного политика, проявляющего живой интерес к тамошним общественным идеалам и методам управления экономикой. В Советском Союзе, а позже и на постсоветском пространстве, наоборот, многие возненавидели Горбачёва и приписывали ему почти «геростатову славу». В самом деле, обычному советскому гражданину трудно было понять, как можно одним росчерком пера сдать то, что было завоёвано большой кровью их предков и современников, их собственной кровью. Те, кто поначалу с энтузиазмом и воодушевлением приняли и поддержали «перестройку»⁷⁸, затем стали предъявлять инициатору «нового мышления» массу разнообразных претензий, вплоть до обвинений в тягчайших преступлениях, меж тем как сам Михаил Сергеевич явно ощущал себя неким спасителем мира и всего человечества.

Что ни говори, а в период деятельности Горбачёва в должности главы государства и руководителя КПСС в Советском Союзе произошли серьёзнейшие трансформации, повлиявшие не только на судьбу огромной империи, но и на весь мир: масштабная попытка реформирования советской системы посредством политики гласности, свободы слова и печати, плюрализма мнений, демократических выборов, введения в стране рыночной модели хозяйствования, отказа от государственного статуса коммунистической идеологии в корне изменили внутреннюю жизнь и внешний облик СССР. Инициированная им международная политика разрядки привела к окончанию «холодной войны», подтверждением чего стал вывод советских войск из Афганистана, а сознательное ослабление контроля над социалистическим лагерем привело к исторической смене власти в большинстве стран. Расчленённая Германия объединилась⁷⁹, а Соединённые Штаты перестали рассматривать СССР как «империю зла»⁸⁰.

В массовом народном сознании Горбачёв остался инициатором антиалкогольной кампании. Казалось бы, одна лишь польза от того, что население будет употреблять меньше спиртного, однако «сухой закон» повлёк за собой множество побочных эффектов. Не до конца продуманная кампания привела не только к сокращению производства алкоголя и существенному повышению цены на алкогольные напитки, но и к исчезновению сахара в магазинах, вырубанию виноградников, отравлению людей сомнительным самогоном, а в итоге – к массовому недовольству простых граждан, как пьющих, так и трезвенников.

Эрик с болью видел, как вырубаются тутовники в родной деревне. Его критическая статья с коротким обличительным стихотворением в областной газете не помогла – коварная рука с беспощадным топором была уже занесена. В Центре никому не было дела до того, что шелковица для карабахца – это не просто налитые солнцем сладкие ягоды (любимое лакомство наезжающих летом из разных концов огромной страны родственников-дачников), но и тутовый дошаб – настоящая панацея от всевозможных болезней. Это знаменитая тутовая водка, которую жители маленького древнего края искренне считали эликсиром долголетия, чем и славились на весь Советский Союз. Это, наконец, память о предках. А разве можно безнаказанно рубить живую связь времён?..

Перестройка, стартовавшая главным образом как экономическое обновление страны, наоборот, привела к углублению социально-экономического кризиса. Вопреки изначальным ожиданиям, в результате перестроечных реформ, нередко походивших на метания и конвульсии (одни заявления молодого генсека противоречили другим, слова всё чаще расходились с делом), появились хаос и неразбериха в управлении страной.

Отсутствие у властей чёткого комплексного плана действий и попытка реформировать общество чуть ли не вслепую, противоречивость самих реформ и непоследовательность предпринимаемых мер привели к печальному исходу: люди лишились даже хлеба насущного, с прилавков магазинов исчезли продукты, на многие виды жизненно важных продовольственных товаров, как в прежние кризисные и военные годы, была введена карточная система. Накачивание экономики безналичными рублями привело к гиперинфляции, дефолту. Строители несостоявшегося коммунизма и вроде бы победившего социализма в одночасье потеряли накопленные годами сбережения. Чувство неуверенности людей в завтрашнем дне переросло в стойкое ощущение безысходности и тупика.

Первичная социальная ячейка общества, рядовая советская семья, оказалась в полнейшей растерянности. Бывшие пионеры, столь уверенные в себе и в светлом будущем своей страны, спасовали перед новыми, безжалостными реалиями жизни. Никто не учил их в детстве, что всего надо добиваться исключительно собственными силами, что государство не поддержит, друг не только не сможет протянуть руку помощи, но, чего доброго, ещё и невольно станет конкурентом в жёсткой борьбе за выживание... Да, прочно вошедший в привычку коллективизм вдруг уступил место откровенному, дикому индивидуализму – каждый должен был выкручиваться сам, как может.

Эрик испытывал боль, видя, что искажаются ценности жизни, попираются моральные устои. Он писал о том, как обтёсанные камни остались на земле, а неотёсанные поднялись на стену, как под тяжёлым грузом досады страдает стена – покорно и молча.

Поэт сравнивал новое время с взбесившимся жеребцом. Закусив удила, устремляется он вперёд в слепом агрессивном возбуждении, и расступаются перед ним все преграды. Кто особенно ловок и силён, успел прыгнуть на взмыленный круп коня и делает отчаянные усилия удержаться на нём. Некоторые из них даже пытаются укоротить обезумевшее животное. Другие, менее шустрые и проворные, прилипли, как слепень, к задку или хвосту лошади и несутся неведомо куда, лишь бы не отстать от других. А кто робок и нерешителен, тот и вовсе опешил, потерялся, безнадежно отстав...

Самым лёгким способом дальше жить казался алкоголизм, который притуплял чувство ответственности за себя и своих родных. Добычей официально запрещённого «зелёного змия» стали миллионы...

У трезвых же граждан с каждым днём усиливалось ощущение надвигающейся масштабной катастрофы. Огромная лоскутная империя трещала по всем швам, всё чётче обозначался и кризис национальных отношений. Становилось очевидно: искусственный интернационализм со смешением традиций без прочной духовной основы подобен мине замедленного действия, способной сдетонировать в любой, самый неожиданный момент.

Часть третья

И снова запах войны

Глава 1

– Товарищ Багумян, что там у тебя на родине творится? – обратился на утреннем построении личного состава начальник штаба артиллерийского дивизиона к младшему сержанту Армену Багумяну. – Объясни тем, кто замутил эту фигню, чтобы не играли с огнём. А иначе будут иметь дело с такими воинами-интернационалистами, как я. Мы быстро заровняем всяких там экстремистов и сепаратистов...

Капитан Ещенко, невысокий, плотно сбитый, похожий на кабана человек с самоуверенным, нарочито горделивым лицом, принадлежал к типу армейских офицеров, которые стремятся повысить свой авторитет за счёт жёсткого прессинга, а нередко и унижения своих подчинённых. При случае он подчёркивал, что воевал в Афганистане, был контужен, а потому с ним шутки плохи. Его перевели в артиллерийский дивизион всего пару недель назад, но он уже успел «заровнять» группу «дедующих» кавказцев из первого взвода, заставив их ползать по-пластунски по плацу. Однако обретший репутацию «грозы авторитетов» Ещенко сразу упал в глазах Багумяна, когда, проверяя внешний вид солдат его отделения, вдруг потребовал щипцы для стрижки волос и неожиданно резким движением руки вырвал с затылка одного из новобранцев небольшой клочок волос, при этом нравоучительно изрекая: «У молодого солдата причёска должна быть сантиметр в глубину». Поражённый столь неадекватным поведением и циничной шуткой, младший сержант мысленно пообещал себе «заровнять» самого капитана Ещенко, указав на положенное ему по армейскому уставу место...

А пока, судя по всему, начштаба решил ещё чуток приподнять перед строем свой авторитет, распекая младшего командира вместе с его «мятежным» народом, однако допустил серьёзный тактический просчёт, будучи не знакомым с характером Багумяна.

В то время как сержант, следуя уставу, молчал (в строю не положено разговаривать, а тем более дискутировать), Ещенко, всё более воодушевляясь, продолжал давить:

– Мой друг служил у вас в Карабахе. Так вот, он рассказывал, что там люди как неотёсанные дикари, словно только что вышли из пещеры...

И тут произошло неожиданное: из строя раздался жёсткий и вызывающий голос:

– Ваш друг нагло брешет, товарищ капитан.

Ещенко вздрогнул, нервно передёрнулся и невольно отступил на шаг. Он, видно, понял, что переборщил, и лишь как-то скомкано произнёс в ответ:

– Мой друг не может врать...

– Он ответит за свои слова!

Багумян был весь багровый от гнева. Металл во взгляде и голосе сержанта обескуражил офицера. Таким растерянным его никто ещё не видел. Ещенко даже попытался отшутиться:

– Оказывается, вы опасный человек, товарищ Багумян...

То ли вследствие данного инцидента, то ли просто из соображений предосторожности, но вскоре военнослужащим армянской и азербайджанской национальности перестали выдавать боевое оружие и назначать в караул.

Командиру отделения артиллерийской разведки Армену Багумяну, верой и правдой служившему своей большой родине, за которую отдал жизнь его дед, было до боли обидно, что происходящие на его малой родине события⁸¹ преподносятся с кондачка, без желания вникнуть в суть дела, как результат происков экстремистов, разжигающих

межнациональные страсти и толкающих людей на беспорядки. Тем самым такие «интернационалисты», как Ещенко, подливали масла в огонь (некоторые, быть может, даже не понимая этого).

С каждым днём у Армена росло беспокойство и неодолимое желание быть рядом с родными и земляками, попытаться чем-то помочь им. Хотя до конца службы оставался почти целый год, он решил во что бы то ни стало перевестись служить в свой родной город, где закипала справедливая митинговая волна, которую пытались подавить высокопоставленные чиновники ЦК КПСС и бакинский политический режим...

Предчувствовал ли Армен, что всего через пару лет семидесятилетний колосс вдруг рухнет, не станет ни большой родины, ни её многонациональной армии, и многие обвинят в этом... его маленькую, крохотную в масштабах страны родину, которая, якобы, дала старт параду суверенитетов⁸² и положила начало развалу огромной советской империи...

Глава 2

Диана, сестра сослуживца Армена Роберта Аванесяна, никогда не забудет вечер 28 февраля 1988 года, когда, выйдя на балкон, она увидела, как во двор въехал грузовик, откуда с шумом выпрыгнула группа молодых мужчин в чёрном. В руках у них были металлические прутья. Они начали что-то выяснять у жильцов первых этажей. Было видно, что те пытаются отвести их от дома, указывая куда-то через здание напротив. Но молодчики не хотели уходить, по всей видимости, не доверяя словам жильцов...

Когда отец молча достал из ящика топор и встал у двери с выражением отчаянной решимости на лице, до Дианы наконец дошла суть происходящего, и она сильно испугалась. Вдруг в прозрачной белой дымке появился образ матери с протянутыми для объятия руками. Ещё будучи совсем маленькой девочкой она знала, что мама живёт на небесах, наблюдает оттуда за ней, очень любит её и никогда не даст в обиду...

Диана подошла к отцу и попросила... убить её. Что-то жалкое и беспомощное вдруг мелькнуло на твёрдом лице отца, но он быстро взял себя в руки: «Дочка, я буду защищать тебя до последнего... Но ты знаешь, что должна сделать, если они ворвутся в наш дом...»

Они жили на пятом этаже, и Диана знала, что если погромщики вломятся к ним, то она выбросится с балкона...

В это самое время недоброе предчувствие охватило её брата Роберта, смутная тревога всё сильнее стала теснить грудь... Ситуация, в самом деле, была страшная и одновременно абсурдная до безумия: пока солдат защищал общую родину, там, в городе, где он родился, грозились вырезать его семью...

То, что творилось в течение трёх дней в Сумгаите, Эрик сравнит в своей поэме с эпидемией чумы. В качестве эпиграфа к скорбному произведению он выбрал слова Альбера Камю из романа «Чума»: «Микроб чумы никогда не умирает, никогда не исчезает... Он может десятилетиями спать где-нибудь в завитушках мебели или в стопке белья, он терпеливо ждёт своего часа в спальне, подвале, в чемодане, в носовых платках и в бумагах, и, возможно, придёт на горе и в поучение людям такой день, когда чума пробудит крыс и пошлёт их околевать на улицы счастливого города».

Ужаснее всего в Сумгаите было то, что микроб вражды и ненависти был возбуждён самими людьми, действовал избирательно, выбирая в качестве своих жертв лишь армян. Сознание «обычного советского человека» отказывалось верить в происходящее, так как двухсоттысячный промышленный Сумгаит слыл интернациональным рабочим городом. Азербайджанцы, русские, армяне, люди других национальностей жили и трудились рядом, не особенно задумываясь о том, что вирус ненависти и вражды к иноверцам, буйствовавший ещё не так давно, во времена младотурок⁸³, не умер, не исчез, а всего лишь был искусственно загнан на задворки сознания и рано или поздно должен напомнить о себе...

Чума развивалась канонически. Её тревожные симптомы появились тогда, когда к армянским кварталам стали подвозить на грузовиках бульжники, впоследствии использованные для погромов и убийств.

Первый день чума действовала вслепую, сметая на своём пути всё без разбору (разумеется, только армянское). Вирус ненависти, смерти и разрушения воцарился над городом: ослеплённые, зачумлённые толпы молодчиков врываются в дома армян, убивали с садистской жестокостью – палками, камнями, железными прутьями...

Затем микроб алчности взял своё – в последующие два дня разыгравшегося ада убивали только людей, оставляя в сохранности имущество. А в конце стали уничтожать следы преступлений – вывозить разбитое имущество, а сожжённое – смывать водой...

Опасаясь того, что о чуме на национальной почве узнает мир, официальные органы Советского Союза поспешили в привычном для себя стиле наложить табу на тему «Сумгаит», искусственно расчленив содеянное на отдельные преступления и квалифицировав их как «стихийно совершённые разбушевавшейся толпой хулиганов», тем самым встав на сторону чумы, забыв о её способностях воскресать и повторяться...

Глава 3

Элеонора всерьёз задумалась о судьбе своих уже пожилых родителей. После того, как вышли замуж и две другие дочери, Эмма и Ангелина, переехав жить, одна – в Ростов-на-Дону, а другая – в Краснодар, Борис и Эвелина остались в Баку без близкой родни. Но когда старшая дочь заговорила о намерении вывезти их к себе, Борис Левонович запротестовал, уверяя, что в городе все знают его и никто не осмелится тронуть. При этом отец скрыл от дочери, что однажды ночью он проснулся от треска разбитого стекла и нашёл под окном столовой обёрнутый в бумагу камень. Развернув бумажку, прочитал: «Убирайтесь отсюда, это наш дом». Зловещую записку он не показал даже супруге, а случившееся списал на хулиганов.

И таких, как Борис Левонович, в городе было немало. Они не верили, что «Сумгаит» может повториться в «цивильном и мультикультурном» Баку, и были искренне убеждены, что во второй раз власти подобного не допустят. Но уже к концу 1989 года в воздухе «интернациональной» столицы запахло приближающейся бедой...

Алек с Элеонорой стоило немалых усилий убедить Бориса Левоновича выехать из города, в котором он достаточно счастливо прожил свою молодость, создал надёжную семью и тёплый кров, стал настоящим мастером своего дела, щедро делаясь при этом своими умениями и талантами с окружающими людьми разных национальностей и поколений...

В Баку Алек полетел один, через Москву. По дороге из аэропорта он заметил кучкующихся здесь и там людей. Усатый шофёр в кепке-аэродроме был угрюмо молчалив, явно не собиравшись что-либо объяснять. Рядом с кинотеатром «Дружба», почти в самом центре города, группа молодёжи, на вид студентов, выкрикивала в адрес армян непристойности и угрозы. До слуха Алека дошло, что город заполнен бездомными беженцами из Армении, в то время как армяне живут в комфорте...

Борис обнял зятя, как родного сына после долгой разлуки, крепко прижал к груди и прослезился. Судорожно всхлипнув, Эвелина прильнула к ним сбоку и беззвучно зарыдала. Сам Алек едва держался, чтобы не дать прорваться эмоциям.

Жалко сгорбившись, тёща, успевшая заметно состариться за последние несколько месяцев, стала упаковывать с блестящими от слёз глазами вещи – самые необходимые и дорогие душе, которые нельзя было оставлять в прошлом, неведомо кому. Перекладывая в пакет фотографии из большого семейного и детских альбомов, Эвелина вновь залилась слезами...

Квартиру вместе с отменной мебелью ручной работы и дорогой утварью Левон Борисович продал знакомому азербайджанцу Закиру почти за бесценок. Зато тот взялся лично вывезти их из города на своём бортовом УАЗе.

По дороге встретилась беспокойная толпа молодёжи. Сразу почуяв недоброе, Закир резко развернул машину и поехал на большой скорости по объездной дороге. Вслед раздалась неистовые крики и дикий свист.

На окраине города дорогу преградил человек с автоматом на плече в спортивном костюме. Проезжую часть более чем наполовину закрывала сооружённая из мешков с песком полутораметровая стена. Рядом на тротуаре сидели ещё несколько вооружённых небритых людей в гражданской одежде. Они больше напоминали жаждущих добычи бандитов, чем стражей порядка.

Алек незаметно передал Закиру пачку денег, тот вышел и направился к автоматчику. Несколько минут, пока они, отойдя за искусственную стену, переговаривались, показались сидящим в машине вечностью. Автоматчик, лохматая голова которого возвышалась над сложенными друг на друга мешками, то и дело оборачивался, пристально и недобро всматриваясь в сторону машины. Он о чём-то спорил с Закиром.

Наконец последний повернулся и стал возвращаться обратно, с трудом сдерживая улыбку удовлетворения.

– Пронесло, – Закир упал на своё сиденье, словно в изнеможении, – больше никаких препятствий не должно быть.

Все облегчённо вздохнули. Борис с удивлением заметил, как его жена трижды перекрестилась и тихо прошептала слова благодарности Богу.

Вскоре за спинами супругов исчез теперь уже не родной город, неожиданно сменивший солнечную улыбку на хищный оскал. Сложившаяся за столетия многотысячная армянская община Баку⁸⁴ в одночасье прекратила своё существование. Армяне покинули некогда, в самом деле, интернациональный город, оставив в нём плоды своего труда и сотворённые многими поколениями культурные и материальные ценности, свои дома и имущество, могилы близких и частицу себя. С корнями, безжалостно, словно дерево во время смерча, вырвали их из привычной среды обитания.

Естественно, по-разному восприняли бывшие бакинцы освободительное движение в Нагорном Карабахе. Те, кто не утратил чувства национальной и просто человеческой гордости, – с пониманием и сочувствием. Многие из них присоединились к справедливой борьбе карабахцев. Некоторые же считали её неправомерной и видели в ней причину обрушившихся на них бед...

Глава 4

Утро в Степанакерте начиналось не со звонка будильника, оповещающего в заданный момент времени о том, что пора вставать и собираться на работу или в школу. Взамен весёлой приветственной трели птиц, рассвет приходил в город вместе с оглушительными взрывами.

Обстрел вёлся из дальнобойного орудия. Кто-то утверждал, что это морская пушка, другой с видом знатока доказывал, что это гаубица с удлинённым стволом («А как же?! Ведь только из такого дула можно стрелять так далеко!»), а третий и вовсе рассказывал о каком-то невиданном новом оружии. Но какая разница, из чего умерщвлялись люди, к тому же безвинные? Ведь орудие это было нацелено не на военные объекты и солдат противника, а на женщин, детей, стариков, не имеющих к боевым действиям абсолютно никакого отношения.

Сам смертоносный снаряд даже казался «гуманнее» людей, вернее, нелюдей, запускающих его: ещё в воздухе, набирая во время полёта скорость (а точнее, резко меняя

её), он словно предупреждал о своём появлении, издавая грохот, подобный тому, который бывает при разрыве. После этого «первичного разрыва» люди, спавшие вполглаза, прямо в одежде, вскакивали, спешно покидали свои квартиры и спускались в подвал. Среди них была и Кнар. Эрик чуть ли не насильно привёз её к себе из соображений безопасности, хотя, как оказалось впоследствии, в этом отношении в деревне было гораздо надёжнее, чем в городе. Пожилые люди, как ни странно, более эмоционально реагировали на обстрелы, проклиная на чём свет стоит невидимого врага и отправляя в ответ на пушечные ядра убийственные слова в его адрес. Кнар не отставала от других. Более того, её брань была приправлена грубым деревенским колоритом и звучала крайне неестественно в устах хрупкой старушки. Впрочем, в городе она долго не задержалась, через неделю вернулась к себе. Уговоры сына теперь не помогли. Она была непреклонна: «Нужно присматривать за домом и хозяйством».

Тем временем в городе день ото дня усиливались обстрелы. Сменив относительно безобидные снаряды противораковых ракетных установок «Алазань», из высокогорных позиций противника на Степанакерт посыпался смертоносный «град»⁸⁵. Когда в небе стали появляться вражеские бомбардировщики, люди переселились (на долгие месяцы) в сырые и тёмные подвалы. Приходилось терпеть невыносимые тяготы и лишения: больные оказались без лекарств, не хватало куска хлеба, а воды порой элементарно недоставало на то, чтобы сварить чай. Бывало, уходил человек за водой и больше не возвращался – люди погибали от обстрелов прямо в очереди у городского родника. Не было дня и даже часа, чтобы не лилась кровь. Она омывалась бессильными слезами уцелевших родных и близких.

Больше всех страдали дети. Их хрупкая, несформировавшаяся психика крайне болезненно реагировала на регулярно повторяющийся режущий свист летящих и дикий грохот разрывающихся снарядов. Некоторые попросту не выдерживали...

Малыши не видели солнца, лишились простой возможности порезвиться на свежем воздухе, поиграть в свои нехитрые игры. Взамен они научились безошибочно определять по звуку летящего снаряда тип его и вид оружия, из которого производился смертельный выстрел...

Глава 5

Лара болела. Симптомы тяжёлого недуга, название которого Эрик старался не произносить даже про себя, появились незадолго до народных волнений в области и последовавших со стороны республиканских властей репрессий, в результате которых армянский край оказался в полной блокаде. Эрик буквально не находил себе места от беспокойства и обиды. Небывалое ощущение беспомощности глодало его изнутри, он вновь чувствовал себя сиротой, как когда-то в детстве... Ещё пару недель назад при посредничестве друзей Эрик договорился с известным врачом-соотечественником в Риге об операции. Стали собираться в дорогу. Но могли ли они предположить, что в считанные дни ситуация резко изменится, и целая область вдруг окажется зажатой в кольцо, прорвать которое формирующимся отрядам самообороны удастся лишь через два года, пробив спасительный гуманитарный коридор⁸⁶.

Когда двенадцать лет назад уже достаточно большой семье Эрика Багумяна наконец выделили новую, просторную квартиру (весьма комфортного ленинградского проекта), единственное, что могло вызвать упрёк, – это последний, пятый этаж: долго подниматься, слабый напор воды, особенно по утрам и вечерам, неприятная перспектива износа крыши... Окрылённый Эрик, наоборот, отмечал преимущества: отсутствие вечно мешающих соседей сверху, шума канализации и риска стать жертвой затопления квартиры из-за чьей-то невнимательности, возможность использования чердака в качестве подсобки, да и воздух наверху чище. «Орлы любят высоту», – шутил счастливый хозяин.

Но как-то про себя подумал: «Лишь бы с воздуха не бомбили». Однако тогда, в эпоху «развивающегося», обещающего светлое будущее социализма, это казалось просто невероятным, и Эрик быстро забыл о шальной мысли. Теперь же она вдруг стала страшной реальностью: город время от времени бомбил вражеский самолёт, обычно по ночам. Однажды бомба упала в самом центре города, прямо на чей-то собственный домик около одной из городских школ. Старый дом целиком ушёл в землю, а на его месте образовалась ужасная котловина, на дне которой торчал остов железной кровати, точно кинжал, вонзённый в грудь жертвы...

Несмотря на ежесекундную угрозу жизни, спускаться в подвал Лара не хотела. Эрик не пытался уговорить её, так как прекрасно понимал, что угрюмая атмосфера подвала, полумрак, сырость, теснота и, наконец, элементарная нехватка кислорода лишь ускорили бы развитие болезни. Пока Анаит с Астхик вынужденно прятались в подвале, Эрик не отходил от супруги. А когда начинался зловещий свист снарядов в воздухе, он ложился рядом и крепко обнимал её, словно это могло бы спасти их...

Однажды Лара заснула прямо перед самым началом обстрела. Её не разбудил ни дикий звук рвущего воздух снаряда, ни страшный грохот разрыва. Пронесло и на этот раз, но теперь Эрика испугало выражение неземного покоя на лице супруги, он прислушался к её дыханию. Оно было ровным и безмятежным.

Эрик не стал будить жену. От неё исходило необычное внутреннее умиротворение. Да и кругом вдруг воцарилась поразительная тишина, не было слышно даже обычного после обстрела шума, когда люди ненадолго выходили из своих убежищ узнать о последствиях и эмоционально комментировали увиденное. А может, эта райская тишина лишь почудилась?..

Они не поняли, сколько времени это продолжалось – минуту или целый час, но очнулись одновременно. Лара как-то виновато посмотрела на Эрика и попыталась улыбнуться... Это было жалкое и тусклое подобие былой её солнечной, полной жизни улыбки. Подобно горевшей в военные вечера свече, Лара таяла на глазах, теряя день ото дня свою необычную красоту, которой так щедро одарила её природа...

Глава 6

Сержанту Багумяну оставалось служить всего полгода, но он уже сейчас рвался домой. Из письма младшей сестры Армен узнал о болезни матери. Родине грозила смертельная опасность, мать тяжело болела. Разве мог сын оставаться безучастным?..

Сержант подал рапорт на имя командира воинской части с просьбой о переводе служить в родной город, где дислоцировался гвардейский мотострелковый полк советской армии. Однако Армен знал, что если рапорт не удовлетворят, то он всё равно самовольно оставит часть и самостоятельно доберётся до своих, чего бы это ему ни стоило.

Не дожидаясь официального решения по рапорту, Багумян подошёл к замполиту дивизиона майору Чернобаеву и откровенно рассказал ему обо всём. Замполит уважал сержанта за высокую дисциплину, ответственность и грамотность. Армен помогал ему проводить политзанятия, нередко заменял его, готовил дивизионную стенгазету. Внимательно выслушав Багумяна, Чернобаев направился к командиру дивизиона.

Подполковник Федоренко был не только опытным офицером и строгим командиром, но и достаточно мудрым человеком.

– Нам всё равно его не остановить. Если не отпустим документально, то сбежит. Тогда нам придётся отвечать по полной и с довеском, – сказал он, пообещав решить вопрос с вышестоящим начальством.

Через два дня Федоренко вызвал к себе Багумяна вместе с командиром батареи капитаном Митрофановым.

– Товарищ сержант, с точки зрения воинского этикета мы, конечно, поступаем не совсем правильно. Но... но по-человечески я вас понимаю. На днях мы оформим документы, а пока идите служить и ни о чём другом не думайте.

На следующий день командиру дивизиона доложили, что сержант Багумян просит, чтобы его повторно приняли. Армен был не один, рядом с ним стоял рядовой Роберт Аванесян. Посмотрев в грустные, полные отчаяния глаза солдата, Федоренко сразу понял всё...

Через неделю Багумяну и Аванесяну были выданы предписание и аттестат на продовольствие сроком на четыре дня, до прибытия в мотострелковую часть в Степанакерте.

Молодые люди отправились в далёкий путь на поезде с крайне сложными и противоречивыми чувствами. Вместо естественного радостного волнения от предстоящей после долгой разлуки встречи с родными и близкими их обуревали разные тревоги и сомнения, обида, возмущение и гнев. Особенно тяжело было Роберту, он ехал, по сути, в никуда: дом достался чужим, а о судьбе отца и сестры не было никаких вестей. Армен старался успокоить товарища, а сам то и дело нервно сжимал кулаки. Решили вместе поехать сначала в Степанакерт, домой к Армену, и там попытаться узнать что-либо о родных Роберта...

Мерный стук колёс и покачивание-убаюкивание вагона не действовали на ребят умиротворяюще. Внезапные приступы беспокойства и бессильной ярости сменялись проблесками надежды на то, что ещё можно что-то предотвратить, исправить, вернуть...

Глава 7

Степанакерт был совершенно не похож на себя. Всегда опрятный, зелёный, уютный и весёлый город сейчас имел вид большой, полуразрушенной, заваленной всяческим мусором деревни. Побитые здания стояли понуро, хмуро глядя на холодную улицу тусклыми глазницами окон, обтянутых целлофановой плёнкой вместо стёкол.

Блокада и регулярные артиллерийские обстрелы привели к закрытию заводов и фабрик, школы не работали, не функционировал общественный транспорт. Вместо автомобилей на улицах города можно было увидеть коров, небольшую отару овец. Трагический, казалось, нескончаемый рёв осла нагонял на людей ещё большую тоску и чувство беспросветности. А первые петухи в городе начинали переключку ещё до наступления полуночи: не спалось и птицам, и они перестроились на военный лад.

Необычную картину «деревня в центре города» довершал всадник на коне – беженец, вернее ВПЛ – внутренне перемещённое лицо, человек, который вынужден был покинуть свой дом, спасаясь от смертельной опасности. В Степанакерте таких было много, город не был готов принять их, и ютились они где попало. Порой местом для ночлега им служил городской газон, на котором днём пасся пригнанный из деревень скот. Но, как водится, град бьёт по битому месту: именно эти люди чаще всего становились жертвами беспорядочных вражеских артобстрелов и бомбёжек...

Единственная связь с внешним миром поддерживалась на вертолётах через горы. Винтокрылая машина, рискуя собственной безопасностью, доставляла в город медикаменты и гуманитарную помощь, а отвозила в Ереван тяжелораненых, в надежде, что столичные врачи сумеют спасти им жизнь.

На таком вертолёте Армен и Роберт пробились на свою зажатую в кольце и истекающую кровью родину. Предки Роберта тоже были карабахские, хотя он сам родился в Сумгаите. Парень в душе очень надеялся, что отец и сестра сумели вырваться из

ада и найти приют в старом дедовском доме в деревне, куда раньше они беззаботно приезжали летом отдыхать...

Глава 8

Мать едва узнала сына.

– Армен? – тихий вопрос прозвучал не как удивление по поводу его неожиданного появления, а как сомнение, он ли это вообще...

Нет, сын не слишком изменился. Конечно, он возмужал, стал шире в плечах, но лицом остался почти прежним, даже усы под дембель не стал отращивать, как это делали многие старослужащие, в особенности кавказцы.

У Армена остро кольнуло сердце, в глазах потемнело. Он невольно отвёл взгляд от незнакомого, сильно исхудавшего и измождённого лица матери и беспомощно посмотрел на отца. Тот обнял сына, поспешив спрятать своё по-детски растерянное лицо у него на плече.

От прежней Лары остались только огромные каре-зелёные глаза. Но в них уже не было блеска жизни, а только боль, грусть и безысходность. Болезнь, словно ненасытный вампир, высосала жадно и беспощадно все соки из своей жертвы. Прекрасный цветок, разливавший вокруг восхитительный аромат любви, радости и покоя, засохнул... У Лары не хватало сил даже обнять сына...

Армен не заметил, как вдруг оказались рядом сёстры и, прильнув к нему, разразились плачем. Не сумел сдержать слёз и отец. Небритый и осунувшийся, с тёмными кругами под глазами от бессонных ночей, он как-то сжался, стал, казалось, меньше ростом. Таким подавленным и потерянным Армен не видел отца никогда – он с трудом справлялся с навалившимся горем...

Происходившее казалось Армену нереальным. Всего за пару суток езды на поезде и час полёта на вертолёте он, словно на машине времени, оказался в совершенно другом измерении. Призывником он покинул родной очаг полтора года назад и с тех пор не видел своих родных и даже не слышал их голоса. Тогда все были веселы, здоровы, полны мечтаний и надежд на будущее. Родители старались дать своим чадам всё самое лучшее, не жалели усилий и средств для правильного воспитания и разностороннего развития. У каждого из детей были свои планы на учёбу и будущую профессию: Анаит уже училась на четвёртом курсе филологического факультета и собиралась стать учительницей языка и литературы; Астхик готовилась поступить в медицинское училище, а сам Армен планировал после армии поступить на факультет журналистики. Он унаследовал от отца творческие задатки: в школе писал заметки для стенной газеты, сочинял небольшие рассказы... Теперь всё в одночасье изменилось, перевернулось с ног на голову. Время, казалось, взбунтовалось, восстало против вечности. Результатом яростной борьбы явилось безвременье. Сама человеческая жизнь висела на волоске, и каждый теперь старался уберечься от шального осколка или прицельной пули, не остаться под руинами от бомб, не умереть вот так глупо и абсурдно. Мечты сузились до чашки горячего чая, тарелки наваристого супа и удобной постели... Нет, не мечты, а элементарные надежды – на следующий день, час, минуту и миг, которые с большой долей вероятности просто могли не настать...

Отправив сестёр в подвал и не сумев уговорить отца спуститься вместе с ними, Армен остался с родителями в квартире, не отапливаемой и лишённой электрического света. Он осторожно присел на кровать рядом с матерью, борясь со спазмами в горле. Сын не хотел показаться слабым перед родными – ведь он боец, их защитник. Но комок всё подкатывал к кадыку...

Отец сел в кресло у кровати и неожиданно заснул, склонив голову набок. Видно, силы окончательно оставили его, измождённого ночными бдениями и переживаниями. Свою роль наверняка сыграло и присутствие сына: теперь можно было немного успокоиться и расслабиться, передав на время ему дежурство у постели больной. Во сне Эрик время от времени вздрагивал и тяжело вздыхал.

Несмотря на нечеловеческую усталость, овладевшую телом и разумом от долгого и тяжёлого пути, а ещё больше – от увиденного дома, Армен всю ночь не смыкал глаз. Он бережно держал прозрачную руку матери. Истощённая (настолько, что не могла разговаривать с сыном, с которым раньше днями и ночами мысленно беседовала), Лара лишь периодически слабо сжимала его огрубевшие за время службы пальцы, по всей видимости, давая понять, что она в сознании и не стоит волноваться. Иногда даже пыталась улыбнуться, скорее, чтобы скрыть боль, грызущую её изнутри. Лара никогда не показывала своей боли, не делилась ею и, наверное, потому так рано угасла...

Армен вспомнил, как часто мать, по поводу (например, когда он приходил домой с ушибами и ссадинами после игр во дворе) или без, просто от полноты любви и нежности, произносила с разными в зависимости от ситуации оттенками в голосе: «Цавт танем» («Возьму твою боль»). Видно, слишком много чужой боли взяла она на себя. Её маленькая, невесомая и беспомощная сейчас рука неизменно дарила окружающим радость и тепло, никогда не уставая и не оскудевая. Но теперь ненасытная болезнь заявляла свои права на эту заботливую и любящую руку, и она медленно уступала ей. Армен готов был взять всю боль матери без остатка себе. Но как?..

На столе медленно таяла свеча, истекая горячими восковыми слезами. Сын держал безвольную руку матери в своей крепкой ладони и мучительно думал: «Разве эта святая женщина заслуживает таких странных и ужасных мучений?..»

А ещё он пытался понять, в чём секрет жизненной силы, где она берёт своё начало и куда вдруг уходит...

Глава 9

Предрассветную тишину взорвал невообразимый грохот. Город встрепенулся всем телом, миг проснулся, закричал, задрожал.

Армен, который только под утро забылся тревожным и зыбким сном, бросился прикрывать собой мать, как это делает в минуту смертельной опасности боевой командир, спасая молодого и неопытного солдата. Столь же самоотверженно поступил отец, поспешивший обезопасить не себя, а свою половинку: он в свою очередь лёг грудью на спину сыну с широко раскрытыми руками, тем самым пытаясь заслонить как супругу, так и сына. Смерть миновала их, и не верилось, не хотелось верить, что рядом, буквально в соседнем доме калечились и угасали чьи-то жизни...

Но Лара не могла долго терпеть выпавшие на её долю страшные мучения, да и не хотела, очевидно, ставить под угрозу жизнь родных, не отходивших от неё. На третий день после приезда сына, не дожидаясь очередного смертоносного рассвета, она ушла в иной, наверное, лучший мир. На прощание Лара явилась вздремнувшему Эрику молодой и полной жизни. Прекрасное её лицо озарялось необычным светом, похожим на солнечный блеск. Эрик явственно ощутил нежное прикосновение к своему плечу и вскопчил с кресла. Армен в это время пытался прощупать пульс на холодеющей руке матери. Всхлипнув, отец обнял голову сына, крепко прижав к своей груди. Он дал волю своим слезам. По-стариковски опустившиеся его плечи содрогались нервной дрожью. Когда вдруг появились Анаит и Астхик, Эрик вовсе перестал сдерживать себя и стал трястись в прерывистых рыданиях. Девушки тоже заревели. На шум поднялись из подвала две соседки и, невольно застыв у порога квартиры, тихо и растерянно запричитали.

Армена душили боль и обида, слеза пробивалась наружу, но он боролся с ней – вновь не хотел показаться беспомощным и побеждённым...

Прощались с Ларой всем двором. Презрев ежеминутную угрозу обстрела, люди, даже подростки и дети, вышли из подвалов. Взрослые и не пытались возвращать их обратно в укрытие. И это было торжеством жизни над смертью, которая, забрав измученное болезнью тело, была бессильна перед святой душой любимой и почитаемой всеми женщины-матери...

Глава 10

Несмотря на уговоры Армена, Роберт не стал задерживаться в Степанакерте и прямо с вертолётной площадки в окрестностях города отправился искать своих родных в деревню. Интуиция, которая, как известно, обостряется в минуты опасности и эмоциональной нестабильности, подсказывала ему, что они должны быть там...

До деревни было километров тридцать. Рассчитывать на попутный транспорт не приходилось – на просёлочных полувоенных дорогах случайных машин не было. Давно уже миновал полдень, и нужно было спешить, чтобы успеть к вечеру. Роберт знал дорогу – в детстве, когда были ещё живы дедушка с бабушкой, он каждое лето проводил в деревне школьные каникулы. Но теперь время было лихое – чтобы попасть в родную деревню, нужно было пройти через азербайджанское селение, которое за последние годы успело расшириться и разрастись до самого настоящего посёлка, вклинившись между областным центром и другим армянским городом и превратившись теперь в искусственную разделительную преграду. Более того, отсюда периодически обстреливался Степанакерт и делались набеги на ближайшие армянские деревни с целью угона скота...

Но Роберт сейчас не думал об опасности, он был одержим желанием поскорее найти своих родных, убедиться, что с ними всё в порядке, и избавиться от удушающего чувства страха потерять их, от гнетущего ощущения собственной несуществующей вины...

Удивительно, но он не чувствовал никакой усталости, словно не было долгой дороги, бессонных ночей и изнуряющих переживаний. Даже увесистый рюкзак на спине казался невесомым.

Чтобы сократить путь, он пошёл по дикому, необработанному полю, ещё рыхлому после ночного дождя. Юноша не замечал, как колючие кустарники царапали ботинки и цеплялись за голень брюк, то и дело протыкая одежду и вонзаясь в плоть. Роберт не чувствовал даже боли – что-то очень сильное, горящее внутри гнало его в неизвестность. Вдруг заросли неподалёку зашевелились и разразились детским плачем. В пронзительном вое шакала были какие-то весёлые, издевательские нотки. Роберт ускорил шаг. Наконец он вышел на грунтовку. Она казалась заброшенной и пустынной. Но едва парень сделал пару десятков шагов, как сбоку вдруг раздался грубый и требовательный возглас: «Стой!» К Роберту воинственно и молодцевато приближался спецназовец в краповом берете и коротким автоматом на плече. Из стоящего под ближайшим деревом военного УАЗа вышел ещё один, высокий и плечистый военнослужащий.

– Проверка паспортного режима. Предъявите документы, – на крупном суровом белобрысом лице омовца⁸⁷ мелькнуло выражение удивления: перед ним стоял военнослужащий советской армии с грязными ободранными ботинками, но с уверенным и несколько вызывающим взглядом, какого не бывает у дезертира.

Роберт достал из внутреннего кармана кителя военный билет и предписание.

Взяв документы, спецназовец отошёл к своему товарищу, видно, старшему по должности. Тот перелистал военный билет, затем впился в бумагу внимательным взглядом.

– И куда направляетесь, рядовой Аванесян? – спросил плечистый, в два шага приблизившись вплотную к Роберту.

– Завтра я должен явиться на новое место службы, а пока... я ищу своих родных, – произнёс Роберт и после паузы добавил: – Они беженцы из Сумгаита. Скорее всего, в деревне приютились.

Омоновец повертел в руках документы и прямо спросил:

– Служивый, а ты знаешь, что рискуешь жизнью?

Роберт ничего не ответил. В глазах спецназовца читалась борьба с самим собой. Наконец он протянул обратно документы и произнёс:

– Садись в машину. Так и быть, подбросим до деревни. Но учти, обратно самому придётся добираться...

Глава 11

Роберт забрался на заднее сиденье, положил рюкзак под ноги. Только тут он понял, насколько измождён и измотан, однако оголённый инстинкт самосохранения блокировал рецепторы, отвечающие за усталость, и не позволял окончательно расслабиться. Сдаваться сейчас было всё равно как если бы марафонец, одолевший десятки километров, вдруг сошёл с дистанции на финишной прямой, за несколько метров до заветной линии...

Белобрысый омоновец лихо сел за руль, а второй поместился рядом на переднем сиденье, немного вторгнувшись своим левым богатырским плечом в водительское пространство. Дверцы с шумом захлопнулись, мотор заурчал низким рокотом. Словно нехотя, машина тяжело тронулась с места и выехала из-под развесистой кроны дерева на просёлок, беспощадно сминая густую траву.

Через некоторое время вдалеке обозначились очертания поселения.

– Сиди тихо, не светись, – не оборачиваясь к нежданному пассажиру, произнёс обладатель косой сажени в плечах.

Роберт невольно изменился в лице, молча сжав от обиды кулаки.

Въехали в азербайджанский посёлок. Ещё год назад это было небольшое, ничем не приметное село со скучными крестьянскими лачугами. Сейчас оно напоминало огромную строительную площадку: всюду лежали горы кирпича, мешки с цементом, пиломатериалы. Как грибы после дождя выросли крепкие и добротные дома. Роберт непроизвольно стал считать новостройки, но вскоре сбился со счёта...

– Да, не на шутку разогнались...⁸⁸ – не удержался он.

– Сюда массово переселяют турков-месхетинцев из Ферганской долины Узбекистана⁸⁹, – отозвался водитель. – Говорят, «здесь город будет заложен назло надменному соседу»⁹⁰.

Роберт призадумался и ответил:

– Чрезмерная прыть к добру не приводит. Порохом всё это пахнет...

Проехав застраиваемый в экстренном порядке город, машина остановилась на просёлке.

– Ну, браток, отсюда ты уже сам как-нибудь. Будь осторожен, – напутствовал верзила.

Роберт спешился, поблагодарил ребят, пожал им руки, и, взвалив на спину, казалось, потяжелевший рюкзак, продолжил свой путь. Поднимаясь по пригорку, он увидел идущую впереди себя нервную, уродливо вытянутую тень и невольно вспомнил отрывок из стихотворения Эрика Багумяна (Армен постоянно носил книжку отца во внутреннем кармане военной куртки и иногда читал на досуге стихи своему товарищу):

«...А тень моя наверняка,
Меня опередив, беспечна и легка,

Сумеет покорить твою вершину,
Крутая и надменная гора.
...Ведь на плечах у тени
Нет бремени моих земных забот...»

По мере приближения к дедовской деревне сердце билось всё быстрее...

Глава 12

На окраине деревни, возле родника, Роберт увидел корову, размеренно жующую сочную траву и одновременно лениво отгоняющую хвостом назойливых мух. Спокойствие мирно пасущегося животного вдохновило юношу, однако он не стал спешить. Положив рюкзак на большой плоский камень у изголовья родника, Роберт нагнулся и, сложив ладони лодочкой, зачерпнул студёной воды, с наслаждением ополоснул лицо и шею. Попив и наполнив по армейской привычке свежей водой баклажку, он сел под старым развесистым дубом, чтобы собраться с мыслями и совладать с неожиданно нахлынувшим чувством, граничащим с растерянностью: Роберт боялся не застать родных в деревне.

Немного успокоившись, он не заметил, как задремал, прислонившись к рюкзаку, а когда открыл глаза, то увидел перед собой библейского вида белобородого старика с посохом в руке.

– Чьих родов будешь, сынок? – спросил дед, изучая с внимательным прищуром незнакомца.

– Мы из рода Аванеса, – ответил Роберт, вставая с выступающего над землёй кряжистого корня векового дерева. – Аванесанц Григора внук я.

Старик сосредоточенно наморщил лоб, очевидно, стараясь вспомнить что-то. И вдруг его лицо разгладилось и просветлело.

– Вай, матах иним кез⁹¹, так ведь мы родственники! – воскликнул с радостным удивлением дед. – Иди, я обниму тебя.

Старик заключил юношу в свои жёсткие объятия.

– Эх, жаль, что так всё получилось. Жили себе люди, трудились как муравьи, а в итоге ни с чем остались...

– Вы о ком, дедушка?

– Мы всей роднёй помогаем Алёше встать на ноги, каждый чем может.

Услышав имя отца, Роберт замер на мгновение, словно не веря происходящему. Дед продолжал:

– Ещё спозаранку я отправил им крынку парного молока – девочка хворает, ей это полезно...

Роберт вдруг прослезился, схватил грубые морщинистые руки старика и стал осыпать их благодарными поцелуями. Дед удивился такой реакции юноши, не подозревая, какие важные сведения сообщил ему.

Ощувив прилив неведомо откуда появившихся сил, Роберт схватил рюкзак и побежал вверх по холму, утыканному невзрачными домиками.

«Живы! Спаслись!» – радостно пульсировало у него в мозгу.

Изумление на лице старика стало уступать какому-то благостному выражению, какое, наверное, бывает у святых во время откровений. Он, видно, нашёл объяснение странному поведению парня...

Глава 13

Казалось, жизнь делала всё, чтобы убить в Эрике поэта, заставить замолчать его утончённую душу. Однако заложенное в нём природой поэтическое начало, преодолевая различные испытания, со временем лишь укрепилось и развилось. Но трепетное человеческое сердце способно поддаваться сомнению, сжиматься от страха или боли, и одного лишь таланта, пускай и подкреплённого знанием и мудростью, вряд ли хватило бы для выполнения великой и благородной миссии поэта, мечтающего изменить мир вокруг себя. И тут на помощь пришла сама Любовь. Поэзия, вдохновляемая и подпитываемая божественным началом любви, стала дыханием Эрика, своеобразным кислородом для его души. Но теперь, потеряв свою половину – Лару, земное воплощение этого начала любви, Эрик задыхался, как рыба, выброшенная на берег. Любовь оказалась для него куда важнее и дороже честолюбия поэта и его возвышенных целей.

«У сердца ли, под сердцем – шрам на шраме, / Незаживающая в сердце рана...», – писал Эрик теперь уже не прежним каллиграфическим, а неровным нервным почерком. – «Увы, недолго длилась наша встреча: / Растаяла ты на моих глазах, / Свече подобно. Но любовь твоя / В израненной душе моей не гаснет...»

Эрик искал утешения в собственной боли, всё глубже погружаясь в неё. Он мучительно старался уничтожить невидимую преграду, которая разделила его душу на две части: светлую – от воспоминаний и тёмную, в которой отражалась горькая действительность. Он стремился к Ней: «Родная, жди меня, не дам тебе / На вечности ветрах одной замёрзнуть... / Иду к тебе, иду – продолжим мы / Путь прерванный наш к свету и теплу...»

Лирические излияния возбуждённых чувств, как анальгетик, на время приглушали боль, притупляя чувство реальности и приукрашивая действительность. Но вскоре вновь охватывало безнадежное, сосущее одиночество.

«Ты подарила строке моей Трепет, мысли – Свет, биению сердца – Надежду...» Нежные строки вдруг сменялись чёрной тоской и отчаянием, мысли теряли стихотворный облик, записываясь лихорадочными предложениями: «С грустной песней, болью и свежими ранами пришла новая осень. Пахнет дымом и порохом... Как тоскливо: в ущельях реки не бурлят, на лугах и пригорках не пасутся телята, стаи птиц улетели из девственных лесов, не слышен больше голос пахарей на полях, на умирающих деревьях в саду каркают вороны, на бесплодных пашнях стрекочут сороки.. Что мне делать теперь без любви?..»

Ни погружение в творчество, ни сочувствие и поддержка друзей, ни забота детей, ни вино, в котором Эрик временами пытался найти спасение, не были достаточными для преодоления этого одиночества. Единственный выход из положения – достижение единения с другим человеком в любви – был теперь возможен для него только вне земной реальности.

«Жизнь моя была отчаянным зовом и тщетным криком, сердечной болью и душевной мукой, сизифовым трудом...» – мучился Эрик в депрессии.

Дальнейшее существование, казалось, потеряло всякий смысл. Но если поэт может в сердцах скомкать свой неудачный черновик и решительно бросить в урну, тем самым избавившись от ощущения собственной творческой неполноценности, то Бог не поступает так со своим творением, продолжая с безграничным терпением наставлять его на истинный путь, каких бы мучений человеку это ни стоило. Ведь во всём, что происходит в нравственном мире, виноват в значительной мере сам человек, и Господь даёт ему шанс осознать это... Но пока Эрик был ослеплён горем.

Душевное состояние отца не давало покоя Армену, но он не мог находиться всё время рядом и часто приходил домой лишь поздно ночью. Армен был занят формированием отряда самообороны...

Двадцатипятилетний Даниел крутил баранку городского маршрутного автобуса и, как говорится, в ус себе не дул. Даже о женитьбе, несмотря на наставления родителей, он пока не думал. Ему казалось, что в запасе уйма времени для всего. Даниел даже предположить не мог, что очень скоро жизнь резко изменится, и ему придётся оставить всё и взять в руки оружие, чтобы защитить свой родной край.

Андрей, зубной техник, наоборот, был человеком семейным, добропорядочным и рачительным домохозяином. Теперь и он, почтенный отец, записался в отряд самообороны – бороться за безопасность и мирное будущее своих троих детей.

Мовсес работал в школе учителем математики. У него были проблемы со зрением, о чём свидетельствовали очки с толстыми линзами. Но он очень любил свою родину. Любил не на словах, и потому без колебаний пошёл в добровольцы, хотя никогда не держал в руках боевое оружие.

Размывая возрастные границы, нарастающая угроза войны стёрла в определённой степени и половые различия. Среди бойцов отряда Армена была и девушка. Нет, Гаяне отнюдь не считала войну женским делом. Но она, беженка из Кировабада⁹², повидавшая на своём двадцатилетнем веку много несправедливости, не могла воспротивиться зову сердца и совести и решила разделить с мужчинами все опасности, тяготы и лишения военного лихолетья. И в отряде её не жалели, «гоняли» наравне со всеми, будь то физическая или огневая подготовка, марш-бросок или рытьё окопов. Девушка старалась не отставать от парней и не выделяться, словно поставив себе цель развенчать мифы о «слабом» поле. Само присутствие Гаяне воодушевляло ребят, подтягивало их и, казалось, делало ещё сильнее.

В отряде уже набралось три десятка человек: соседи, друзья, знакомые. Это были люди самых что ни на есть мирных профессий, вынужденные на время оставить садовничью лопату, учительскую указку, баранку автомашины и взять в руки... нет, не автомат и гранатомёт, а чаще всего охотничье или самодельное ружьё. Для защиты своей земли. И готовились эти люди к настоящим боям. Благо почти все они в своё время прошли двухгодичную срочную службу в советской армии, и в ходе организованных Арменом учебно-полевых занятий быстро восстановили свои навыки и знания.

Через две недели отряд был готов к выполнению боевых задач. Поначалу ограничивались дежурством в окрестностях города. Но вскоре по заданию Комитета сил самообороны Армен с группой наиболее подготовленных ребят отправился на подмогу бойцам – на один из самых тяжёлых участков фронта, где противник готовил крупное наступление.

Глава 15

Несмотря на достаточно тёплый день, над проржавевшей, местами залатанной крышей домика из светло-серого известняка курился дымок. Он обещал долгожданную встречу – Роберт затрепетал. Парень нетерпеливо отворил жалобно скрипнувшую калитку и почти вбежал во двор. В ответ на грохот захлопнувшейся створки отворилась входная дверь и на крыльце появилась... незнакомая старушка в вязаном чепчике. Пока Роберт стоял как вкопанный, потеряв от разочарования дар речи, она молча всматривалась в его лицо, удивлённо прищурившись.

– Алёши нет дома, – наконец промолвила старушка. – Пошёл в лес за хворостом.

Только тут Роберт узнал двоюродную тётю по отцу...

Плотно закутавшись в халат, Диана сидела на низком табурете у потрескивающей печки. Болезненная бледность осунувшихся скул, запавшие от бессонницы красноватые (вместо природного темно-зелёного цвета) глаза, дрожащие синие жилки на висках были

явными признаками внутренней боли. В Диане трудно было узнать прежнюю жизнерадостную, симпатичную и ухоженную девушку. Она безучастно смотрела перед собой, когда дверь вдруг распахнулась и на пороге застыл молодой человек в военной форме. Диана не сразу узнала брата, его появление было не просто неожиданным, но и почти невозможным, даже невообразимым. И лишь когда он, бросив в угол рюкзак, прыгнул к ней с криком: «Сестричка!», Диана вернулась в реальность. На её оживших глазах появились крупные слёзы. Роберт стиснул сестру в своих объятиях и стал порывисто целовать её лоб, мокрые щёки, нервные ручки. «Я не отпущу тебя», – с силой прошептала она, вцепившись в брата. Чувствуя, что у Дианы подкашиваются ноги, Роберт ещё крепче сжал свои объятия. «Я никуда не уйду, – приговаривал он. – Никому тебя в обиду не дам, сестрёнка».

Тётка, выхаживающая Диану, замерла у входа с повлажневшими глазами, молча наблюдая за происходящим. Казалось, она не решалась приблизиться, словно боясь нарушить таинство момента...

Наконец пришёл отец с вязанкой хвороста на худых плечах. Роберт впервые видел папу плачущим – крепко обняв сына, Алёша отрывисто всхлипывал в его плечо. Оба не произносили ни слова, что-то волнительно-важное переполняло их. Зато потом всю ночь отец, сын и дочь сидели у печки и беседовали.

Воспоминания были самые разные, чувства и ощущения, вызываемые ими, менялись быстро и резко: от греющей душу ностальгической радости до горести и скорби. Однако разговор в целом был сосредоточен на решимости выжить во что бы то ни стало и сообща выйти из нелёгкого положения достойным образом...

В воздухе витал зловещий запах войны. Отец и сын записались в отряд самообороны деревни...

Глава 16

Небольшие отряды самообороны спонтанно формировались по всей области. Общая опасность требовала сплочённости и единства. Помимо юношей, молодых и зрелых мужчин, в отряды шли также люди вовсе не военнообязанные: женщины, старики и подростки. Они называли себя фидаинами⁹³, и это была не патетика: в самом деле, движимые всеобщим энтузиазмом, люди готовы были пожертвовать собой ради того, чтобы отстоять родную землю, защитить свои семьи, честь и достоинство своего народа. В процесс самообороны включились и нашедшие приют в Нагорном Карабахе беженцы – если на территории Азербайджана эти люди не имели возможности защитить себя и свои права, то сейчас большинство из них было готово сделать это с оружием в руках, понимая, что, пролив кровь за вновь обретенную родину, они восстановят свою попорченную честь, человеческую и историческую справедливость.

Вскоре дислоцированным в Степанакерте и невольно оказавшимся меж двух огней частям⁹⁴ разваливающейся вместе с империей советской армии было дано добро покинуть территорию Нагорного Карабаха. С арены ушёл «сдерживающий» фактор, и отряды самообороны остались лицом к лицу с азербайджанскими воинскими формированиями, которым достались крупные склады военной техники, вооружения и боеприпасов расформированного Закавказского военного округа. Имея многократное преимущество в живой силе и боевом оснащении, противник рассчитывал добиться скорой победы. Одновременно с активизацией наступления на фронте стали более массивными артиллерийские обстрелы и бомбовые удары по армянским населённым пунктам, всё теснее сжималось кольцо экономической блокады. Расчёт был прост: смертельно напугать людей, лишить их элементарных средств для существования, заставить отказаться от борьбы и подчиниться или же покинуть навсегда свои родные очаги. Однако такое

невиданное давление лишь укрепляло дух сопротивления и решимость карабахцев защитить себя, не позволив повториться кровавому «сумгаиту».

Дело защиты родины обретало поистине всенародный характер.

Глава 17

Тяжёлое, усиливающееся с каждой минутой предчувствие надвигающейся беды заставляло сердце лихорадочно биться. Сжавшись в комок на стуле в углу комнаты и упёршись застывшим взглядом в одну точку, Эрик дрожал крупной дрожью, словно от сильного озноба. Он не замечал Астхик, вросшую от ужаса в пол, и не слышал зовущую его Анаит, не чувствовал её дрожащей ладони у себя на плече. Тем временем в полусотне километров от них, на поле боя, разворачивались драматические события: отряд Армена пытался прорвать смыкающееся кольцо вражеского окружения...

Автоматная очередь ударила, словно тяжелой кувалдой, в левое предплечье. Боль от первой пули была столь сильной, что двух других ран – чуть выше кисти и под мышкой – он почти не почувствовал. Точнее, не успел почувствовать каждую рану в отдельности: всё слилось в один мощный удар, который, как показалось в первый момент, оторвал и унёс руку...

Усилием воли раненый преодолел первый шок. Осознав, что все части тела на месте и он стоит на ногах, Армен вдруг преисполнился чувства уверенности в себе и решимости ни в коем случае не сдаваться, не проявлять слабости перед подчинёнными. Его даже не смутило, что рука с двумя переломами тотчас вспухла, застыв в неестественном виде – согнутая в локте и с открытой ладонью, направленной вверх. «Вперёд! Не отставать от товарищей!» – мысленно приказал командир отряда самому себе.

Не выпуская автомата, предплечьем здоровой руки Армен попытался положить кисть левой в раскрытую грудь афганки. Однако через несколько шагов рука вылезла из-под одежды и, почувствовав свободу, с силой подалась влево до отказа, причинив тупую, жидко-тошнотворную боль, и ещё долго успокаивалась, нелепым приветственным жестом содрогаясь прямо перед глазами. Она абсолютно не подчинялась, казалась чем-то самостоятельным и чужеродным. Ребята на ходу перевязывали Армену раны. Бинты моментально набухали от крови, кислый запах которой мутит разум...

«Ещё не все кончено...» – как бы раздваиваясь, внушал раненый себе, своему внутреннему «я».

В детстве, уже хорошо понимая, что смерть неминуема для всех, он почему-то был уверен в собственном бессмертии. Мальчику тогда искренне казалось, что смерть обойдёт его неким волшебным образом... Вспомнив это сейчас, почти двадцать лет спустя, Армен невольно улыбнулся.

Вместе с тем он не мог, не решался представить себе, что буквально через несколько минут может стать таким же неподвижным и бесчувственным, как лежащий неподалёку пень, вырванный с корнями снарядом. Он не хотел верить и тому, что часть боевых товарищей, с которыми ещё недавно делил пищу, сон и отдых, погибла... И это нежелание признавать жестокую реальность удивительным образом придавало сил.

Остатки отряда смогли прорвать кольцо вражеского окружения и двинуться к своим, однако остановить кровотечение, несмотря на все старания, не удавалось. Раненый заметно сдавал. Наконец он передал товарищам автомат, который, казалось, тяжелел с каждым шагом. Из карманов его самодельного бронежилета достали также гранаты и магазины с патронами. Некоторое время спустя, стараясь избавить раненого от лишней

ноши, бойцы разрезали бронежилет, пропитанный кровью, и только тут заметили третью рану под мышкой, с досадой упрекнув его за то, что скрывал её от них...

Вдруг как-то стремительно закружились в глазах кроны гигантских деревьев, и слабый дневной свет, тоненькой струйкой пробивавшийся сквозь пышную листву, исчез. Как-то смутно и далеко пригрезилась мать, которая скончалась ровно месяц назад... «Мама!» – прошептал Армен и попытался открыть глаза, но не смог. Он уже не слышал, как товарищи звали его...

Раненый впадал в безмятежное состояние, которое бывает, наверное, тогда, когда вплотную подходишь к последней черте, целиком и безропотно отдаваясь накатившему ощущению полной, страшной свободы. Весь мир, казалось, медленно отворачивался, а ему совершенно не хотелось сопротивляться, попытаться удержать его. Даже о самых близких, родных людях думать не было сил. Они казались чужими и нереальными...

Армен совсем было смирился с мыслью о смерти, но тут, словно вспомнив остатками угасающего сознания что-то очень важное, он попросил у Бога оставить его в живых... Оставить в живых и дать ему возможность поведать людям о пережитом и перечувствованном на грани жизни и смерти. Рассказать о войне и человеке в неестественных, нелепых, бесчеловечных реалиях войны. Указать на свой кровавый след на том, казалось, не имеющем конца пути с места боёв до полевого госпиталя – пути переосмысления и самоочищения...

И Бог услышал его!

Эпилог

Сорок пять лет мира после Великой Отечественной казались короче четырёх лет предстоящей кровавой войны, словно были и не миром, а некой мирной передышкой. Эрик, так и не сумевший выяснить что-либо о судьбе своего без вести пропавшего отца, теперь чуть было не потерял единственного сына. Но Господь, видно, пожалел человека, зажатого двумя войнами в чудовищные тиски.

Между тем на долю поколения Армена выпала суровая, поистине военная судьба. После двух лет службы в советской армии он и его сверстники оказались в горниле четырёхлетней бойни, разгоревшейся на фоне развала СССР по вине бывшей союзной республики, всячески стремившейся удержать в своём составе автономную область, которая совершенно законно и обоснованно заявила о своём праве на самоопределение. Независимость досталась тяжёлой ценой карабахцам, на алтарь свободы положили свои жизни тысячи патриотов, от бомбёжек и обстрелов погибли сотни мирных людей: женщины, старики и дети. Но беспрецедентный дух единства, самоотверженности, готовности пожертвовать собой во имя общенациональных идей, ради брата, друга, соседа, ради ближнего своего помогли народу не только выжить, но и победить. Однако предстоял ещё большой и сложный путь, необходимо было пройти не менее серьёзное испытание миром...

Армен, с трудом восстановившись после тяжёлого ранения, поменял автомат на перо – благо правая рука была цела. Став военным корреспондентом, он теперь защищал интересы и честь своего края на информационном фронте – кроме бойни с кровью и смертью, на войне во всю мощь разворачивалась и битва слов.

Помимо журналистских статей, репортажей и интервью Армен Багумян писал очерки и рассказы. Верный своему обещанию Богу, он рассказывал правду о войне, без прикрас и недомолвок, тем самым фактически объявив войну самой войне. Армен использовал негативную энергетику последней против неё же, стараясь показать всю её неприглядность и одновременно доказать, что человек человеку – не волк, и во всём виновата война, которая разводит людей по разные стороны баррикад, часто не спрашивая

фамилии и национальности... Отец внимательно следил за творческим и личностным становлением сына, помогал ему, советовал, направлял.

«В каждом произведении должна быть соль и своя изюминка, – внушал он. – Не словесные изыски и минутные шумные удачи помогают писателю по-настоящему стать писателем, а непрестанное борение с самим собой, самовоспитание и дисциплина духа. Не торопись, работай над каждым словом. Всё имеет свой срок, всё должно созреть: и фрукты, и ягоды, и разговоры, и мысли. Незрелым можно отравиться. А будешь честен с природой – она откроет перед тобой все свои тайны. Человеческий язык и даже поэтический слог, как высшее его выражение, ничто перед природой, с лёгкостью рассыпающей кругом красоту. Нужно уметь замечать и ценить эту нерукотворную красоту... И знай, что сверху Бог измеряет каждый твой шаг, и ты в итоге получишь всё, что заслужил».

Армену особо запомнился родительский совет, поначалу показавшийся странным: «Не спеши, чтобы не отстать от спешащих». Лишь годы спустя он поймёт глубокую мудрость, заложенную в этой, казалось бы, не совсем логичной мысли.

Эрик же вновь воспрянул духом, видя своё воплощение в сыне. «То, что я не успел, сделает он», – тихо мечтал отец, с трепетом предвкушая день, когда божья искра в его наследнике загорится ярким пламенем, освещая путь окружающим...

Кончилась, наконец, долгая кровопролитная война. После заключения в мае 1994 года бессрочного соглашения о прекращении огня, параллельно с переговорами политиков потихоньку восстанавливалась мирная жизнь, суля, казалось, безоблачные солнечные дни... Но и Армену, после того, как отец ушёл в лучший мир, наверное, соединившись с единственной любовью своей жизни, пришлось пережить ещё две войны. И ему довелось отправить на войну сына...

События начала апреля 2016 года вошли в историю карабахского конфликта как «четырёхдневная война». В течение этих обогранных кровью дней противник, грубо нарушив все мирные соглашения, предпринял, по сути, такие же агрессивные действия, что и прежде, на протяжении четырёх лет полномасштабной войны в начале 1990 годов, но уже с применением современного, гораздо более разрушительного оружия. В этих четырёх днях, казалось, была сконцентрирована вся злость, ненависть и жестокость противника, но одновременно и его бессилие, ибо вновь преимущество в вооружении и живой силе оказалось беспомощным перед высоким духом и жертвенностью защитников родины. Специально подготовленным вражеским подразделениям, подкреплённым наёмниками-террористами, противостояли в основном 18-20-летние парни, солдаты-срочники, многие из которых пали смертью храбрых, отражая коварное нападение противника. Эти безусые юнцы грудью защитили свою родину, стариков, женщин и детей – пленников и заложников такого мирового зла, как война...

Но «четырёхдневная война», увы, оказалась лишь прелюдией к «сорока четырёхдневной», уже совсем бесчеловечной войне. Произошла она спустя четыре года после «четырёхдневной» (цифра четыре удивительным образом играла в этих страшных событиях некую роковую роль). Армен не успел оглянуться, как уже его старший сын Вазген уходил в бой...

Новая война отличалась невиданной жестокостью, коварством и изощрённостью врага как в плане методов ведения боевых действий и применяемого оружия, так и зверств в отношении мирного населения, военнопленных, заложников и раненых, циничным попранием элементарных общечеловеческих норм. С первого же дня⁹⁵ необъявленного широкомасштабного нападения планомерно уничтожались целые мирные города и сёла – кассетными бомбами, различными ракетами и снарядами. Против населения маленького края агрессор апробировал все виды имеющегося у него оружия: РСЗО «Смерч», ракетный комплекс LORA, тяжёлый огнемёт ТОС, боевые самолёты, ударные БПЛА и т.д. Под прицелом оказались церкви, жилые здания, школы, детские сады, госпитали, больницы, родильные дома, различные объекты инфраструктуры. Апофеозом злодеяний

стали зажигательные бомбы с белым фосфором, грозившие экологической катастрофой во всём регионе.

Удары с воздуха и с земли наносились непрерывно, огонь лился на солдат и мирных жителей непрестанно. Тяжелее всего было глядеть на «слезу на щеке невинного ребёнка» – среди погибших и раненых были и дети. Став живым щитом, защитники края: военнослужащие, добровольцы и ополченцы – делали всё возможное и невозможное, героически ведя в течение полутора месяцев крайне неравную битву. Мало кто выдержал бы такое...

Но выдержал маленький край. Тяжело раненный в нечестном бою, он выстоял, чтобы воскреснуть и возродиться...

Вместо послесловия

Вазгену было годиков пять, когда он вдруг попросил отца рассказать, как тот «был солдатом». И Армен, прибегая в том числе к помощи лексикона своего детства, пытался объяснить сынишке, почему ему пришлось взять в руки автомат и стать воином. Мальчик слушал затаив дыхание, видимо, силясь понять, почему взрослые стреляли и убивали друг друга, чтобы... родился и жил он и такие же, как он, дети.

Теперь, будучи уже сам солдатом, Вазген прекрасно понимал, как трудно обеспечить детям веру в солнечную сказку со счастливым финалом, какой – вполне резонно с точки зрения ребёнка – рисуется им жизнь. Но если у младенца правда одна (и она глаголет его устами), то у взрослых таких «правд» столь много, что они часто запутываются в них. В итоге человеческая правда, отошедшая от Божьей красоты, от Истины, теряет солнечный свет в себе и очень часто проявляется в уродстве, одним из крайних воплощений которого является война.

Конечно, когда родная земля находится в смертельной опасности, защищать её – дело чести. Однако победителей на войне, по большому счёту, не бывает, ибо последствия её всегда страшные и непоправимые. После себя война с жестокой неумолимостью оставляет детей сиротами, женщин – вдовами, выживших молодых мужчин – инвалидами. Душевные раны часто оказываются глубже физических увечий. Из-за войны самые простые человеческие мечты остаются неосуществлёнными.

Говоря образно, густой дым войны затмевает голубое небо, насылая на землю безжизненную тьму, и, чтобы не дать ей окончательно проглотить солнце, людям приходится срывать от дневного светила и прятать у себя в груди оранжевые, подобные апельсину, сгустки света, подпитывающие святую надежду на возвращение мирных времён, когда вновь появится возможность собирать по кусочкам большое солнце...

Примечания:

1. **Трудодень** – мера оценки и форма учёта количества и качества труда в советских колхозах в период с 1930 по 1966 гг.
2. До февраля 1946 года основное военное формирование СССР носило официальное наименование Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА).
3. **Куркут** – традиционное блюдо карабахской кухни, каша из полбы и жирного мяса, преимущественно свинины.
4. **Садж** – железная сковорода с выпуклой стороной, на которой пекут тонкий лаваш, лепёшки и т.д.
5. **Женгялов хац** – хлебная лепёшка с начинкой из мелко нарезанной зелени различных растений, традиционное блюдо карабахских армян.
6. **Гата** – традиционная армянская выпечка из слоёного теста. Сладость, представляющая собой пирог с начинкой из масла и сахарной пудры.
7. **Дхол** – армянский ударный музыкальный инструмент, род двустороннего барабана, имеющий форму цилиндра и покрытый одной или двумя мембранами. Ранее применялся в военных походах, в настоящее время используется в ансамбле с зурнами, сопровождает танцы, шествия.
8. **Зурна** – армянский духовой инструмент, обычно изготавливаемый из абрикосового дерева.
9. **Трехи** – национальная армянская обувь в виде кожаных носков.
10. **Пюрпют** – съедобное дикорастущее растение.
11. **Левитан** – Юрий Борисович Левитан (1914-1983) – диктор Всесоюзного радио Государственного комитета СМ СССР по телевидению и радиовещанию. Входил в число деятелей культуры СССР, пользовавшихся покровительством Сталина, который только ему доверял зачитывать по радио свои указы и приказы. Народный артист СССР.
12. **Ширак** – историко-географический регион на территории исторической Армении, в области Айрарат, в северо-восточной части Армянского нагорья. Прообразом поэта Ширака в романе является выдающийся армянский поэт Ованес Шираз (1915-1984).
13. **Хрущёвская оттепель** – неофициальное обозначение периода в истории СССР при генсеке Н. С. Хрущёве, охватывающего примерно десятилетие после смерти И. В. Сталина (с середины 1950-х до середины 1960-х годов). Характеризовался во внутривластной жизни СССР осуждением культа личности Сталина и репрессий 1930-х годов, освобождением политических заключённых, относительной либерализацией политической и общественной жизни страны, большей свободой творческой деятельности, а также улучшением отношений со странами капиталистического блока и одновременно усилением позиций СССР в мире, наращиванием ядерного потенциала.
14. Отрывок из стихотворения «Солнце и апельсин» известного карабахского поэта Эрнеста Бегларяна в переводе В. Портного.
15. **«Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»** – ставшая крылатой среди коммунистов и поклонников Сталина фраза, приписываемая Уинстону Черчиллю. На самом деле она принадлежит британскому историку Исааку Дойчеру. Сама фраза впервые появилась в 1953 году в газете «The Times» в посвящённом Сталину некрологе. Затем в 1956 году переключившись на статью о Сталине в Британской Энциклопедии.

16. Причёска «бабетта» – объёмный начёс на голове в форме полусферы. Эта причёска стала популярной в 60-70 годах двадцатого столетия после выхода фильма «Бабетта идёт на войну», главную роль в котором сыграла знаменитая Брижит Бордо. Стилист Жак Десанж придумал её специально для главной героини.

17. Имеются в виду атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 года) – два единственных в истории человечества случая боевого применения ядерного оружия. Осуществлены Вооружёнными силами США на завершающем этапе Второй мировой войны.

18. Дошаб – вываренный, концентрированный фруктовый сок. Тутовый дошаб является отличным народным средством от кашля.

19. Хашил – популярное у армян блюдо. Основные ингредиенты: похиндз (мука из жареной молотой пшеницы), тан (кисломолочный напиток) или молоко, растительное или сливочное масло, жареный лук.

20. Чоратан («сухой тан» в переводе с армянского) – кисломолочный продукт, который получают из тана (в старину, когда взбивали масло в маслобойке, после отделения масла оставался тан). Рачительные хозяйки готовили из тана чоратан, в виде небольших твёрдых шариков, которые хранились долгими месяцами и использовались в качестве ингредиента.

21. 30 октября 1961 года XXII съезд КПСС постановил, что «серьёзные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В. И. Ленина». В ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года тело Сталина было вынесено из Мавзолея и погребено в могиле у Кремлёвской стены.

22. Аналогия с героем стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Пророк».

23. Бобинник – ленточный магнитофон, уже в 60-ые годы понемногу входивший в обиход советских граждан.

24. Октябрёнок – в Советском Союзе учащийся школы 7-9 лет, входящий в группу при пионерской дружине школы.

25. Пионер – участник пионерского движения – детских коммунистических организаций в СССР и в других социалистических странах, созданных по образцу скаутского движения.

26. Комсомол – молодёжная организация Коммунистической партии Советского Союза. Была создана как Российский коммунистический союз молодёжи 29 октября 1918 года.

27. Розовая свадьба – 10 лет со дня свадьбы – это первая круглая годовщина, которая также носит символическое название «розовая свадьба». Её называют и «оловянной свадьбой».

28. КГБ – Комитет государственной безопасности СССР – центральный союзно-республиканский орган государственного управления в сфере обеспечения государственной безопасности, действовавший с 1954 по 1991 годы.

29. Джеймс Бонд (также известный как «агент 007») – главный персонаж романов британского писателя Яна Флеминга о вымышленном агенте «Секретной разведывательной службы МИД Великобритании» (СИС/МИ-6). Получил широкую популярность после начала экранизации романов Флеминга (с начала 1960-х гг.).

30. Первомай (Первое мая) – праздник первого мая, день международной солидарности пролетариата. Отмечается во многих странах мира 1 мая или в первый

понедельник мая как Праздник труда, День труда, Праздник Весны и Труда, День международной солидарности трудящихся.

31. Реприманд (фр. réprimande) (разг., устар.) – тут в значении: неожиданность, сюрприз.

32. Сексот (секретный сотрудник) – в советское время так называли доносчиков, осведомителей КГБ в каком-либо коллективе.

33. Феликс Эдмундович Дзержинский (Железный Феликс, 1877-1926) – революционер, советский политический деятель, основатель и глава ВЧК – Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР (специальный орган безопасности Советского государства).

34. Чекист – в узком смысле – сотрудник Всесоюзной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ЧК), в широком смысле – сотрудник органов государственной безопасности.

35. Борис Пастернак (1890-1960) – выдающийся русский поэт, писатель и переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе. Подвергался травле и гонениям со стороны советского правительства по идеологическим мотивам.

36. Никита Сергеевич – Никита Сергеевич Хрущёв (1894-1971) – советский государственный деятель, Первый секретарь ЦК КПСС с 1953 года по 1964 год.

37. БАМ – Байкало-Амурская магистраль, железная дорога в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, одна из крупнейших железнодорожных магистралей в мире.

38. Искусственный спутник Земли – космический летательный аппарат, вращающийся вокруг Земли по геоцентрической орбите. Первый советский искусственный спутник Земли был запущен 4 октября 1957 года.

39. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» – цитата из стихотворения поэта, классика русской литературы Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин» (1856 г.).

40. Папа Карло, Буратино – вымышленные персонажи, герои сказки А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино».

41. Цавт танем – распространённое у армян выражение, дословно означающее «заберу твою боль».

42. Брижит Бардо (р. 1934) – французская киноактриса, певица, фотомодель, являлась одним из секс-символов 1950-1960 годов.

43. ГУЛАГ – Главное управление лагерей (или Главное управление исправительно-трудовых лагерей) – подразделение НКВД, МВД СССР, осуществлявшее руководство местами заключения и содержания в 1930-1960 годах.

44. Пари ор – «добрый день» («бари ор») на карабахском диалекте армянского языка.

45. Фраза «догнать и перегнать Америку» стала популярной после того, как Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв 22 мая 1957 года в речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик СССР обещал за три года догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения.

46. Мендельсон – Якоб Людвиг Феликс Мендельсон Бартольди (1809-1847) – немецкий композитор еврейского происхождения. Один из крупнейших представителей романтизма в музыке.

47. Кох – армянская национальная борьба, победитель в которой должен бросить противника спиной на ковёр, либо вытолкнуть за поле боя. В древности состязались в кохе в основном во время праздничных торжеств, свадеб. Со стороны жениха и невесты выходили борцы. Тот, кому удавалось сделать «кох», то есть бросить соперника под себя, должен был коленом прижать противника к земле, зафиксировав свой успех. После этого исполнялся специальный танец победителя.

48. Архалук – широко распространённая в то время в Закавказье разновидность верхней женской одежды.

49. Гулпа – традиционные национальные вязаные узорчатые шерстяные носки.

50. Ахчи – простонародная, сокращённая форма армянского слова «ахчик» – «девочка», «девушка».

51. Хрущёвка – панельные или кирпичные четырёх-пятиэтажные дома, массово сооружавшиеся в СССР во время правления Никиты Сергеевича Хрущёва и получившие в народе его имя. Строительство «хрущёвок» продолжалось с 1958 по 1985 годы.

52. «Лампочка Ильича» – патетическое название первых бытовых ламп накаливания в СССР, клише официальной пропаганды СССР, подчёркивающее противопоставление дореволюционного и советского периодов. В советское время существовала пословица: «Была коптилка да свеча – теперь лампа Ильича».

53. «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» – фраза из официального доклада Никиты Хрущёва на XXII съезде партии в октябре 1961 года. Она вошла в принятую съездом Третью программу КПСС: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!».

54. 12 апреля 1961 года состоялся первый в мире полёт человека в космос. В 9 часов 07 минут по московскому времени с космодрома «Байконур (расположен на территории Казахстана) состоялся запуск ракеты-носителя «Восток». Она вывела на околоземную орбиту советский космический корабль «Восток» с человеком на борту. Это был Юрий Алексеевич Гагарин. Продолжительность полёта составила 1 час 48 минут.

55. Социализм в отдельно взятой стране – теория о возможности построения социализма в СССР, ставшая официальной доктриной государства после XIV съезда ВКП (б) в 1925 году.

56. Пятилетка – пятилетний план развития народного хозяйства в СССР.

57. Выдать на-гора – поднять на поверхность шахты, предъявить сделанную работу, произвести какую-либо продукцию. Диалектное выражение возникло из речи шахтёров, где слово «гора» имеет значение «рудник, верхняя поверхность шахты».

58. Леонид Ильич Брежнев (1906-1982) – советский государственный и партийный деятель, занимавший высшую руководящую должность КПСС в течение 18 лет (с 1964 года и до своей смерти в 1982 году).

59. Блат – широко распространённое на территории СССР жаргонное слово, означающее знакомство или связи, используемые в личных целях.

60. Баев Николай Георгиевич (1875-1949) – российский и советский архитектор армянского происхождения, в основном работавший в Баку и Ереване. В частности, на Торговой улице в Баку архитектором Баевым по заказу нефтепромышленника Маилова был спроектирован оперный театр (1910-1911 гг.). Стиль здания – модерн начала XX столетия.

61. Братья Маилоры – Даниил, Иван (Ованес) и Лазарь (Егия) – русские нефтяные магнаты, бизнесмены и меценаты армянского происхождения. Род Маиловых обосновался на Кавказе в 1815 году и вскоре начал приобретать рыбные концессии на Каспии, торгуя икрой и развивая нефтяной бизнес. Некоторые источники утверждают, что Маилоры были первыми торговцами икры во всей России. Благодаря успехам в икорной индустрии семью Маиловых называли «Королями икры». Братья Маилоры также были известны в роли спонсоров многочисленных культурных объектов в Баку, инвестировали многие проекты в Армении.

62. В июле 1965 года группа представителей интеллигенции из Нагорного Карабаха обратилась с письмом в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть вопрос о воссоединении области с советской Арменией. Письмо подписали около 45000 жителей НКАО. Бюро областного комитета КП Азербайджана осудило их «за организацию группового письма, адресованного в ЦК КПСС с ошибочным предложением о присоединении НКАО к Армянской ССР, наносящим вред воспитанию трудящихся в духе ленинской дружбы народов СССР, а также за серьёзные недостатки в практической работе». Подписавшие письмо были отстранены от работы, многие привлечены к уголовной ответственности или депортированы из Нагорного Карабаха в Армению.

63. В начале XX века Нагорный Карабах дважды (в 1905-1907 гг. и 1918-1920 гг.) становился ареной кровопролитных армяно-татарских (азербайджанских) столкновений. Вооружённые конфликты продолжались до советизации Азербайджана в 1920 году. 5 июля 1921 года Нагорный Карабах в своих историко-географических границах был передан Азербайджанской ССР решением Кавбюро ЦК РКП(б) с предоставлением ему «широкой областной автономии с административным центром в городе Шуше». В течение советского периода армяне и азербайджанцы относительно мирно уживались друг с другом, однако существовало много скрытых и явных общественно-политических и социальных проблем. Власти Азербайджанской ССР обвинялись в дискриминации армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО), в целенаправленном «выравнивании» демографии, умышленной изоляции региона и т.д.

64. Ироничный намёк на фразу «Мы пойдём другим путём»: будущий глава Советского правительства Владимир Ильич Ульянов (ещё не Ленин) получает известие о том, что его старший брат Александр казнён (8 (20) мая 1887 года) за организацию покушения на царя Александра III, и говорит убитой горем матери: «Мы пойдём другим путём».

65. Хиппи – субкультура, возникшая на территории Америки в 60-х годах XX века. Хиппи пытались наладить альтернативный образ жизни, создавали коммуны со своими порядками, которые касались многого: причёски, одежды, отношения к окружающим и т.д. Хиппи, в частности, увлекались рок-н-роллом – музыкой протеста.

66. Леонид Ильич – Леонид Ильич Брежнев (см. 58).

67. Эдуард Маркаров (р. 1942) – легендарный советский футболист. В 1966 году он привёл бакинский клуб «Нефтяник» («Нефтчи») к бронзовой медали чемпионата СССР, а в 1973 году, уже с ереванским «Арагатом», выиграл чемпионат СССР и кубок Советского Союза.

68. Имеется в виду матч четвертьфинала Кубка европейских чемпионов «Арагат» (СССР) – «Бавария» (Германия), который состоялся 19 марта 1975 года на стадионе «Раздан» в Ереване и завершился победой «Арагата» со счётом 1:0.

69. XXII Летние Олимпийские игры проходили в Москве с 19 июля по 3 августа 1980 года. Впервые за историю они проводились в социалистической стране.

70. Пражская весна – период политической либерализации и массовых протестов в Чехословакии. Началась Пражская весна 5 января 1968 года, когда реформист Александр Дубчек был избран первым секретарём Компартии Чехословакии, и продолжилась до 21 августа 1968 года, когда Советский Союз и другие члены Варшавского договора вторглись в страну с целью подавить реформы. Пражская весна (попытка построения «социализма с человеческим лицом») закончилась в ночь на 21 августа 1968 года, после чего в стране началось распространение антисоветских и антирусских настроений.

71. Леонид Брежнев умер 10 ноября 1982 года на государственной даче «Заречье-6» от внезапной остановки сердца во время сна. Глава СССР был похоронен 15 ноября 1982 года на Красной площади у Кремлёвской стены в Москве. На его похоронах присутствовали руководители 35 стран со всего мира, что сделало прощание с генсеком самым пышным и помпезным после похорон Сталина.

72. Афганская война (1979-1989 гг.) – военный конфликт на территории Демократической Республики Афганистан (ДРА). В конфликте, который проходил между правительственными войсками Афганистана и вооружёнными формированиями афганских моджахедов, поддерживаемыми НАТО и в первую очередь США, принимал участие ограниченный контингент советских войск. Участие СССР в афганском конфликте продлилось почти 10 лет и забрало жизни около 40 тысяч советских военных.

73. Лениниана – в СССР название совокупности произведений искусства и литературы, посвящённых Владимиру Ильичу Ленину.

74. Юрий Владимирович Андропов (1914-1984) – советский государственный и политический деятель, руководитель СССР в 1982-1984 гг. В мае 1982 года Андропов оставил должность председателя КГБ СССР в связи с избранием на должность секретаря ЦК КПСС, освободившуюся после смерти М. А. Суслова. После смерти Л. И. Брежнева, 12 ноября 1982 года решением внеочередного Пленума ЦК КПСС Андропов был избран Генеральным секретарём ЦК КПСС. Ю. В. Андропов умер 9 февраля 1984 года на 70-ом году жизни. Согласно официальной версии, причиной смерти стал отказ почек, произошедший вследствие многолетней подагры.

75. Константин Устинович Черненко (1911-1985) – советский партийный и государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС с 13 февраля 1984 года по 10 марта 1985 года. 13 февраля 1984 года на пленуме ЦК КПСС К. У. Черненко единогласно был избран Генеральным секретарём ЦК КПСС. К этому времени 72-летний Черненко был уже тяжело болен и воспринимался как промежуточная фигура. 10 марта 1985 года Константин Черненко скончался от остановки сердца, при проявлениях нарастающей печёночной и лёгочно-сердечной недостаточности. После года и двадцати пяти дней правления он стал последним генсеком, похороненным у Кремлёвской стены.

76. День знаний (1 сентября) – государственный праздник, введённый в СССР указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 июня 1984 года «Об объявлении 1 сентября всенародным праздником – Днём знаний».

77. Михаил Сергеевич Горбачёв (1931-2022) – советский и российский государственный, политический, партийный и общественный деятель. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС (1985-1991 гг.), последний председатель Президиума Верховного Совета СССР (1988-1989 гг.), затем первый председатель Верховного Совета СССР (1989-1990 гг.). Первый и единственный президент СССР (1990-1991 гг.).

78. Перестройка – общее название реформ и новой идеологии советского партийного руководства, используемое для обозначения больших и неоднозначных перемен в экономической и политической жизни СССР, инициированных Генеральным секретарём ЦК КПСС М. С. Горбачёвым в 1985-1991 годы. Началом перестройки считается 1987 год, когда на январском пленуме ЦК КПСС перестройка была объявлена направлением развития государства. Целью кардинальных реформ была всесторонняя демократизация сложившегося в СССР общественно-

политического и экономического строя. Перестройка практически привела к развалу Советского Союза.

79. Объединение Германии – официально: немецкое воссоединение или восстановление единства Германии, вхождение 3 октября 1990 года ГДР и Западного Берлина в состав Федеративной Республики Германия в соответствии с конституцией ФРГ. При этом не было создано новое государство, а на присоединённых территориях была введена в действие конституция ФРГ 1949 года. Правовую основу для объединения двух германских государств положил Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии (также именуемый Договор «Два плюс четыре»). Документ подписали ГДР и ФРГ плюс Великобритания, Франция, СССР и США.

80. «Империя зла» – литературное выражение, ставшее политическим клише благодаря президенту США Рональду Рейгану, назвавшему в одном из своих выступлений (в 1983 году) СССР «империей зла» (а также «центром зла в современном мире»).

81. Имеется в виду **Карабахское движение** – общественное движение в поддержку требования армянского населения НКАО о передаче области из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР (конец 1980-х-начало 1990-х гг.).

82. «Парад суверенитетов» (1988-1991 гг.) – наименование конфликта между союзным центром и союзными республиками, вызванного провозглашением верховенства республиканских законов над союзными и ставшего одним из ключевых факторов, приведших к распаду СССР. 25 декабря 1991 года М. С. Горбачёв в телеобращении к народу объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР, подписал указ о передаче управления стратегическим ядерным оружием президенту России Борису Ельцину. День 25 декабря 1991 года стал де-факто последним днём в истории Советского Союза. Одна из крупнейших мировых держав исчезла с карты мира.

83. Младотурки – политическое движение в Османской империи, которое, начиная с 1876 года, пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство. Младотуркам удалось свергнуть султана Абдул-Хамида II (1908 г.) и провести половинчатые прозападные реформы, однако после поражения Турции в Первой мировой войне они потеряли власть. Внутри страны младотурки применяли жестокий террор. В 1915 году младотурецкие власти истребили свыше 1,5 млн армян (Армянский геноцид).

84. Массовый исход армян из Баку начался после имевших место с 13 по 20 января 1990 года погромов, которые сопровождалось убийствами, насилием, грабежом, мародёрством, уничтожением имущества. Лишь на седьмой день погромов, в ночь с 19 на 20 января, в Баку были введены советские войска, которым удалось взять ситуацию под свой контроль. В результате армянских погромов в Баку, по разным оценкам, погибло до 300 армян, сотни получили увечья, десятки тысяч людей вынуждены были в одночасье оставить свои дома и имущество, нажитое честным многолетним трудом. Бакинские армяне рассеялись по всему миру, преодолев многочисленные нечеловеческие трудности в поисках нового пристанища.

85. С осени 1991 года до весны 1992 года, в условиях полной блокады со стороны Азербайджана, по Степанакерту и соседним армянским населённым пунктам вёлся интенсивный артиллерийский обстрел и наносились бомбовые удары с воздуха, результатом чего стали масштабные разрушения и многочисленные жертвы среди гражданского населения, были покалечены сотни мирных жителей. Азербайджанские силы применяли против мирного населения запрещённые международными конвенциями реактивные системы залпового огня «Град» и другие виды оружия. Регулярные обстрелы жилых кварталов Степанакерта прекратились лишь после подавления Силами самообороны Нагорного Карабаха крупной огневой базы противника в Шуши и освобождения города 8-9 мая 1992 года.

86. Гуманитарный коридор. Военная операция по открытию дороги военно-оперативной и жизненной для Нагорного Карабаха важности Шуши – Лачин – Забух (как тогда называли – Лачинского гуманитарного коридора) была проведена 17-18 мая 1992 года. 18 мая карабахские формирования вошли в Лачин, затем вышли на государственную границу Армении, тем самым прорвав блокаду НКР со стороны Азербайджана и наладив сухопутную связь с Арменией. В годы войны (1991-1994 гг.) Лачинский гуманитарный коридор был настоящей дорогой жизни для новонезависимой Нагорно-Карабахской Республики, находившейся в тяжелейших

условиях блокады и острого дефицита самых необходимых продуктов питания, лекарств и т.д. Уже 20 мая 1992 года по дороге Горис – Степанакерт через Лачинский гуманитарный коридор в столицу республики были доставлены сотни тонн гуманитарного груза: продуктов питания, медикаментов и других товаров первой необходимости.

87. Омоновец – служащий частей ОМОН – Отряда милиции особого назначения, детища «перестройки». Первые отряды ОМОН были созданы в октябре 1988 года – в период перестройки, когда начала нарастать нестабильность в обществе. Отряды ОМОН были командированы также в «горячие точки», в том числе в зону карабахского конфликта, для «поддержания порядка», но часто вовлекались в конфликт и играли негативную роль по подавлению воли народа, в частности под видом «проверки паспортного режима».

88. Согласно постановлению ЦК компартии СССР и Совета министров от 24 марта 1988 года «О мерах по ускорению социально-экономического развития НКАО в 1988-1995 годах» было выделено 400 миллионов рублей на выполнение данной программы. Однако руководство Азербайджана использовало эти средства на создание в период с 1988 по 1990 гг. в посёлке Ходжалу более 20 предприятий. Для завезённых турков-месхетинцев и «еразов» (переселенцев из Армении) в короткие сроки было построено жильё: индивидуальные и многоквартирные дома со всеми удобствами. В срочном порядке численность населения Ходжалу в 1991-м была доведена до 6000 человек против прежних 2135 (1989 г.). Ходжалу получил статус города. Кроме того, власти Азербайджана перебросили в Ходжалу подразделения ОМОН общей численностью в 400 человек. По некоторым данным, за период до установления контроля силами самообороны Нагорного Карабаха над Ходжалу было убито более 20 мирных граждан армянской национальности, похищено 16 человек, с ближайших колхозных и личных угодий угнаны тысячи голов крупного и мелкого рогатого скота.

89. Ферганские погромы – события мая-июня 1989 года в Ферганской области Узбекской ССР, связанные с межэтническим конфликтом между узбеками и турками-месхетинцами.

90. Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник»: «...И думал он: / Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / Назло надменному соседу!»

91. «Матах иним кез» – в переводе с карабахского наречия армянского языка: «Да стану я жертвой тебе».

92. Кировабад – армянские погромы в ноябре-декабре 1988 года в г. Кировабаде значительно усилили волну беженцев и из других азербайджанских городов. К середине 1989 года армяне полностью покинули указанный город, равно как и большинство других регионов АзССР.

93. Армянское слово «**фидаи**» происходит от арабского «фидаин», в переводе означающего «жертвующие».

94. В начале 1992 года дислоцированному в Степанакерте 366-ому гвардейскому мотострелковому полку был отдан приказ покинуть территорию Нагорного Карабаха. С арены ушёл так называемый «сдерживающий фактор», и это полностью развязало руки властям Азербайджана. Карабахские отряды самообороны встали лицом к лицу с азербайджанскими регулярными формированиями, усиленными иностранными наёмниками.

95. 27 сентября 2020 года – начало 44-дневной войны, развязанной против Нагорного Карабаха Азербайджаном при непосредственной поддержке Турции и с участием тысяч иностранных наёмников и террористов, завербованных из различных стран и регионов.

2019 - 2021 гг.

В романе использовались фрагменты стихотворений известного карабахского поэта Эрнеста Бегларяна, ставшего прообразом Эрика Багумяна.

При описании некоторых сцен Великой Отечественной войны были использованы воспоминания ветерана ВОВ из Нагорного Карабаха Александра Сулейманяна.

Иллюстрация Айка Саадяна.

